

ПИР–ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

~~НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ~~

№ 15

Под редакцией Ивана Сафранчука

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОТИВОРАКЕТНАЯ ОБОРОНА
США: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ
СТАБИЛЬНОСТИ И КОНТРОЛЯ НАД
ВООРУЖЕНИЯМИ**

МОСКВА, 2000

Научные Записки ПИР-Центра №15

ПИР-ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ

№ 15

**Под редакцией
Ивана Сафранчука
ПИР-Центр**

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОТИВОРАКЕТНАЯ ОБОРОНА США:
ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И
КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ**

СОДЕРЖАНИЕ

Иван Сафранчук. Предисловие.....	5
Бруно Тертрэ. Национальная система ПРО США и международная безопасность.....	7
Владимир Барановский. Планы США в области ПРО: международно-политические последствия.....	21
Григорий Тищенко. Национальная ПРО США и возможные меры противодействия со стороны России.....	30
Дингли Шен. Позиция Китайской Народной Республики по проблеме противоракетной обороны.....	43
Чарльз Фергюсон, Джон Пайк. ПРО и процесс контроля над вооружениями..	49
Брахма Челлани. Национальная ПРО США и перспективы гонки вооружений в космосе.....	61
Евгений Сиротинин, Юрий Подгорных, Сергей Бачевский. Национальная ПРО США и проблемы сдерживания.....	68
Иван Сафранчук, Евгений Маслин. Заключение.....	78
Об авторах	80
Summary	82

Научные Записки ПИР-Центра №15

Москва, Сентябрь 2000
Выходят три раза в год
Издаются с января 1996 года

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство о регистрации № 017536 от 30 апреля 1998 г.

Настоящие «Записки» подготовлены в рамках научно-исследовательского
проекта ПИР-Центра
«Контроль над ядерными вооружениями»

Редакционная коллегия:

Ильдар Ахтамзян
Дмитрий Евстафьев
Андрей Загорский
Евгений Маслин
Владимир Орлов
Роланд Тимербаев
Юрий Федоров

Редакция:

Иван Сафранчук, редактор номера
Карина Фуралева, помощник редактора
Мария Корнеева, секретарь редакции
Татьяна Абрамова, корректор
Вячеслав Зайцев – бухгалтерия
Олег Кулаков – компьютерное обеспечение
Наталья Харченко – распространение

Адрес для писем: Россия, Москва, 117454,
а/я 17, ПИР-Центр

Телефон редакции: +7+095–335–1955
(многоканальный)

Факс: +7+503–234–9558

Интернет-представительство:

<http://www.pircenter.org>

Электронная почта:

info@pircenter.org (общие вопросы)

orlov@pircenter.org (письма директору)

safra@pircenter.org (письма редактору номера)

Распространяется в Москве, Астане, Алма-Ате, Баку, Бишкеке, Вильнюсе, Душанбе, Ереване, Киеве, Минске, Риге, Таллине, Ташкенте, Тбилиси, Архангельске, Брянске, Владивостоке, Волгограде, Вольске, Воронеже, Дзержинском, Дмитровграде, Днепропетровске, Долгопрудном, Дубне, Екатеринбурге, Железногорске, Заречном, Звездном Городке, Зеленогорске, Ижевске, Иркутске, Казани, Камбарке, Кирове, Королеве, Краснообске, Красноярске, Кургане, Лесном, Миассе, Мурманске, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Новоуральске, Обнинске, Одинцово, Озерске, Пензе, Перми, Подольске, Реутове, Санкт-Петербурге, Саратове, Сарове, Северодвинске, Североморске, Северске, Сергиевом Посаде, Снежинске, Твери, Томске, Трехгорном, Химках, Чапаевске, Челябинске, Шиханах, Щучьем, Электростали, Юбилейном, Ярославле, Арлингтоне, Атланте, Афинах, Бирмингеме, Бонне, Бостоне, Брюсселе, Вашингтоне, Вене, Женеве, Иерусалиме, Лондоне, Лос-Аламосе, Кембридже, Монтерее, Нью-Йорке, Осло, Париже, Пекине, Праге, Санта-Монике, Сан-Франциско, Стокгольме, Тель-Авиве, Токио, Франкфурте, Чикаго и Шарлотсвиле.

Подписку можно оформить в редакции за наличный или безналичный расчет. Отдельные номера журнала можно приобрести там же. В розничную продажу не поступает. Тел. +7+095–335–1955.

Annual subscription overseas: please, send requests to fax +7+095–234–9558 or e-mail: info@pircenter.org. Checks or wire transfers. Express mail delivery.

Тираж: 900 экз.

Подписано в печать: 22 сентября 2000 года

Отпечатано в России

- Материалы «Научных Записок» не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде, иначе как с письменного разрешения Издателя.
- Публикуемые в «Записках» материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения ПИР-Центра и являются исключительно взглядами авторов.
- ПИР-Центр приветствует направление рукописей. Пожалуйста, предварительно запрашивайте описание требований, предъявляемых нами к рукописям (высылаются по почте, электронной почте или факсу). Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издатель: ПИР-Центр политических исследований

Роланд М. Тимербаев, председатель Совета

Владимир А. Орлов, директор и член Совета

Владимир Ф. Мисюченко, член Совета

Владимир А. Мау, член Совета

Юрий Е. Федоров, член Совета

© ПИР-Центр, 2000

Научные Записки ПИР-Центра №15

ПРЕДИСЛОВИЕ

Центральный вопрос переговоров о ядерном разоружении в настоящее время – это судьба договора по противоракетной обороне (ПРО). В целом такое положение вещей оправданно. Договор по ПРО определил логику ядерного соперничества двух стран. Отсутствие счита, когда каждая из сторон оказывалась беззащитна перед средствами нападения противника, создавало основу для переговорного процесса о сокращении ядерных вооружений. Если эта логика пересматривается, то должны пересматриваться и все производные от нее.

Наличие проблемы по ПРО совершенно обесценивает ратификацию СНВ-2 в России. Дело в том, что закон о ратификации договора увязывает действие для России СНВ-2 с действием договора по ПРО. Причем с инициативой денонсации может выступать не только президент, но и парламент, обязывая президента рассмотреть вопрос о выходе из СНВ-2.

В настоящей работе, подготовленной в рамках проекта «Контроль над ядерными вооружениями», собраны статьи российских и зарубежных экспертов, освещаются основные проблемы, связанные с планами США в области национальной ПРО.

Бруно **Тертрэ** (Bruno Tertrais), помощник директора по стратегическим вопросам министерства обороны Франции, рассматривает в статье «Национальная система ПРО США и международная безопасность» влияние национальной ПРО США на стратегическую стабильность и баланс сил между Россией и США, отношение к планам США в области ПРО их европейских союзников. Особое внимание автор уделяет анализу аргументов сторонников и противников идеи национальной системы ПРО. Все эти проблемы Бруно Тертрэ разбирает с *атлантической* (западной) точки зрения. Его основной вывод заключается в том, что политическое измерение национальной системы ПРО гораздо важнее, чем стратегическое. До настоящего времени США не уделяли этому феномену должного внимания, тем самым усугубляя реакцию мирового сообщества. США должны убедить Европу, Россию, Китай и другие государства в том, что они остаются привержены концепции сдерживания и что они не намерены отказываться от международной политики в области нераспространения и контроля над вооружениями в пользу односторонних

действий на основе концепции контрраспространения.

Владимир **Барановский**, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений, в статье «Планы США в области ПРО: международно-политические последствия» останавливается на влиянии национальной системы ПРО США на стратегическую стабильность и баланс сил между Россией и США, а также на последствиях развертывания ПРО территории страны для системы международных отношений. Комплекс этих проблем автор рассматривает с точки зрения российских интересов. Его основной вывод состоит в том, что международно-политические издержки планов США в области ПРО могут оказаться гораздо серьезнее, нежели чисто военная сторона дела. Несмотря на заявление Билла Клинтона, в соответствии с которым судьбу национальной системы ПРО должна решить новая американская администрация, вопрос остается открытым и уже очень скоро он вновь может оказаться в центре внимания. При этом у России и США сейчас появляется шанс на компромиссное решение на основе договоренностей, зафиксированных на высшем уровне во время Московского саммита-2000.

Григорий **Тищенко**, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований, в статье «Национальная ПРО США и возможные меры противодействия со стороны России» подробно разбирает позицию России в связи с планами США в области национальной системы ПРО и анализирует различные варианты возможных ответных мер. Основные выводы, к которым приходит автор, состоят в том, что решение о развертывании национальной системы ПРО в США, по всей видимости, будет рано или поздно принято. Одновременно США не заинтересованы, по целому ряду причин, в обострении российско-американских отношений. Поэтому они продолжают свои попытки *договориться* с Россией. В то же время Россия должна быть готова к принятию адекватных контрмер политического, военно-технического, дипломатического, пропагандистского и иного характера. Конкретное решение о выборе ответных шагов со стороны России на проводимые в США работы по созданию национальной системы ПРО следует отложить до весны-лета 2001 года.

Научные Записки ПИР-Центра №15

Дингли **Шен**, заместитель директора Центра американских исследований Фуданского университета (Шанхай, КНР), в статье «Позиция Китайской Народной Республики по проблеме противоракетной обороны» рассматривает подходы Китая к вопросам противоракетной обороны. Автор считает, что договор по ПРО является краеугольным камнем стратегической стабильности, и безопасность Китая зависит от его соблюдения. В то же время США вполне законно озабочены распространением ракетных технологий в мире. Такие опасения в полной мере разделяются и китайской стороной. Однако для решения этой проблемы необходимо сохранение договора по ПРО и укрепление международной безопасности, а не развертывание национальной системы ПРО США. В последнем случае США вряд ли смогут обеспечить широкую международную поддержку своим усилиям в области нераспространения ядерного оружия и ракетных технологий.

Чарльз **Фергюсон** (Charles D. Ferguson) и Джон **Пайк** (John E. Pike), ведущие сотрудники Федерации американских ученых (в настоящее время Чарльз Фергюсон перешел на работу в Госдепартамент США), в статье «ПРО и процесс контроля над вооружениями» анализируют влияние национальной системы ПРО США на перспективы дальнейшего сокращения ядерных вооружений и режимы нераспространения ядерного оружия и ракетных технологий. Выводы, к которым приходят авторы, сводятся к тому, что в случае развертывания национальной системы ПРО США, скорее всего, столкнутся с нежеланием России продолжить транспарентное ядерное разоружение и втянутся в немасштабную, но напряженную гонку вооружений с Китаем.

Профессор Брахма **Челлани** (Brahma Chellaney), сотрудник Центра политических исследований (Дели, Индия), в статье «Национальная ПРО США и перспективы гонки вооружений в космосе» рассматривает перспективы милитаризации космоса в результате развертывания национальной ПРО США, а также анализирует возможное влияние планов США в области ПРО на баланс сил в регионе Южной Азии. Автор считает, что развертывание национальной системы ПРО США даст толчок переносу гонки вооружений в космос, что только закрепит военно-стратегическое превосходство США в мире и окончательно

подорвет стратегическую стабильность. Кроме этого, можно ожидать обострения гонки вооружений в Азии.

Евгений **Сиротинин**, Юрий **Подгорных** и Сергей **Бачевский**, сотрудники военного института ПВО (Тверь), в статье «Национальная ПРО США и проблемы сдерживания» анализируют соотношение наступательных и оборонительных ядерных вооружений, вопросы сдерживания в условиях развертывания национальной ПРО в США. Авторы приходят к выводу, что программы ПРО территории страны и ПРО ТВД должны рассматриваться в комплексе, так как их совместное использование позволяет компенсировать недостатки каждой из систем в отдельности и обеспечивает США значительное военное преимущество над любым противником.

В заключении, подготовленном Иваном **Сафранчуком**, директором проекта «Контроль над ядерными вооружениями», и Евгением **Маслиным**, старшим советником ПИР-Центра, делается попытка наметить пути выхода из *ядерного тупика*, в котором находятся в настоящее время Россия и США.

Прогресс в деле сокращения ядерных вооружений – это не только вопрос национальной безопасности России и США. Это еще и вопрос их морального и юридического, по Договору о нераспространении ядерного оружия, обязательства перед мировым сообществом продвигаться вперед в деле ограничения ядерных арсеналов.

Американские планы в области ПРО самым непосредственным образом влияют на российские представления о параметрах своей ядерной группировки. Поэтому решить вопрос о продолжении ядерного разоружения можно только в том случае, если будет достигнута договоренность о дальнейшей судьбе договора по ПРО от 1972 года.

Необходим компромисс, который позволит обеим сторонам остаться в переговорном процессе и предотвратить скатывание к реалиям *холодной войны*. Компромисс должен быть основан на взаимном уважении сторон и отсутствии стремления какой-то из стран решить свои проблемы в области безопасности за счет ущемления интересов другой стороны в этой же области.

Иван Сафранчук

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПРО США И МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Бруно Тертрэ¹

Противоракетная оборона (ПРО) всегда была заветной мечтой многих американских *стратегов*. При этом данная проблема оставалась одной из наиболее спорных в дискуссии по вопросам международной безопасности. Заявленные в январе 1999 года намерения администрации США увеличить финансирование программы развертывания системы национальной ПРО (НПРО) вызвали новый виток дебатов. Несмотря на решение Билла Клинтона отложить вопрос о развертывании НПРО до прихода к власти новой администрации, учитывая недостаточную техническую готовность системы, многие считают, что США в той или иной форме создадут НПРО до 2010 года².

В данной работе отстаивается реалистический подход к решению проблемы ПРО. Автор рассматривает, главным образом, стратегические последствия для Европы американских планов по развертыванию НПРО (либо в форме заявленной администрацией Клинтона, либо в какой-то иной форме)³.

Дебаты по ПРО: история вопроса

У многих *ветеранов холодной войны* сегодняшние споры вокруг ПРО оставляют впечатление своего рода *дежа вю*, поскольку являются уже четвертым витком дебатов по данному вопросу. Предыдущие три – это дискуссии по системам *Sentinel* и *Safeguard*, планам *звездных войн*, созданию глобальной системы защиты от ограниченных ракетных ударов.

Запуск спутника в 1957 году, а затем и первые испытания советских межконтинентальных баллистических ракет (МБР) продемонстрировали США уязвимость их территории. В результате стала серьезно обсуждаться возможность создания ПРО через совершенствование ПВО. Китай – в то время советский союзник в Азии, выступавший против политики США в этом регионе, – стал своего рода прототипом будущих *государств-парий*. Так, в 1967 году министр обороны США Роберт Макнамара сумел обосновать необходимость начала программы *Sentinel*, сославшись именно на угрозу, исходившую от Пекина. Противники этой программы

говорили об ее неэффективности, поскольку она вряд ли могла бы противостоять соответствующим контрмерам. Некоторые эксперты говорили о риске новой гонки вооружений. При президенте Ричарде Никсоне главным доводом в пользу программы, которая была переименована в *Safeguard*, стала защита баз МБР.

В 1985 году наступил новый этап в истории ПРО – появилась программа *звездных войн*. В 1983 году президент Рональд Рейган санкционировал начало долгосрочной исследовательской программы. Когда же дело дошло до конкретной реализации, бюрократическая машина в очередной раз облекла президентскую инициативу в ставшую уже традиционной форму планов по защите ядерных сил США от первого удара со стороны СССР.

В конце восьмидесятых годов опасения по поводу распада СССР навели политиков на мысль о возможности случайных или несанкционированных запусков. Реакцией на это стала глобальная система защиты от ограниченных ядерных ударов. Помимо прочего, она должна была служить своего рода *страховкой* в случае появления новых ядерных государств. Создание такой глобальной системы защиты, предложенное в свое время президентом Борисом Ельциным, широко обсуждалось им с президентом Джорджем Бушем. Эти проекты были прекращены после прихода к власти администрации Клинтона, которая в 1993 году сосредоточила финансирование и технические усилия на развитии систем противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД) (оставаясь, впрочем, приверженной цели создания системы ПРО страны).

Таким образом, США постоянно пытались (за исключением нескольких лет *затишья* с 1976 по 1983 годы) создать ограниченную территориальную систему защиты от баллистических ракет (БР). Она рассматривалась в качестве:

- либо замены для системы сдерживания в тех случаях: а) когда сдерживание неэффективно (несанкционированный или

Научные Записки ПИР-Центра №15

случайный запуск); б) когда есть сомнения, что противник полностью воспринимает логику сдерживания (Китай, Северная Корея); или в) когда угроза настолько ограничена, что использовать для ее предотвращения ядерное сдерживание нецелесообразно (например, неядерный ракетный удар);

- либо элемента сдерживания (*сдерживание через недопущение победы*): а) против массированного разоружающего удара; или б) против ограниченной угрозы.

Однако современная дискуссия по проблемам ПРО имеет три заметных отличия от дебатов времен *холодной войны*. Во-первых, практически найдены необходимые технические решения: технология неядерных перехватов достигла таких высот, когда она вполне может служить основой для системы ПРО страны.

Во-вторых, проблемы ПРО уже не носят двустороннего характера. В ближайшие годы развитие тактических систем ПРО продолжит набирать темп. Можно сказать, что в настоящее время мы находимся на пороге эры ПРО: на службу в израильскую армию уже поступают первые неядерные перехватчики для систем ПРО, а за ними последуют и такие американские комплексы, как *Patriot-3 (PAC-3)*.

Эти два фактора в сочетании с умеренными аппетитами при создании НПРО делают фактически предрешенным развертывание последней во второй половине будущего десятилетия.

Оценка аргументов

Аргументы, обычно выдвигаемые за или против НПРО во вспыхнувшей напряженной международной дискуссии, часто излагаются в предельно упрощенной форме, поэтому стоит последовательно их проанализировать.

Есть ли угроза ракетного удара по территории США? Американские оценки угроз, изложенные в серии документов под названием «Национальные доклады по оценке разведывательных данных» (*National Intelligence Estimates*), рассматриваются многими вне США как крайне пессимистические, особенно в том, что касается временных рамок⁴. Из этих документов следует, что США озабочены лишь политикой небольшого числа государств, ранее известных как государства-парии (КНДР, Иран, Ирак).

Однако другие региональные державы тоже следовало бы принимать во внимание. Например, Индию, если учитывать ее технические возможности. В конечном итоге лишь немногие эксперты по проблемам нераспространения готовы утверждать, что к 2010 году не возникнет угроза появления региональных держав, способных нанести ракетный удар по территории США.

Есть ли вероятность нападения КНДР на США? Речь идет о том, может ли Северная Корея (или другое государство) при определенных обстоятельствах пойти на серьезный риск и угрожать нанесением ракетного удара по территории одного из наиболее мощных в военном отношении государств мира⁵. Руководство такой страны совсем не обязательно *иррационально* и, по всей видимости, понимает: стоит только пойти на такой шаг, как тут же последует мощный ответный удар, в том числе, возможно, и ядерный. Тем не менее гипотезу, на которой строятся основные требования к НПРО, нельзя считать надуманной⁶.

Во-первых, речь идет об угрозе, а не о реальном нападении. Главная задача – это определение методов отражения угрозы и сохранения, таким образом, свободы действий.

Во-вторых, такая угроза могла бы возникнуть, главным образом, в разгар кризиса, в который были бы вовлечены вооруженные силы США. Мало кто думает, что Ким Чен Ир может проснуться однажды и сказать: «А не запустить ли нам МБР против США сегодня?». Идея же противодействия угрозе ракетного удара, дабы избежать шантажа или давления во время кризиса, довольно разумна, учитывая масштаб обязательств в сфере безопасности, которые имеют США перед Японией и Южной Кореей.

В-третьих, как убедительно отмечают американские аналитики, «государства-парии с небольшими арсеналами были бы особенно уязвимы для превентивного разоружающего удара США, поэтому их реакция может быть даже более резкой, чем противодействие России или Китая»⁷.

В-четвертых, желание создать НПРО не подразумевает отказа от концепции сдерживание. Оно строится насылке, что сдерживание может не сработать из-за ряда особых обстоятельств, таких, как *живучесть*

Научные Записки ПИР-Центра №15

авторитарного режима или непредсказуемость развития политической обстановки в условиях кризиса.

Таким образом, расчеты американских политиков и экспертов, обосновывающих планы в области ПРО, нельзя просто сбрасывать со счетов. Однако нестабильность ситуации на Корейском полуострове (какова вероятность того, что режим в Пхеньяне вообще продержится до 2010 года) в глазах других стран является наиболее слабым местом в аргументации США в защиту НПРО. По мнению США, все не так просто. Многие в Соединенных Штатах считают предусмотрительным развернуть систему, способную отразить любые ракетные угрозы в будущем – и уже известные, и еще не известные. Как заявил один из американских чиновников: «Вы готовы держать пари, что где-нибудь в полосе от Северной Африки до Восточной Азии в ближайшие 10 лет не появится режим, наподобие талибов, имеющий доступ к баллистическим ракетам?»⁸

Разве у государств нет других средств для нападения на США, например, террористических? Конечно, есть. Но этот аргумент ошибочен, поскольку не все формы военной деятельности взаимозаменяемы. Запустить со своей территории БР с химическим или биологическим зарядом гораздо надежнее (хотя и технически сложнее), чем положиться на группу террористов, как бы хорошо они не были организованы и преданы делу. Эти варианты еще менее взаимозаменяемы во время кризиса: террористический акт могут просто не успеть соответствующим образом организовать. Действительно, подготовку террористического акта сложнее обнаружить и проследить, чем запуск МБР, однако часто государство, бросающее вызов США, не пытается замаскировать этот шаг, а напротив, хочет, чтобы его заметили в мире. Наконец, при использовании этого аргумента не учитывается тот факт, что государства создают БР большой дальности не только для того, чтобы угрожать отдаленным противникам. Важными побудительными мотивами для ракетных программ также становятся внутривнутриполитические проблемы, стремление повысить свой международный статус, вопросы коммерческой выгоды, желание получить доступ к освоению космического пространства и т.п. Таким образом, нельзя утверждать, что США смогут

защититься от всех возможных форм агрессии против их территории с помощью НПРО. Ответом на поставленный вопрос будет осторожное *да*, не снижающее, однако, важности развертывания НПРО.

Как быть с Китаем? Предположение о том, что планы развертывания НПРО в действительности преследуют более широкие цели, обсуждать сложно, так как это вопрос ценностных оценок. Учитывая открытость американского общества, лишь немногие на Западе поверили бы, что планы администрации Клинтона имеют *второе дно*. Тем не менее в это может искренне уверовать кто-то в Китае или в России. Действительно, технические характеристики НПРО открывают возможности для перехвата ракет, запущенных из Китая, просто из-за того, что Северная Корея находится в непосредственной близости от КНР. Таким образом, вполне понятны опасения аналитиков, которые отмечают, что число боеголовок, которое надлежит перехватывать американской НПРО, очень напоминает предполагаемое количество зарядов, размещенных на китайских МБР. Эти опасения тем более не безосновательны, поскольку в США нет консенсуса относительно необходимости проведения политики сдерживания в отношении Китая. В силу этого трудно обвинять в предвзятости китайских экспертов, которые отмечают, что «лишь технические возможности национальной системы ПРО имеют реальное значение»⁹.

Большинство западных специалистов полагают, что Пекин принял решение об увеличении своего арсенала МБР очень давно. Однако развертывание НПРО будет рассматриваться в Китае в качестве дополнительного аргумента в пользу увеличения и модернизации стратегического арсенала (поскольку ему в одиночку придется противостоять двум потенциальным противникам, обладающим системами защиты). Американские аналитики все больше склоняются к мнению, что «НПРО не ускорит процесс модернизации ядерных сил Китая, но развертывание такой системы Соединенными Штатами окажет влияние на количественные и, возможно, качественные параметры этого процесса»¹⁰. Сопоставление в будущем реальных темпов роста числа китайских боезарядов и максимальных возможностей перехвата американской системы НПРО покажет, насколько фактор ПРО сказался на китайских планах модернизации.

Научные Записки ПИР-Центра №15

Другой вопрос, касающийся ценностных оценок, имеет отношение к китайской политике неприменения ядерного оружия первым. Если верить этим обязательствам КНР, то можно ли представить себе ситуацию, когда ядерные силы КНР были бы уязвимы для нападения со стороны США, которое лишило бы их возможности нанести ответный удар по защищенной территории США? Наверное, можно, но это не обязательно «подорвет существующий стратегический баланс», поскольку США, вероятно, уже фактически обладают возможностью нанесения первого разоружающего удара по КНР. Верно также и то, что «с точки зрения Китая, перспектива первого удара со стороны США уже давно не такая далекая, как 10 лет назад»¹¹. Но независимо от развертывания или отказа от развертывания ПРО, Китай, скорее всего, стремится иметь гарантированную возможность нанесения ответного удара.

Скажется ли развертывание НПРО на российском потенциале сдерживания, приведет ли отказ от договора по ПРО к подрыву стратегического баланса и началу новой гонки вооружений? Представление о том, что договор по ПРО является краеугольным камнем стратегической стабильности, стало своего рода *мантрой*, которую постоянно повторяют, не обращая внимание на то, насколько она уместна. Действительно, договор по ПРО способствовал сдерживанию гонки оборонительных вооружений между США и СССР и уменьшил вероятность разоружающего первого удара. Но он ни в коей мере не замедлил процесс наращивания наступательных вооружений (на самом деле, он перевел гонку вооружений в *наступательное* русло).

Какое влияние на стратегическую стабильность окажет модификация или ликвидация договора по ПРО, позволяющая развернуть ограниченную систему НПРО? Наверное, никакого, поскольку для обеих сторон сохранится вероятность массированного удара по территории противника в то время, как угроза первого разоружающего удара США по России по-прежнему останется практически нулевой. Некоторые простые расчеты показывают, что даже если российский арсенал уменьшится до 1000 боеголовок на развернутых стратегических носителях, Россия все равно сможет нанести массированный удар по

территории США. Это справедливо даже в условиях полного развертывания НПРО (третьей фазы).

Но сможет ли система НПРО развиваться дальше и возможно ли будет расширить ее масштабы? Официальные лица США уведомили своих российских коллег о внутренних ограничителях для такой системы (учитывая ее возможности по различению целей). НПРО имеет потенциал для развития. Однако эта система не может стать прочной основой программы наподобие *звездных войн*.

Есть мнение, что НПРО повлияет на российский потенциал сдерживания в отношении США. Действительно, если республиканская администрация начнет реализацию крупномасштабной программы создания НПРО и параллельно произойдет сокращение российских стратегических ядерных сил (СЯС) до уровня нескольких сотен боезарядов, тогда возможности Москвы по нанесению массированного удара по территории США могут оказаться под большим вопросом. В этой связи вполне объяснима российская растерянность по поводу недавних заявлений республиканцев о необходимости создания масштабной системы НПРО и неадекватности в новых условиях концепции взаимного гарантированного уничтожения.

Каким будет ответ России на развертывание Соединенными Штатами в одностороннем порядке системы НПРО и выход из договора по ПРО? Круг возможных российских контрмер довольно ограничен. Теоретически Москва могла бы создать собственную систему НПРО. Россия могла бы также выйти из СНВ-2 и разместить разделяющиеся головные части (РГЧ) на своих новых МБР¹². И хотя такие шаги были бы важны с политической точки зрения, они не имели бы серьезных последствий для США и их союзников с военной точки зрения.

Отношение Москвы к дискуссии по ПРО отражает некоторые противоречия в российской политике:

- *Российская система ПРО.* Единственная развернутая в настоящее время стратегическая система ПРО функционирует в России. Естественно, что она охватывает ограниченную часть российской территории (район столицы) и развернута в соответствии с правовыми

Научные Записки ПИР-Центра №15

нормами (договором по ПРО от 1972 года и протоколом к нему от 1974 года). Но если территориальная система ПРО так уж плоха для стратегической стабильности, почему бы России не предложить ликвидировать свою ПРО вокруг Москвы? Ведь, как заявляет российская сторона, чем меньше будет таких систем, тем лучше для процесса ядерного разоружения.

- *Ратификация СНВ-2.* Россия объективно заинтересована во вступлении в силу СНВ-2 и скорейшем заключении СНВ-3. Таким образом, ратификация договора имела определенный смысл. В то же время можно было бы спросить: а зачем ратифицировать СНВ-2, если в ответ на развертывание НПРО нужно будет вновь размещать РГЧ на МБР и принимать *дорогостоящее* с политической точки зрения решение о выходе из СНВ-2? Связывая вступление в силу СНВ-2 с ратификацией Соединенными Штатами соглашений о разграничении стратегической и нестратегической ПРО, подписанных в 1997 году, и угрожая выйти из только что ратифицированного договора СНВ-2, Москва рискует показаться непоследовательной в своих попытках привести к общему знаменателю решение и политических, и стратегических задач.
- *Отношения с Европой.* Метод *кнути и пряника*, применяемый в отношении европейских государств, отражает те же внутренние противоречия. Предложение России по созданию общеевропейской нестратегической системы защиты от БР может быть и ловким политическим жестом, и искренней инициативой. Оно стало бы более привлекательным, если бы Россия отказалась от скрытых угроз в адрес Европы в виде намеков на то, что европейским странам придется испытать на себе *последствия* выхода США из договора по ПРО¹³.

Не будет ли развертывание НПРО иметь последствия для самой концепции ядерного сдерживания? Планы развертывания НПРО показывают, что ядерное сдерживание не рассматривается как надежная защита от угрозы применения оружия массового уничтожения (ОМУ) и БР. Следовательно, это может оказать влияние на общее восприятие

сдерживания, особенно в Европе. Возможный ответ на этот аргумент имеет три составляющие.

Во-первых, есть ситуации, в которых сдерживание бессильно по своей природе (случайный или несанкционированный запуск ракеты).

Во-вторых, есть пограничные ситуации, когда сдерживание может сыграть, а может и не сыграть своей роли в предотвращении определенных действий противника, например запуска нескольких обычных боеголовок (угроза глубоко символичная, но без серьезных последствий). В таких случаях сдерживание должно подкрепляться оборонительными вооружениями. Предложенная Биллом Клинтонем система НПРО не смогла бы перехватить более 50 боеголовок. Трудно поверить, что угроза нанесения удара по территории США 50 боеголовками не могла бы быть предотвращена с помощью ядерного сдерживания, адекватно воспринимаемого потенциальным противником.

В-третьих, сдерживание может также не сработать во время кризиса (как уже описывалось выше в примере с Северной Кореей).

ПРО часто рассматривается в США как часть более широкой концепции сдерживания¹⁴. Поэтому оборонительные вооружения считаются не столько альтернативой ядерному сдерживанию, сколько дополнительной *страховкой* или *второй линией защиты*.

Учитывая это, опасность для ядерного сдерживания будет исходить лишь от бюджетных ограничений: ядерные арсеналы должны будут *конкурировать* за финансирование с оборонительными системами.

Будет ли НПРО эффективной? Оценка эффективности боевого комплекса всегда неоднозначна. Вопрос заключается не в том, сработает ли НПРО, а в том, насколько она будет отвечать требованиям программы. Эти требования не доводились до общественности администрацией Клинтона, но логика проекта приводит к выводу о том, что предполагается высокая (но не 100%) вероятность перехвата всех объектов, направляющихся к целям на территории США. Вопрос заключается в том,

Научные Записки ПИР-Центра №15

сможет ли система уничтожить около 90% или, скажем, около 70% запущенных боеголовок противника. Последняя цифра вряд ли удовлетворит большинство сторонников концепции НПРО. Но 90% им будет достаточно. Дело в том, что система НПРО задумана в том числе и как дополнительное средство сдерживания. Поэтому успех программы не так сильно зависит от ее реальной эффективности, гораздо важнее политический аспект: демонстрация населению США и вероятному противнику возможностей отражения ракетного удара, что само по себе более существенно, чем погоня за 100% результатом.

Придется ли НПРО столкнуться с мерами противодействия? Этот вопрос строится на предположении, что НПРО не будет эффективной, поскольку противник разработает контрмеры (от создания ложных целей до размещения РГЧ)¹⁵. У этого довода есть некоторые преимущества. Однако в отношении любого оружия могут осуществляться меры противодействия. Система НПРО скорее всего имеет встроенные механизмы совершенствования, позволяющие отражать все более сложные угрозы. В любом случае, сугубо технический аспект данной дискуссии не позволяет высказывать какие-то определенные суждения. Комплексные контрмеры трудно разработать, и они требуют испытаний, которые невозможно скрыть (разумеется, развитые страны, создавшие технологии преодоления ПРО с помощью БР, будут всячески противодействовать утечкам соответствующих технологий). Региональные державы могут обратиться на *черный рынок* ракетных технологий, но разве согласится такая крупная держава, как Китай или Россия, принимая во внимание ее собственные долгосрочные интересы, передать столь чувствительные ноу-хау?

Какое влияние окажет НПРО на процесс контроля над ядерными вооружениями? До ратификации Государственной Думой СНВ-2 процесс контроля над вооружениями был заблокирован. Если НПРО не угрожает российскому потенциалу сдерживания, то идея обусловить реализацию СНВ-2 необходимостью сохранения договора по ПРО выглядит скорее как краткосрочный политический шаг, а не как осмысленная стратегия. В России понимают, что больше потеряют, чем выигрывают от прекращения переговоров о сокращении стратегических

наступательных вооружений, и у России есть хорошие политические аргументы для заключения благоприятного соглашения с США – СНВ-3. Даже если Россия выйдет из переговорного процесса по СНВ, в США сегодня очень сильно давление тех, кто выступает в том числе и за одностороннее сокращение американского ядерного арсенала. Такой призыв, например, содержится в выступлении Джорджа Буша-младшего от 23 мая 2000 года, в котором говорится о необходимости развертывания мощной НПРО параллельно с односторонним сокращением ядерного арсенала США. Это одно из доказательств того, что НПРО может даже ускорить процесс ядерного разоружения со стороны США, хотя это и будет модель, совершенно отличная от переговорного процесса, начатого в 1987 году с заключения Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД). Если уж говорить о факторах, которые в последние годы отбросили назад процесс контроля над вооружениями, то отказ Сената США ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) в 1999 году имел, пожалуй, больший эффект, чем программа НПРО.

Каковы будут последствия развертывания НПРО для режима нераспространения ОМУ? Иногда полезно напомнить одну очевидную вещь: НПРО является следствием распространения ракетных технологий. Будет ли НПРО стимулировать распространение ОМУ? Есть несколько возможных вариантов:

- НПРО может стимулировать развитие контрмер и альтернативных мер нападения на территорию США¹⁶;
- НПРО может способствовать росту неуважения к международным договорам и легитимизировать программы разработки ОМУ (НПРО может, например, «укрепить решимость тех, кто хотел бы передать Ирану надежные технологии ОМУ за любую цену»¹⁷);
- НПРО, возможно, усилит региональную гонку вооружений. Если Китай будет совершенствовать свои ядерные силы в ответ на развертывание НПРО, то Индия может почувствовать необходимость предпринять соответствующие меры. Такой сценарий уже получил название «азиатской цепной ядерной реакции»¹⁸.

Однако нельзя полностью исключать возможность того, что развитие

Научные Записки ПИР-Центра №15

стратегической обороны окажет *положительное* воздействие на некоторые аспекты распространения ракетных технологий.

Обобщая все вышеизложенное, нужно заметить, что ни один из аргументов противников развертывания НПРО не кажется достаточно основательным, чтобы вызвать большую обеспокоенность по поводу сохранения стратегической стабильности. Следует учесть также, что доводы эти, если и сильны, то поодиночке: трудно, например, одновременно утверждать, что ракетных угроз не существует и что заинтересованные государства найдут пути для преодоления системы НПРО.

Однако политический резонанс, вызванный просто вероятностью развертывания НПРО, настолько силен, что вряд ли эта программа может считаться позитивной для будущего международной безопасности. Наиболее убедительные аргументы против НПРО имеют политический характер. Война в Персидском заливе, расширение НАТО и операция в Косово создали у многих в мире впечатление о США как о государстве, проводящем агрессивную и экспансионистскую политику и стремящемся при этом как можно больше освободиться от сдерживающего влияния международного права. Политика США по отношению к ООН и голосование в Сенате по ДВЗЯИ лишь закрепили этот образ. Если США развернут НПРО, то они получат тройное превосходство: в обычных, ядерных и оборонительных вооружениях. По словам французского исследователя Франсуа Эйсбура, «путем создания НПРО Вашингтон пытается донести до мира идею, что США, на которые приходится 35% мировых расходов на оборону, чувствуют себя в безопасности, только если обладают еще и ракетным щитом, помимо самых мощных в мире обычных и ядерных сил»¹⁹.

Неудивительно, что НПРО так беспокоит Россию, Китай и Индию и что она рассматривается как инструмент для усиления американского военного превосходства и мирового лидерства. По словам представителя КНР Ша Зуканга, «США думают о том, чтобы, пользуясь своим беспрецедентным экономическим и научным потенциалом, захватить лидерство, нарушить существующий стратегический баланс и утвердить свою бесспорную гегемонию в мире

[...] После того, как США получат систему НПРО, они определенно не будут сидеть без дела в стенах считающегося неприступным *американского бастиона*, наслаждаясь спокойным воздушным пространством над их территорией или пассивно ожидая возможности сбить ракеты или НЛО, парящие в небе. Эта вездесущая *одинокая сверхдержава* с ее *национальными* интересами и врожденным *миссионерством* кинется определять и уничтожать любые виды *государств-парий* и *империй зла* в Азии, Европе, на Ближнем Востоке и в любом другом уголке мира, делая все это с большим энтузиазмом и используя совершенное оружие. К тому времени США уже не будет достаточно лишь позиции мирового лидера. Их реальные амбиции сможет удовлетворить только статус мирового правителя и замена существующей системы коллективной безопасности на *Pax Americana*»²⁰.

Это очень резкое и грубое заявление, но оно отражает образ, который сложился у США во многих регионах мира. Хотя такое восприятие ставит в тупик многих американских экспертов, оно, тем не менее, является важным фактором, который нужно учитывать при оценке последствий реализации планов НПРО.

США еще предстоит доказать, что выход из договора правомерен. Сделать это будет не просто, учитывая, что они в открытую признавали его *краеугольным камнем стратегической стабильности*. И если это все-таки произойдет, то не даст ли такой шаг дополнительные аргументы странам, помышляющим о выходе из ДНЯО на том основании, что *условия изменились*?

Таким образом, даже если развертывание НПРО не оказало бы непосредственного стратегического влияния на международную безопасность, оно могло бы иметь серьезные политические последствия. В особенности, нет сомнений в том, что это усилит политические позиции антиамерикански и антизападно настроенных сил во всем мире. Кажется, администрация Клинтона недооценила значимости данного вопроса²¹.

Возможные сценарии

Что бы ни говорили о НПРО, предложенной президентом Биллом Клинтонем, его концепция отражает желание по возможности в наибольшей степени придерживаться буквы договора по ПРО (два района размещения по

Научные Записки ПИР-Центра №15

100 наземных стационарных ракет-перехватчиков)²². В результате планы НПРО, выдвинутые администрацией США, подверглись критике с обеих сторон, то есть оказались под перекрестным огнем и сторонников и противников стратегической обороны. Причиной этому стало желание г-на Клинтона угодить обоим лагерям: сохранить договор по ПРО и защитить США от угрозы ограниченного ракетного удара. Но сделать и то, и другое не возможно, поскольку при создании НПРО возникает принципиальная дилемма *правомерность–эффективность*: наиболее эффективные системы потребуют такого количества поправок к договору по ПРО, что сама мысль о *пересмотре* договора теряет смысл.

Таким образом, у США есть две альтернативы. *Во-первых*, оставаться настолько, насколько возможно в рамках договора по ПРО. При таком *юридическом* подходе можно попытаться добиться меньшего по масштабам, но все же *клинтоновского* варианта НПРО, как это предложили, например, Айво Далдер, Джеймс Голдгайер и Джеймс Линдси (100 перехватчиков для двух районов) или Дин Уилкенинг²³. *Во-вторых*, сделать ставку на достижение максимальных возможностей успешного перехвата БР противника, невзирая на правовые ограничения. Так, концепция перехвата ракет на активном участке полета заслужила одобрение многих²⁴. Ричард Гарвин предлагает такую систему перехвата на активном участке, которая имела бы множество стационарных и мобильных пусковых установок (ПУ). Его взгляды разделяют Теодор Постол и сенатор Джозеф Байден²⁵. Другие эксперты, особенно из лагеря республиканцев, высказываются за развертывание многоуровневой системы НПРО по мере того, как будет развиваться и совершенствоваться технология. Стив Хэдли выступает за промежуточную систему перехвата на активном участке, размещенную на ракетных крейсерах типа *Aegis*, в качестве *срочного варианта развертывания*, которую затем можно будет дополнить сложным комплексом стационарных перехватчиков для поражения ракет на среднем участке полета²⁶. Стив Камбон предлагает объединить систему перехвата на активном участке (в воздухе и в космосе) с перехватом на среднем участке, используя несколько стационарных ПУ²⁷. Дэвид Гомперт и Джеффри Исааксон говорят о *системе систем*, объединяющей ПРО ТВД и НПРО²⁸. Джон Дейч, Харольд Браун и Джон

Уайт выступают за постепенное развертывание системы перехвата на активном участке²⁹. Лишь немногие, например Р. Джеймс Вулси, открыто выступают за систему НПРО космического базирования³⁰.

Можно утверждать, что в ближайшее десятилетие США развернут систему НПРО на основе одного из вышеназванных вариантов. Пока слишком рано говорить о том, какой именно будет эта система. Тем не менее, похоже, что, *во-первых*, развертывание системы НПРО, предложенной Биллом Клинтонем, не ограничится лишь территорией США; *во-вторых*, она будет включать перехватчики для поражения ракет на активном участке полета. Такая система будет предназначена для поражения не только ракет большой дальности, но и ракет средней дальности, запущенных из нескольких мест, а не только из одного района. Кроме того, такие комплексы больше подходят для целей международного сотрудничества с союзниками и партнерами.

Оппозиция в Европе планам НПРО

За исключением консерваторов в Великобритании, большинство европейских политиков и экспертов в лучшем случае относятся к НПРО сравнительно скептически, а в худшем, – выступают категорически против системы³¹. При этом распространение БР в целом рассматривается в Европе как явная и реально существующая угроза. Но большая часть европейских аналитиков полагает, что США при оценке угрозы слишком драматизируют ситуацию и очень много внимания уделяют возможностям, а не намерениям. Что касается адекватного ответа на угрозу, в Европе больше, чем в США, полагаются на ядерное сдерживание и верят в его способность предотвратить ракетные удары. В то же время в Европе считают, что для американской культуры стратегического мышления характерно использование столь привлекательных *технических* решений. Кроме того, хотя никто в Европе и не утверждает, что уязвимость территории желательна, история и географические особенности континента делают этот вопрос менее значимым для региона. Большинство европейских экспертов предполагают возникновение *побочных эффектов* (нежелательных последствий) НПРО и считают, что чиновники США преуменьшают возможные отрицательные последствия

Научные Записки ПИР-Центра №15

развертывания НПРО для стратегического баланса, нераспространения и разоружения.

Вышеназванные разногласия носят больше количественный, чем качественный характер, и поэтому компромисс между Европой и США возможен (например, в форме *принципов Тэтчер* 1984 года)³². Но остаются некоторые принципиальные противоречия (которые, наверное, сохраняются) с точки зрения технических возможностей (европейская система ПРО стоила бы дороже для Европы, чем американская для США) и стратегических обязательств (проблема Северной Кореи не так остро стоит для Европы).

В любом случае наиболее важные аргументы европейцев против НПРО носят политический характер. Как в России или Китае, где обеспокоенность вызывает не столько сама НПРО, сколько НПРО в контексте американской *агрессивности*, в Европе возникает озабоченность по поводу внутривнутриполитической обстановки в США вокруг НПРО.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что для многих в России НПРО является *красной тряпкой* после событий в Косово, а для многих в Европе НПРО – еще один тревожный сигнал после голосования Сената по ДВЗЯИ. Но обе позиции сходятся в одном: НПРО символизирует американскую склонность к односторонним действиям.

Последствия развертывания НПРО для Европы

Конкретные стратегические последствия для европейской безопасности от развертывания НПРО зависят от того, по какому сценарию будут развиваться события.

Первый сценарий: угроза ракетного нападения существует для США, а не для Европы (например, как в случае с Северной Кореей). Теоретически Европе не о чем беспокоиться. Однако нельзя исключать, что противник, пытающийся шантажировать США, не сможет это сделать (после развертывания НПРО) и почувствует соблазн угрожать вместо этого их союзникам. Значит, непосредственным результатом развертывания НПРО может стать квазиигра с нулевой суммой, когда угроза ракетного нападения в определенной мере будет проецирована на другой регион (например, на Европу).

Второй сценарий подразумевает наличие для Европы угрозы ракетного удара. Это может быть угроза (например, от региональной державы Ближнего Востока), которая воспринимается союзниками как общая. Такой сценарий напоминает стратегический расклад времен *холодной войны*. В этом случае США, скорее всего, будут больше готовы защитить Европу при наличии собственной НПРО, чем без нее. Разновидностью такого сценария может стать ситуация, когда будет угроза для Европы, но не для территории США (например, если ближневосточное государство располагает БР малой и средней дальности). В этом случае можно утверждать, что США будут еще в большей степени готовы защитить Европу. Тем не менее в результате более тщательного анализа этих двух сценариев возникает любопытный вопрос: зачем бы США использовать угрозу ответного удара для защиты не собственной территории, а территории Европы? Есть два возможных ответа: либо американские стратеги полагаются на традиционное сдерживание (тогда программа НПРО – это лишь политический вопрос), либо в США искренне верят в то, что сдерживание не сработает (это официальная точка зрения), и в этом случае европейцам есть о чем задуматься.

Будут также и политические последствия развертывания НПРО. Общественность в Европе задается вопросом, почему США могут себя защитить, а Европа нет. Споры в Европе по поводу континентальной ПРО будут более сложными и противоречивыми, чем американские, по ряду политических и географических причин. Разные части Европы не одинаково уязвимы. Межконтинентальная ракета из Азии может быть в равной степени опасна для всех европейских стран, но ракета средней дальности с Ближнего Востока – нет. Кроме того, как и во времена *холодной войны*, бесполезно пытаться провести различие между стратегическими и тактическими вооружениями (любая классификация ПРО на ПРО ТВД и ПРО территории будет неадекватной): в Европе нельзя провести четкой границы между защитой вооруженных сил и защитой территорий. Поэтому дискуссия по ПРО ТВД – которая вполне легитимна в глазах большинства европейцев – может зайти в тупик. Конечно, можно предположить и то, что, наоборот, европейцам станет проще обсуждать защиту территории, если уже будут в наличии системы для защиты войск.

Научные Записки ПИР-Центра №15

У дискуссии о необходимости развертывания ПРО в Европе могут быть далеко идущие последствия. Если Европейский Союз будет выделять определенное количество ресурсов на свою оборонную политику, то запросы на ПРО могут поставить под вопрос процесс увеличения возможностей для проецирования силы (что необходимо для проведения операций НАТО), а также модернизацию ядерных сил Франции и Великобритании³³. Это спровоцирует новые дебаты в Европе по проблеме сдерживания и роли ядерного оружия. *Спящая собака будет разбужена*, особенно в тех странах, где в восьмидесятые годы были ожесточенные споры по ядерным проблемам. Поскольку система НПРО, предложенная Биллом Клинтонем, потребует вовлечения двух европейских союзников, это может вызвать внутренний разлад в Старом Свете, что особенно нежелательно сейчас, когда Европа пытается определить свою общую оборонную политику.

НПРО также окажет влияние на отношения между Европой и Россией. Много будет зависеть от переговоров с Россией. Если США выйдут из договора по ПРО, Европа может пострадать от последствий кризиса между Москвой и Вашингтоном как с политической, так и, возможно, с военной точки зрения, так как Россия намерена в ответ отказаться от других разоруженческих договоренностей и наращивать свой ядерный потенциал. Но также возможно, что более умеренные российские позиции в сочетании с повышенным стремлением США к односторонним действиям приведут к политическому сближению между Европой и Россией.

НПРО окажет влияние и на всю систему трансатлантических отношений. По разные стороны Атлантики всегда существовало различие в уровнях безопасности (так называемые *зоны неравной безопасности*): Европа была уязвима для советских тактических ракет, а США – нет. Трудно говорить о том, что уязвимость США является предпосылкой для трансатлантического сближения. Наоборот, в последние 45 лет союзникам приходилось опасаться разрыва стратегических связей именно из-за уязвимости США.

Более того, есть основания полагать, что НПРО может положительно сказаться на межатлантическом сотрудничестве: довод

администрации США о том, что ограниченная оборона делает США более надежным союзником, вполне обоснован (действительно, аргумент о разрыве связей, который явно фигурировал в официальных заявлениях в 1999 году, практически исчез из списка высказываемых европейцами опасений). Возможно, начнется трансформация стратегического мышления Европы, которая приведет к тому, что европейцы будут рассматривать риск распространения ОМУ и ракетных технологий как наибольшую угрозу своей безопасности. Тогда ПРО станет восприниматься как наиболее подходящий ответ на такого рода угрозы. Это будет подогреваться страхами по поводу эффекта *смещения угрозы*, упоминавшегося выше, а также чувством неловкости от того, что возникнет новый разрыв возможностей (США обладают НПРО, а Европа нет). В результате следствием развертывания НПРО станет сближение США и Европы, так как общая ПРО свяжет союзников прочнее, чем любые формы ядерного и иного военного сотрудничества. Кроме того, ухудшение отношений России с НАТО может в долгосрочной перспективе способствовать укреплению межатлантических связей (но такое развитие событий вряд ли можно считать исключительно позитивным результатом).

В то же время нельзя исключать и ослабления межатлантических связей, что может стать следствием политических трансформаций в США и отказа от принципа многосторонности. В этом случае НПРО лишь обострит негативное восприятие европейцами американского *эгоизма*. Как следствие, НПРО США может косвенно усилить политическую автономию Европы и привести к развитию отдельной европейской культуры стратегического мышления, которая выразится в форме новой «Гаагской платформы» (документ 1987 года, предложенный странами западноевропейского союза в ответ на доктрину Рональда Рейгана и саммит в Рейкьявике)³⁴. Как говорилось выше, это может также привести к некоторому политическому сближению с Россией и, возможно, даже с Китаем, чего, вероятно, совсем не хочется Соединенным Штатам. Таким образом, проблема Европы заключается не столько в уязвимости ее территории для удара БР, сколько в зависимости ее культуры стратегического мышления от американского влияния. В любом случае, обмен мнениями

Научные Записки ПИР-Центра №15

между Европой и США по поводу НПРО только начинается. Одна из трудностей заключается в том, что развертывание ПРО не оправдано наличием общей угрозы. Реальные межатлантические дебаты начнутся, когда (или если) возникнет угроза нанесения удара БР большой дальности с Ближнего Востока³⁵.

Можно провести параллель между планами США и Европы. И США, и Европа пытаются найти решение тех проблем, которые они считают ключевыми с точки зрения свободы действий: для США – это желание не быть уязвимыми для ограниченного удара БР; для Европы – стремление усилить собственные возможности Европейского Союза по урегулированию кризисов (выработка общеевропейской политики в области обороны). Обе стороны хотят избежать ситуации, когда военные действия могут быть парализованы из-за политических решений. США хотят быть уверенными, что не подвергнутся шантажу страны, пытающейся избежать военного вмешательства со стороны Вашингтона. Европа же хочет, чтобы решение вопроса о применении ее военной мощи не сильно зависело от санкции НАТО. Нынешние стратегические приоритеты США и Европы являются результатами долгого исторического развития, начавшегося еще в пятидесятые годы. Сегодня они стали особенно актуальными, поскольку есть возможности (ресурсы) для их реализации³⁶. Но на этом по ряду причин сходства заканчиваются. Бюджетные ограничения играют одинаковую роль по обе стороны Атлантики. После десятилетия стабильного развития США находятся сейчас в положении, когда им необходимо начать аккумулировать инвестиционные ресурсы, а не расходовать их. Европейские финансовые возможности ограничены как в силу того, что экономический рост продолжается не так долго по сравнению с США, так и в связи с созданием экономического и валютного союза. Для США с финансовой точки зрения создать НПРО проще, чем для Европы увеличить свои военные возможности. Со стратегической точки зрения, НПРО и европейская общая оборонная политика не сопоставимы: НПРО является исключительно американской затеей, от которой другие страны не получают прямой выгоды, а Европа пытается усилить возможности и Европейского Союза, и НАТО. Тем не менее одно может легко оказать влияние на другое. Как говорилось выше, ПРО может косвенно заставить европейцев наращивать усилия по выработке общей

политики в области обороны и безопасности. Однако нежелание Европы принять ПРО может также привести к нежеланию США смириться с общей европейской политикой в области обороны и безопасности.

Заключение

Споры вокруг планов развертывания НПРО чрезвычайно политизированы: как с точки зрения воздействия на потенциальных противников, так и с точки зрения воздействия на американское общественное мнение. Политическое *измерение* НПРО будет гораздо важнее, чем стратегическое и для Европы, и для России, и для Китая.

США должны всерьез задуматься над тем, какие последствия будет иметь развертывание НПРО для их долгосрочных политических интересов и интересов в области безопасности. Нужен непредвзятый подход, который учитывал бы и стратегические аспекты и глобальные политические последствия. Как сказал Дин Уилкенинг, вопрос в том, «стоит ли страховка расходов» (его ответ – *нет*)³⁷.

США еще предстоит убедить Европу, Россию и другие государства в том, что Вашингтон остается привержен концепции сдерживания и что он не намерен отказаться от международной (многосторонней) политики в области нераспространения и перейти к односторонним действиям на основе концепции контрраспространения. Развертывание НПРО было бы лучше воспринято международным сообществом, если бы одновременно США предприняли усилия по укреплению режима нераспространения и контроля над вооружениями, особенно в области ракетных технологий и освоения космоса. Также потребовались бы более четкие и жесткие действия России и Китая по борьбе с распространением технологий производства ОМУ и соответствующих материалов.

Европа должна избегать скоропалительных решений, вызванных воспоминаниями о недавних планах «Стратегической оборонной инициативы» (СОИ), и еще раз оценить американские подходы к созданию НПРО. Сегодня иной характер угроз, предлагается создание совершенно другой системы, изменилась политическая и стратегическая ситуация в Европе.

Научные Записки ПИР-Центра №15

Россия, Китай и Европа глубоко заинтересованы в поддержании некоторого правового режима, который позволял бы сохранить количественные и качественные ограничения на стратегические оборонные вооружения. Все вместе они должны попытаться убедить США в том, что это и в интересах Вашингтона. Читать мораль Соединенным Штатам – это не лучший способ убеждения. Более того, он, как правило, контрпродуктивен. Вместо того, чтобы просто выступать против развертывания НПРО, они должны попытаться решить вопрос без эмоций, включая принятие поправок к договору по ПРО.

Есть много причин, по которым США приходится заботиться о том, что подумают в Европе по поводу НПРО: потому что могут быть напрямую затронуты интересы некоторых союзников (размещение радаров в Великобритании и Дании); потому что развертывание НПРО, возможно, приведет к переносу потенциальной угрозы на европейский континент; и потому что, нравится это Вашингтону или нет, НПРО становится элементом более широкой дискуссии о будущей роли США в Европе и НАТО.

¹Взгляды, изложенные в статье, принадлежат исключительно доктору Бруно Тертрэ и не отражают официальной позиции министерства обороны Франции.

²Remarks by the President on National Missile Defense, Gaston Hall, Georgetown University, Washington, DC, September 1, 2000 (www.pub.whitehouse.gov).

³Упоминание в тексте данной статьи термина *национальная ПРО* применимо, если не указано иное, к любым планам противоракетной обороны от БР, предлагаемых для защиты всей территории США.

⁴National Intelligence Council, «Foreign Missile Developments and the Ballistic Missile Threat to the United States Through 2015», September 1999.

⁵Можно встретить утверждения о том, что неядерное государство вряд ли решится напасть на территорию ядерного государства. Однако ракетные удары Ирака ракетами *Scud* в 1991 году по территории Израиля опровергают этот тезис.

⁶Другим требованием к НПРО, согласно американскому законодательству, является возможность отразить случайный или

несанкционированный запуск из признанной ядерной державы. См.: 10th Congress, National Missile Defense Act of 1999, Public Law 106-38, 22 July 1999: «развернуть, как только появится техническая возможность, эффективную национальную систему противоракетной обороны, способную защитить территорию США от ограниченного удара баллистическими ракетами (в результате случайного, несанкционированного или намеренного запуска)». Также 2 февраля 1999 года министр обороны США Уильям Коэн заявил: «главной целью создаваемой системы ПРО является защита США [...] от ограниченного удара стратегическими баллистическими ракетами со стороны государств-*парий*. Такая система также должна иметь некоторые возможности отражения случайного или несанкционированного запуска стратегических баллистических ракет и более развитыми в ядерном отношении странами». (Ballistic Missile Defense Organization Fact Sheet JN-99-05, National Missile Defense Program, March 1999). Это требование было в значительной степени ослаблено в результате развернувшейся дискуссии по поводу государств-*парий*. Но необходимо отметить, что, возможно, из-за позитивных событий на Корейском полуострове США пришлось вернуться к вопросу о случайном и несанкционированном запуске. В выступлении Билла Клинтона от 1 сентября 2000 года говорится о трех требованиях к национальной ПРО: «*во-первых*, риск распада враждебного государства и вероятность попадания ракет в *случайные* руки; *во-вторых*, преднамеренный запуск, санкционированный руководством такой страны; и, *в-третьих*, нападение со стороны террористов, получивших доступ к ядерному или ракетному оружию какой-то страны (Remarks by the President on National Missile Defense, Op.cit.). В ответе Джорджа Буша на заявление Билла Клинтона также упоминается вопрос «случайных запусков или шантажа со стороны государств-*парий*» в качестве причины для создания НПРО (Statement By Governor George W. Bush Regarding President Clinton's Announcement On A National Missile Defense System, September 1st, 2000, www.georgewbush.com).

⁷Gompert David C., Isaacson Jeffrey A. Planning a Ballistic Missile Defense System of Systems: An Adaptive Strategy. Issue Paper 181, 1999, National Defense Research Institute, RAND (www.rand.org/publications/IP/IP181/).

⁸Conference on International Reactions to US Ballistic Missile Defenses, Center for

Научные Записки ПИР-Центра №15

International Security and Arms Control (CISAC), Stanford University, 3-4 March 2000

⁹Shen Dingli. What missile defense says to China. *The Bulletin of Atomic Scientists*, July-August 2000, p.21

¹⁰McDevitt Michael. Beijing's Bind. *The Washington Quarterly*, 23:3, Summer 2000, p.184

¹¹McDevitt Michael. Op.cit., p.179

¹²Скорее всего при разработке ракетного комплекса *Тополь-М*, который, очевидно, станет основой российских стратегических ядерных сил (из-за задержек в реализации программы строительства ракетных подводных крейсеров стратегического назначения типа *Борей*), учитывалась необходимость противодействия обороне.

¹³Скрытая угроза содержится в заявлениях о возможном отказе от обязательств по договору о РСМД или по односторонним инициативам 1991–1992 годов по тактическому ядерному оружию, а также в предупреждениях, что размещение элементов НПРО (радиолокационных станций) в странах-союзниках США не останется для них без последствий.

¹⁴Следует отметить, что наличие системы ПРО вокруг Москвы не считается основанием для подрыва сдерживания.

¹⁵Термин *контрмеры* может относиться к различным программам, с помощью которых нападающая сторона стремится избежать обнаружения своих средств (технология *Stealth*, помехи, дипольные отражатели), снизить вероятность перехвата (охлаждение) или преодолеть оборону (РГЧ, ложные цели). Обзор технических доводов, доказывающих уязвимость системы НПРО, предложенной Биллом Клинтонем, см.: Lewis George, Grolund Lisbeth, Wright David. National Missile Defense: An Indefensible System. In *Nuclear Tensions in a New Era*, Foreign Policy Magazine / Carnegie Endowment for International Peace, 2000, pp.22–38.

¹⁶Развертывание менее критикуемой ПРО ТВД даже скорее приведет к гонке вооружений, чем НПРО. Например, следствием защиты Тайваня с помощью ПРО ТВД может стать наращивание арсенала БР средней и меньшей дальности со стороны Китая.

¹⁷Ehteshami Anoushiravan. *Tehran's Tocsin*. *The Washington Quarterly*, Summer 2000, p.173

¹⁸См.: Cirincione Joseph. The Asian Nuclear Reaction Chain. In *Nuclear Tensions in a New Era*, Foreign Policy Magazine / Carnegie Endowment for International Peace, 2000, pp.4–19. О позиции Индии см.: Chellaney Brahma. New Delhi's Dilemma. *The Washington Quarterly*, Summer 2000, pp.145–153. Брахма Челлани утверждает, что в результате развертывания американской

НПРО создастся ситуация, оправдывающая развитие индийской программы производства МБР (тем не менее он также отмечает, что чистым политическим эффектом от развертывания НПРО может стать укрепление американо-индийских связей).

¹⁹Heisbourg François. Brussels's Burden. *The Washington Quarterly*, Summer 2000, p.129

²⁰Ambassador Sha Zukang. The Impact of the US Missile Defense Programme on the Global Security Structure. CPAPD/ORG Joint Seminar on Missile Defense and the ABM Treaty, Beijing, 13–15 March 2000

²¹При прочих равных условиях, можно провести здесь параллель с решением Франции от июня 1995 года о начале заключительной серии ядерных испытаний. Франция заплатила высокую цену, даже сопроводив свое решение шагами в области ядерного разоружения и выступая за так называемый *нулевой вариант* для ДВЗЯИ. При этом Франция могла рассчитывать на то, что шумиха после ядерных испытаний уляжется, а вот шум вокруг ПРО будет еще долго продолжаться.

²²Возникают два аспекта: радиолокационные станции и, конечно, сами цели программы (защита всей американской территории).

²³Daalder Ivo H., Goldgeier James M., Lindsay James M. Deploying NMD: Not Whether, but How. *Survival*, No.1, Vol.42, Spring 2000, pp.6–28. Wilkening Dean A. Ballistic-Missile Defence and Strategic Stability. Adelphi Paper 334, New-York, Oxford University Press, 2000.

²⁴Система перехвата ракет на активном участке полета может быть создана с использованием перехватчиков наземного, морского или воздушного базирования, с кинетическими или лазерными средствами поражения. Рассуждения о преимуществах средств морского базирования перед воздушными можно найти у Дина Уилкенинга в цит. соч. По его словам, системы воздушного базирования имеют больше возможностей, но не обеспечивают защиту от несанкционированного или случайного запуска со стороны России или Китая. Морские системы в свою очередь имеют ограниченные возможности по перехвату ракет средней и меньшей дальности, но более эффективны против БРПЛ.

²⁵Ричард Гарвин предлагает разместить ПУ в России или в Японском море, в Персидском заливе и в южной Турции. Garwin Richard L. A Defense that Will Not Defend. *The Washington Quarterly*, Summer 2000, pp.109–123. Теодор Постол предлагает то же. Postol Theodore. Hitting Them Where It Works. In *Nuclear Tensions in a New Era*, Foreign Policy Magazine

Научные Записки ПИР-Центра №15

/ Carnegie Endowment for International Peace, 2000, pp.34, 35

²⁶Стив Хэдли предлагает минимум четыре района: Аляска, Мэн, Европа и Азия. Hadley Stephen J. A Call to Deploy. *The Washington Quarterly*, 23:3, Summer 2000, pp.95–108

²⁷Cambone Stephen A. Statement for the Record. Hearing before the Armed Services Committee, House of Representatives, 106th Congress, 28 June 2000

²⁸Gompert David, Isaacson Jeffrey. Op.cit.

²⁹Deutch John, Brown Harold, White John P. National Missile Defense: Is There Another Way? *Foreign Policy*, Summer 2000, pp.91–100

³⁰Джеймс Вулси предлагает систему типа *Brilliant Pebbles* для перехвата на активном участке. Woolsey R. James. The Way to Missile Defense: Dealing with Russia and ourselves. *National Review*, 19 June 2000, pp.36–41. Он также выступает за скорейшее развертывание (на надводных кораблях) систем перехвата на активном участке в качестве временной меры.

³¹Большинство европейских доводов против НПРО были такими же во времена *звездных войн* (за исключением одной важной детали: тогда Европа боялась, что СССР может развернуть собственную СОИ, сегодня же никто не опасается того, что Россия развернет свою НПРО; мало кто из европейских экспертов верит в то, что Россия имеет средства для создания системы ПРО, непреодолимой для ядерных сил Франции или Великобритании). По поводу исторического аспекта реакции Европы, см.: Yost David S. Ballistic Missile Defense and the Atlantic Alliance. *International Security*, No.2, Vol.7, Autumn 1982, pp.143–174. Николь Гнесотто, директор Института исследований в области безопасности Западноевропейского союза, выделила четыре потенциальных европейских аргумента против ПРО: делегитимация (ядерного сдерживания), разрыв связей (межатлантических), дестабилизация (стратегического баланса), расточительность (расходование бюджетных средств).

³²В декабре 1984 года премьер-министр Англии Маргарет Тэтчер и президент США Рональд Рейган выступили с совместным коммюнике, в котором говорилось о поддержке Великобританией планов СОИ, с учетом того, что: *во-первых*, целью Запада было достичь баланса, а не превосходства; *во-вторых*, СОИ должна быть предметом переговоров с Москвой; *в-третьих*, задача СОИ – усилить, а не ослабить сдерживание; и, *в-четвертых*, переговоры, направленные на сокращение стратегических наступательных вооружений с обеих сторон, должны

продолжаться. См.: Reiss Edward. The Strategic Defense Initiative. Cambridge Studies in International Relations: 23. Cambridge, Cambridge University Press, 1992, pp.125, 126

³³Если Европа решит, что нужно обеспечить защиту территории, то возможны несколько вариантов технических решений. Маловероятно, что европейские государства решились бы на создание и развертывание собственной системы ПРО страны с нуля. Поэтому они либо закупили бы системы в США, либо начали бы переговоры о присоединении к американской НПРО путем участия в многонациональной системе перехвата на активном участке или путем размещения ПУ перехватчиков на территории Европы. Это потребовало бы конкретных поправок к договору по ПРО, который не разрешает передавать технологии такого рода (то есть технологии проведения испытаний ракет-перехватчиков с дальностью более 3500 км).

³⁴Автор благодарен за эту идею французскому исследователю Фредерику Бозо из Французского института международных отношений.

³⁵Северокорейская ракета, способная угрожать США, также может поразить цели и на территории Европы. Но многие европейцы могут вообразить обстоятельства, при которых им пришлось бы столкнуться с угрозой со стороны Северной Кореи.

³⁶Другая параллель может заключаться в том, что «европейские политики, похоже, знают так же мало о национальной ПРО, как американские политики мало знают о новой оборонной политике Европейского Союза». (Heisbourg François. Brussels's Burden. *The Washington Quarterly*, Summer 2000 p.127.)

³⁷Wilkening Dean A. Op.cit., p.13. Более подробные оценки издержек и выигрышей можно найти в: Lewis George, Grolund Lisbeth, Wright David. Op.cit.

ПЛАНЫ США В ОБЛАСТИ ПРО: МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Владимир Барановский

1 сентября 2000 года президент Билл Клинтон объявил, что решение положительное или отрицательное о развертывании национальной системы противоракетной обороны (НПРО) откладывается и будет принято следующей администрацией США. Но сама эта проблематика отнюдь не снимается с повестки дня. Настоящая статья посвящена рассмотрению международно-политических последствий, которые могут проистекать из реализации этого проекта. Главное внимание сосредоточено на том, как эти последствия видят другие участники международной жизни, которых затрагивает прямо или косвенно намерение США обеспечить защиту собственной территории от ракетного нападения.

Реакция международного сообщества

О том, каково отношение международного сообщества к американским планам в области ПРО, можно получить достаточно адекватное представление по результатам голосования Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшегося 15 декабря 1999 года. Резолюция, содержащая призыв к участникам договора по ПРО воздержаться от развертывания систем противоракетной обороны территории страны, получила поддержку подавляющего большинства государств. Даже ближайшие союзники США не сочли возможным выступить против этого документа, а Франция открыто его поддержала.

Правда, в реакции международного сообщества наблюдаются достаточно многообразные мотивы. Иногда такие мотивы могут быть не просто неодинаковыми у разных стран, но и прямо противоположными. Но есть в этой реакции и нечто общее, присущее если не всем, то подавляющему большинству участников международной жизни. Речь идет о *настороженности*, которая является результатом самых разнообразных озабоченностей по поводу эвентуальной реализации планов США.

Со стороны России эта настороженность выражается в наиболее острой форме: указанные планы подвергаются резко негативной экспертной оценке, их энергичная

критика осуществляется в официальных заявлениях и по дипломатическим каналам, ведутся дискуссии о возможных способах противодействия им или нейтрализации их последствий. Менее энергично, с соблюдением ритуального дипломатического декора, но все же вполне явно подобную же позицию демонстрирует Китай. Для ведущих западноевропейских держав характерны скорее пассивное неприятие и латентная оппозиция, которые, тем не менее, проявляются и на политическом уровне. В любом случае не будет преувеличением сказать, что американские планы в области НПРО стали стимулом для серьезных размышлений о существующих тенденциях развития на мировой арене и меняющихся военно-политических параметрах обеспечения международной безопасности.

Эту сторону дела следует рассматривать отдельно от чисто военных аспектов проблемы. Последние, как хорошо известно, сами по себе являются предметом споров и разногласий между специалистами. Многие из них, причем прежде всего в самих США, высказывают сомнения в реализуемости программы создания НПРО, ее экономической целесообразности и эффективности. Эти сомнения только усиливаются в свете не слишком успешных результатов проведенных в последнее время испытаний, что стало одним из главных факторов, побудивших администрацию Клинтона воздержаться от принятия соответствующих решений по НПРО.

Интересно, что скептические оценки высказываются и некоторыми экспертами в России, где в целом склонны к гораздо более алармистскому отношению к американским планам. Те же, кто считает излишний алармизм по этому поводу неуместным, нередко проводят аналогии с предыдущей фазой американской активности в сфере ПРО при президенте Рональде Рейгане. В самом деле, военные результаты усилий в рамках «Стратегической оборонной инициативы» (СОИ) оказались несоизмеримыми с тем, что ожидалось от ее реализации. Но драматическое восприятие Москвой образа *звездных войн* побудило ее к перенапряжению

Научные Записки ПИР-Центра №15

усилий в поисках адекватного политического и/или военного ответа. Вполне возможно, что это, в конечном счете, сыграло фатальную роль в развале Советского Союза.

Иными словами, политический эффект в случае с СОИ оказался гораздо весомее, чем чисто военный. То же самое может произойти и сегодня. Не ясно, будет идея создания НПРО в США реализована или нет; не ясно, в какой степени и в каком формате это может произойти; не ясно, удастся ли в результате достигнуть искомого результата. Парадокс в том, что ее воздействие на международную ситуацию и оценку возможных стратегических последствий главными участниками международной жизни от этого не зависит. Это воздействие уже имеет место и, судя по всему, может оказаться еще более весомым.

Договор по ПРО от 1972 года

В России главный акцент делают на том, что американские планы идут вразрез с договором по ПРО 1972 года. Москва исходит из недопустимости нарушения этого договора, отказывается от предложений пойти на его модификацию, подчеркивает его ключевое значение для поддержания стратегической стабильности. В том, что договор надо сохранить, с Россией готовы согласиться очень многие. Перед встречей *большой восьмерки* на Окинаве эту позицию поддержали все ее участники, за исключением американцев.

Вместе с тем в логике, которая исходит из необходимости обеспечить этому документу своего рода *статус неприкосновенности*, есть много уязвимых моментов. Договор был подписан более четверти века назад, и попытки апеллировать к нему как к некоторой непреходящей ценности, как к своего рода историческому монументу, который не подлежит никаким изменениям, выглядят не слишком убедительными. К тому же сам договор предусматривает возможность внесения в него согласованных поправок. Наконец, не очевидны основания, по которым можно было бы настаивать на том, чтобы США отдавали приоритет сохранению договора по отношению к задачам обеспечения национальной безопасности.

Но на другой чаше весов не менее, а, пожалуй, и более весомые аргументы. Договор по ПРО относится к числу тех немногих документов, которые имеют не только вполне конкретное

содержание, но и более широкое символическое значение. Причем этот символизм касается не только российско-американских отношений, но и в целом возможностей контроля над вооружениями. Поэтому важно избежать краха договора, что было бы чревато серьезными международно-политическими издержками.

Правда, эта аргументация может быть обращена и к России с тем, чтобы побудить ее к большей гибкости в вопросе о модификации договора по ПРО. Но коль скоро иницирующая роль во всей этой истории принадлежит США, их мера ответственности выше. Отсюда – один из важных мотивов в дебатах вокруг американских планов в области НПРО: их реализация не должна *убить* договор 1972 года.

В конечном счете этот аргумент оказался достаточно сильным и для администрации Клинтона, а жесткая неуступчивость Москвы оправданной (по крайней мере, на данном этапе). Но вот когда следующая американская администрация вернется к проблеме НПРО, такая постановка вопроса может оказаться уже менее эффективной – хотя бы потому, что дважды выстрелить одним и тем же патроном невозможно.

Основания для создания НПРО

США обосновывают свои планы в области НПРО серьезной озабоченностью в связи с ракетными программами ряда стран с недемократическими режимами (КНДР, Ирак, Ливия и т.п.), которые, как предполагается, склонны к иррациональному поведению. Не исключено, что овладев соответствующими технологиями, они будут угрожать непосредственно территории США. Правда, от термина *государства-парии* (или *государства-изгой* – *rogue states*) администрация США отказалась – теперь их именуют *государствами, вызывающими озабоченность* (*states of concern*).

Между тем увязка проекта создания НПРО с вопросом о потенциальной угрозе со стороны этих государств многим за пределами США кажется либо надуманной, либо сильно преувеличенной. Возможно, Япония в этом отношении представляет вполне понятное исключение, поскольку испытания северокорейских ракет показали реальную уязвимость ее территории. Но для тех же французов или англичан уязвимость – это

Научные Записки ПИР-Центра №15

скорее теоретический вопрос. Да и в целом в Европе (в отличие от США) не склонны столь истерично относиться к этой проблеме и придавать ей вселенские масштабы.

Нередко вообще ставится вопрос о том, не идет ли речь о преувеличении возможностей указанных стран в стремлении найти политическое прикрытие для оправдания планов создания НПРО. В России, например, многие убеждены, что речь идет лишь о благовидном предлоге для того, чтобы *продать* этот проект американскому общественному мнению и международному сообществу; на самом же деле долговременной целью является не столько защита от единичных пусков северокорейских (или аналогичных) ракет, сколько обретение способности к созданию полноценного противоракетного щита, который смог бы прикрыть США от крупномасштабного ракетно-ядерного удара (который сегодня может быть осуществлен только Россией). А весь шум с государствами-*париями* устроен лишь для того, чтобы оправдать первые шаги в этом направлении, нарушающие и букву, и дух договора по ПРО от 1972 года.

И хотя в Европе такими подозрениями американцев стараются не оскорблять, все же вопрос об адекватной оценке угроз, на которые ссылаются сторонники создания НПРО, постоянно витает в воздухе. Кроме того, в Европе многие полагают, что даже если эти угрозы не носят чисто умозрительного характера, отвечать надо не столько возведением противоракетного щита против государств, со стороны которых опасаются неадекватного поведения, сколько попытками воздействовать на них политическими, экономическими и иными средствами (возможно, не исключая и применение силы).

В логике НПРО вообще нередко видят пример поверхностного, механистического, если не сказать примитивного подхода к действительности, когда от ее неприятных сторон рассчитывают отгородиться китайской стеной, не слишком задумываясь об их причинах и о том, чтобы не усугубить их своими действиями. Это изоляционистская модель поведения, неуместная в эпоху глобализации и несовместимая с идеей ответственного лидерства, которое должны были бы взять на себя Соединенные Штаты как ведущая держава мира. Кстати, именно по причине изоляционистских генетических

характеристик НПРО эта программа выглядела бы более органичной в качестве инициативы, исходящей от республиканцев, а не от демократов.

Международно-политический контекст

Даже если аргументы в пользу создания НПРО признаются рациональными с точки зрения американских интересов безопасности, это далеко не всегда становится основой для позитивного или нейтрально-безразличного отношения к данному проекту в других странах. Скорее наоборот – ориентация на создание НПРО воспринимается как выражение американского стремления использовать свое неоспоримое технологическое преимущество для увековечивания политического доминирования США. Во всяком случае, ни одно другое государство не в состоянии создать ничего похожего, и уже только это будет ставить США в уникальное положение – с соответствующими последствиями как военного, так и политического плана.

В военном плане это будет означать дальнейшее усиление американского потенциала, которому никто не сможет ни противостоять, ни бросить сколько-нибудь серьезный вызов. Уже существующее сегодня военное преимущество США по отношению к другим государствам превратится в неоспоримое и безусловное американское превосходство. По мере интеграции национальной и региональных (нестратегических) систем борьбы с баллистическими ракетами США вплотную приблизятся к возможности нанесения решающего обезоруживающего первого удара, что радикальным образом обесценит или даже полностью сведет на нет кредитоспособность российского и китайского потенциалов возмездия. Произойдет переход от модели *взаимного гарантированного уничтожения* к модели *гарантированного выживания*. Последнее будет обеспечено только Соединенным Штатам, что будет означать беспрецедентное изменение военно-стратегической ситуации в их пользу.

Не сдерживаемые ничем и никем, упоенные своими колоссальными военными возможностями, чувствующие свою неуязвимость, США окажутся еще больше, чем раньше, подвержены синдрому самонадеянности силы. Иными словами, обеспечив безопасность собственной

Научные Записки ПИР-Центра №15

территории, за ее пределами американцы будут гораздо менее склонны проявлять осторожность в использовании средств вооруженной борьбы – отдавая им предпочтение даже в том случае, когда возможны и целесообразны иные методы. Об этом далеко не всегда говорят открыто, поскольку в рамках неписаного кодекса политкорректности было бы неудобно высказывать предположение о том, что Вашингтону присущи разухабистые ковбойские замашки; но опасения в связи с возможной активизацией американского интервенционизма и предрасположенности к применению военной силы являются одним из примечательных аспектов реакции на планы США в области ПРО.

А политическим их следствием станет дальнейшее усиление в международной системе начал монополярности, которая чаще всего воспринимается как некоторая данность, но отнюдь не вызывает восторга. Впрочем, об однополюсном или многополюсном мире применительно к современной ситуации на международной арене можно спорить, причем болезненная концентрация России на этом вопросе иногда вызывает недоумение. Но вот по поводу последствий создания НПРО в США у многих как раз и не возникает никаких сомнений: это затормозит или вообще блокирует движение в сторону многополюсного мира (приверженность которому отнюдь не монополизирована Москвой, но разделяется Пекином и Парижем, не говоря уже о столицах многих менее крупных государств).

Выход США на траекторию создания и развертывания НПРО может повлиять на позиционирование главных участников международной жизни в системе их политического взаимодействия.

Достаточно очевидно, в каком направлении изменится общий вектор российско-американских отношений. Москва, по-видимому, постарается удержаться от сверхреакции, которая перечеркнула бы имеющиеся заделы кооперативных интеракций с США и открыла путь к постепенному вползанию в новый раунд глобальной конфронтации. Но вполне вероятно, что *холодный мир* в отношениях двух стран станет еще более холодным. Потенциал антиамериканизма в настроениях российских общественных кругов и

политического класса, и без того возросший на проблематике расширения Североатлантического альянса и его войны против Югославии, может приблизиться к критической массе.

Это, в числе прочего, может найти свое выражение и в стремлении России к выстраиванию союзнических или квазисоюзнических отношений с другими антагонистами США. Китай в этом отношении является предметом особого внимания, в том числе и по причине близости позиций обеих держав в отношении американских планов в области ПРО.

В самом деле, именно на антиамериканской основе два государства – впервые после исторического разрыва между Пекином и Москвой в пятидесятые годы – пошли на сближение друг с другом. Разумеется, этому сближению есть объективные пределы; есть значительные интересы каждой из двух стран в отношении Соединенных Штатов – причем интересы несовпадающие и даже конкурирующие между собой; наконец, есть (или, по крайней мере, должны быть) далеко не идентичные соображения по поводу возможных стратегических последствий НПРО и способов реагирования на эти последствия. Но факт остается фактом: американские планы в области НПРО стимулируют российско-китайское сближение и ориентируют его против США.

Планы США в области ПРО могут сказаться и на союзнических отношениях в рамках НАТО. Иногда говорят даже об их назревающем кризисе. Если это и преувеличение, то все равно имеет смысл отметить, по крайней мере, два вопроса.

Во-первых, европейские союзники Вашингтона традиционно обижаются на то, что США не обременяют их информацией о своей политике в стратегически важных областях, особенно имеющих отношение к альянсу в целом. Европейцы могут с *пониманием* относиться к озабоченностям США по поводу ракетных угроз, но хотели бы разъяснений, как планируемые американские действия соотносятся с другими аспектами международно-политического развития, например, с усилиями в области контроля над вооружениями. Иными словами, партнеры США по НАТО хотят быть в курсе конкретных проблем и намечаемых решений,

Научные Записки ПИР-Центра №15

то есть настаивают на большей внутрисоюзной транспарентности.

Кроме того, они хотели бы не только получать информацию о разрабатываемых в США решениях, но и влиять на них в тех случаях, когда затрагиваются их интересы. Например, радары на территории союзных стран, в случае реализации идеи НПРО, становятся потенциальным объектом удара со стороны противника. Поэтому эти страны должны быть привлечены к процессу выработки политики в области НПРО.

Во-вторых, и это, возможно, самое важное, союзников тревожит угроза *разъединения* внутри НАТО в случае реализации планов по созданию НПРО в США. Ведь это будет означать возникновение в союзе зон с неодинаковым уровнем безопасности – более высоким (практически абсолютным) для США и более низким для их партнеров, которых щит НПРО прикроет не сможет.

Здесь возникают все те проблемы, которые традиционно обсуждаются в контексте стратегических взаимоотношений между атлантическими партнерами. Можно сказать, что проблемы эти носят экзистенциальный характер и неразрешимы в принципе – но время от времени приобретают большую политическую значимость. Так было при обсуждении вопроса о ракетах средней дальности на рубеже семидесятых–восьмидесятых годов и затем в связи с американской СОИ в восьмидесятые годы. Сегодня проблематика ПРО грозит открыть новый раунд достаточно болезненных дискуссий на эту тему.

Как и раньше, тема возможного *разъединения* особенно настойчиво артикулируется Германией. Для Великобритании весьма важным представляется вопрос о влиянии НПРО на сплоченность НАТО, на способность альянса к совместным ответам на общие угрозы, на кредитоспособность и эффективность его военной политики. Для обеих западноевропейских ядерных держав безразлично и то, как реализация американских планов в области НПРО и возможные ответные действия России скажутся на судьбе их национальных систем ядерного сдерживания.

В числе вопросов, возникающих в этом контексте, есть и такие, которые

воспроизводят мотивы эпохи биполярной конфронтации, но применительно к другим действующим лицам. Главный из них: будет ли наличие противоракетного щита над США сдерживать возможных агрессоров? Или наоборот перенацелит их агрессивные устремления на *более незащищенных* союзников США? Кстати, отсюда должен следовать и вполне логичный вывод о целесообразности создания европейцами собственного противоракетного щита. Это вывод, который вполне вписывается и в логику уже упоминавшейся выше «совместной европейской политики в области безопасности и обороны».

Не эти ли струны затрагивает предложение российского президента Владимира Путина о разработке совместной нестратегической ПРО в Европе? Во всяком случае, в таком подходе есть и политическая, и стратегическая логика. Другое дело, что он может восприниматься как очередная попытка Москвы вбить клин в отношения между США и их европейскими партнерами по НАТО. Лишь в том случае, если Россия сумеет такое впечатление минимизировать, можно будет добиться продвижения вперед на данном направлении.

И тогда окажется, что американские планы в области ПРО, в конечном счете, будут стимулировать более плотное включение России в европейский ареал безопасности. Такой вариант развития причинно-следственных взаимосвязей выглядит достаточно парадоксальным, но он тоже не должен сбрасываться со счетов.

Новая гонка вооружений

Одним из самых опасных последствий реализации противоракетных проектов США считают то обстоятельство, что они практически наверняка дадут толчок новому раунду гонки вооружений, причем в достаточно широких масштабах. И речь идет не обязательно (или не только) о соперничестве в области ПРО, хотя оно само по себе потребует колоссальной мобилизации ресурсов и научно-технологических возможностей. Здесь, однако, возникают еще как минимум две темы.

Первая лежит на поверхности: возможность компенсировать или нейтрализовать прорывы в области ПРО активизацией на других направлениях (прежде всего в области наступательных стратегических вооружений).

Научные Записки ПИР-Центра №15

Считается, что это проще технологически и дешевле с точки зрения финансовой нагрузки – из чего делается вывод о привлекательности для России и Китая именно этого направления.

Вторая тема касается общей направленности усилий в сфере военного обеспечения безопасности. Можно ли считать, что НПРО знаменует собой переход от сфокусированности на наступательном оружии как средстве сдерживания к новой фазе, когда возрастающее внимание будет уделяться обороне? Если проанализировать реальные военные программы, а также планы реформирования вооруженных сил в некоторых ведущих государствах мира, то оснований для такого вывода найдется немного. Однако эффективность сдерживания на основе ракетно-ядерного возмездия принципиально не верифицируема на глобальном уровне, а в обозримой перспективе может подвергнуться серьезному испытанию в региональных рамках (в Южной Азии). В то же время этические сомнения в правомерности использования ядерного оружия как средства возмездия могут становиться все более серьезным аргументом. Наконец, сама цель ликвидации ядерного оружия, какой бы отдаленной она ни представлялась, *работает* на логику НПРО, а не на логику ядерного сдерживания.

Даже если все это считать умозрительными рассуждениями, возможное принятие решения о развертывании НПРО потребует перевести их в практическую плоскость. При этом Россия может колебаться в выборе *симметричного* или *асимметричного* ответа, но каким бы он ни был, соревнованию в области военных приготовлений будет дан новый толчок.

Участники этой новой гонки вооружений могут начать ее распространение на те сферы, где она до последнего времени отсутствовала или была ограничена, например, отказавшись признавать правомерными полеты наблюдательных спутников над своей территорией, противодействуя им (что запрещено статьей XII договора по ПРО) и вообще превращая космическое пространство в поле военного противоборства. Не исключен и побочный эффект реализации планов НПРО, например, если Россия сочтет необходимым перевести стратегические ядерные силы в режим *запуска по оповещению* или повысит роль тактического ядерного оружия в военном

планировании, отказавшись от каких-либо мер по его ограничению и т.п.

Другой вопрос, выдержит ли Россия новый раунд гонки вооружений и не целесообразнее ли, если на этот счет существуют серьезные сомнения, просто не вступать в него – пусть даже пойдя на серьезные политические уступки и *смирившись* с американской НПРО, какие бы негативные эмоции она ни вызывала. Априорного ответа на этот вопрос быть не может, как и абсолютной уверенности в том, что поведение Москвы будет строиться на основе именно такой рациональной парадигмы (тем более что само понятие *рационального* в большой политике иногда оказывается достаточно условной категорией). А это значит, что возможность нового широкомасштабного военного противостояния, инициированного американскими планами в области ПРО, как минимум не должна сбрасываться со счета.

Со стороны США, которые находятся в фазе беспрецедентного экономического подъема, такой сценарий, скорее всего, особой озабоченности не вызовет. Но их союзники могут опасаться, что столкнутся в этом случае с немалыми затруднениями. К примеру, у западноевропейцев есть два первоочередных приоритета: модернизация вооруженных сил (в частности, в свете осмысления опыта войны в Косово) и развитие «совместной европейской политики в области безопасности и обороны» (по линии Европейского союза). Новая гонка вооружений как следствие решения о развертывании НПРО может серьезнейшим образом помешать этим усилиям. А в Японии высказываются опасения, что правительство может столкнуться с трудностями в реализации традиционной линии на удержание военных расходов в пределах одного процента ВВП.

Режим нераспространения

Если США пойдут по пути создания стратегической ПРО, результатом станет нанесение непоправимого ущерба всему процессу контроля над вооружениями. А он и так переживает далеко не лучшие времена после окончания *холодной войны*. Усилия, сориентированные на поиск кооперативного взаимодействия государств в области обеспечения военной безопасности, окажутся дискредитированными в случае отказа США от каких-либо самоограничений и международных договоренностей в области

Научные Записки ПИР-Центра №15

ПРО. Эти два процесса имеют разнонаправленные векторы. Контроль над вооружениями не имеет перспектив, коль скоро самая могущественная военная держава предпринимает действия, открыто противоречащие его логике и подрывающие ее.

Примечательно, что указанная сторона вопроса является объектом пристального внимания в странах, являющихся партнерами США по НАТО. Во Франции, например, подчеркивают существование серьезных проблем с потенциальным воздействием планов стратегической ПРО на эффективность усилий по ограничению вооружений, особенно в области сдерживания распространения ядерного оружия и ракетных технологий. Представители официальных кругов заявляют, что если США готовы отказаться от договора по ПРО, то они также должны быть готовы иметь дело и с возможностью выхода других стран из многосторонних режимов по ограничению вооружений, в том числе из Договора о нераспространении ядерного оружия. При этом отмечается, что само по себе стремление развернуть НПРО не может не создавать впечатления об отказе от борьбы с распространением ядерного оружия и ракетных технологий. О возможных последствиях НПРО для существующих режимов ограничения вооружений с беспокойством говорят и в Великобритании – особенно в свете отказа американского Сената ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

Стоит отметить, что в этой критике есть свои внутренние противоречия, как, впрочем, и в других областях концептуального осмысления ядерных и окооядерных проблем военной безопасности. Например, возможность разрушения режима нераспространения сама по себе может стать мощным дополнительным стимулом для создания и развертывания средств защиты от ракетно-ядерного нападения. Понятно, что в данном случае речь идет о своего рода перевернутом отображении той аргументации, которая выдвигается против продвижения планов НПРО. Причем не существует абсолютно неотразимых доводов в пользу того, чтобы считать одну из этих двух логик *правильной*, а другую *неправильной*. Во всяком случае, одна из ключевых проблем политики нераспространения состоит в том, чтобы государства, обладающие ядерным оружием, в

конечном счете отказались от него, а пафос ПРО со времен Рональда Рейгана выражался формулой *сделать ядерное оружие ненужным*.

Однако вряд ли можно спорить с тем, что из связи проблемы НПРО с проблемой нераспространения возникает необходимость укрепления последнего. Ведь эрозия режима нераспространения ядерного оружия и распространение ракетных технологий усиливают эвентуальную потребность в средствах защиты от них у все большего числа стран. Обвиняя Россию и Китай в недостаточном скрупулезном выполнении обязательств по нераспространению, США косвенным образом возлагают на них ответственность за то, что стимулы к обретению потенциала защиты от ракетно-ядерного оружия становятся более весомыми.

Мы не касаемся здесь вопроса о том, насколько обоснованы такого рода обвинения (которые ни Россией, ни Китаем не принимаются). Но в них заложены в общем-то совершенно правомерные представления о том, что прогресс в деле нераспространения ядерного оружия и ракетных технологий мог бы если не охладить энтузиазм сторонников НПРО, то ограничить оказываемую им политическую поддержку.

Именно эта логика присутствовала в той *благой весте*, которая была принесена российским президентом Владимиром Путиным на Окинаву после его визита в Северную Корею. В самом деле, отказ последней от развития собственного ракетного потенциала (в случае предоставления ей возможности невоенного использования соответствующих технологий других стран), вполне возможно, снял бы с повестки дня вопрос о возникающей ракетной угрозе с ее стороны, что служило для США одним из серьезных обоснований создания НПРО.

Однако верифицировать эту гипотезу пока не удастся. Сомнения в том, насколько серьезно северокорейская сторона рассматривает возможность такого *размена*, возникли после сделанных несколько недель спустя нашумевших заявлений Ким Чен Ира. Если речь действительно шла о неправильно понятой шутке или об импровизации с его стороны, то в США это лишь еще больше убедило скептиков в невозможности доверять лидерам авторитарных режимов, стремящимся

Научные Записки ПИР-Центра №15

к обретению ракетных технологий. В конечном счете тезис о том, что именно их опасная непредсказуемость делает оправданным создание щита ПРО, получил из этой истории дополнительную подпитку.

Китайский фактор

Серьезную тревогу вызывает *китайское измерение* проблемы НПРО. В Пекине полагают, что американские планы вызваны не опасениями в отношении стран-изгоев (как это утверждает Вашингтон) и даже не стремлением уменьшить эффективность российского ответного удара (как подозревают в Москве), а желанием совершенно обесценить китайский ракетно-ядерный потенциал. И китайская реакция, пожалуй, еще в большей степени предсказуема, чем российская. Пекин скорее всего откажется даже от нынешнего (не слишком высокого) уровня кооперативности, которого он придерживался на многосторонних и двусторонних форумах по контролю над вооружениями. Ну а главный акцент будет сделан на дальнейшей модернизации и наращивании китайского ракетно-ядерного арсенала (в частности, путем размещения разделяющихся головных частей индивидуального наведения на стратегических ракетных носителях и развития ракетноносного подводного флота).

Справедливости ради следует сказать, что Китай и без того идет по данному пути и продолжал бы это движение независимо от каких бы то ни было американских планов в отношении НПРО. Но последние придают усилиям Пекина более легитимный характер, одновременно вписывая их в более стройную военно-стратегическую логику. Парадоксальным образом Китай в этом смысле оказывается в политическом выигрыше, несмотря на свою глубокую убежденность в антикитайской направленности американских противоракетных проектов.

Китай считает, что его касается и другая сторона американских планов в области ПРО, предусматривающая возможность создания и развертывания региональной противоракетной системы в Восточной Азии. Поскольку она предназначена для защиты *ключевых союзников США в регионе*, отнесение к их числу Тайваня затрагивает исключительно чувствительную для Пекина тему, какими бы при этом ни были официальные объяснения и/или заявления со стороны Вашингтона. Кстати сказать, намечаемое развертывание 100

перехватчиков на Аляске в рамках НПРО тоже рассматривается как позволяющее не только защитить континентальную территорию США, но и противодействовать эвентуальному вторжению вооруженных сил материкового Китая на Тайвань. А для Пекина это – его священное право, которое никто не смеет поставить под сомнение. Так что планы США в области ПРО и здесь создают дополнительный потенциал для напряженности в их отношениях с Китаем, подталкивая последний к поиску каких-то ответных шагов.

Надо сказать, что способность противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД) в Восточной Азии обеспечить прикрытие Японии от ракетной атаки в принципе должна была бы рассматриваться как обстоятельство, ослабляющее стимулы для Токио в плане возможного обретения ядерного оружия, и в этом смысле привлекательное для Китая. При желании это можно было бы считать примером потенциального позитивного международно-политического эффекта от реализации американских планов в области ПРО. Однако формула «ПРО как инструмент нераспространения в Восточной Азии» остается невостребованной и по причине китайской озабоченности тем, что любое нарушение хрупкого регионального баланса может подтолкнуть процесс *нуклеаризации* Японии, и потому, что для нее этот путь вполне возможен экономически и технологически, и в связи с отсутствием ясного разграничения самим Вашингтоном между американско-японской ПРО ТВД (ориентированной на борьбу с ракетами малой и средней дальности) и американской ПРО национальной территории (в которой Пекин, как отмечалось выше, видит прежде всего средство борьбы со своими стратегическими ракетами).

Заключение

Весть о том, что принятие решения по вопросу о НПРО отложено, вызвала в России не только вздох облегчения, но и целую волну комментариев, оправдывающих *принципиальный* (то есть жесткий и бескомпромиссный) подход к этой проблеме. Основания для таких оценок есть, но они не должны порождать излишней эйфории или политической аберрации.

Научные Записки ПИР-Центра №15

В самом деле, на позицию США повлияли многие факторы: противодействие Москвы, опасения подтолкнуть Китай к наращиванию военного потенциала, отсутствие поддержки со стороны союзников. Но не надо забывать о важном значении тех обстоятельств, к которым эти внешние факторы не имеют отношения. Выборы через полгода останутся позади; новые испытания могут дать иные, более обнадеживающие результаты; вера в фантастические возможности американской технологии никуда не исчезла; рядовому американцу будет по-прежнему понятна мысль о том, что лучше попытаться защитить свой дом, чем грозить злоумышленникам ядерным возмездием (на которое те могут и не обратить внимания).

Иными словами, вопрос о НПРО не стоит считать закрытым. Он снова может оказаться в центре внимания уже довольно скоро. Важно минимизировать возможные в этом случае международно-политические издержки, которые могут оказаться гораздо серьезнее, нежели те, что касаются чисто военной стороны дела.

Здесь уместно вспомнить уже упоминавшиеся параллели с вопросом о ракетах средней дальности и СОИ. Тогда тоже было немало апокалиптических прогнозов, равно как и надежд на то, что мобилизация международного общественного мнения и оппозиционных настроений среди союзников США позволит остановить нежелательное развитие событий.

И прогнозы, и надежды оказались сильно преувеличенными. В конечном счете сыграли свою роль совсем другие факторы. И среди них главное значение имел акцент не на противодействии друг другу вовлеченных в эти процессы сил, а на их кооперативном взаимодействии. В результате после кризиса вокруг ракет *Pershing* и SS-20 появился договор по ракетам средней и меньшей дальности, а из драматических коллизий вокруг *звездных войн* – соглашения о радикальном сокращении стратегических вооружений.

Можно ли спроецировать этот опыт на реалии сегодняшнего дня? Безусловно, да. На такой ответ настраивает хотя бы тот факт, что даже в условиях острой полемики вокруг вопросов о Косово, Чечне и противоракетной обороне ведущим участникам международной жизни, прежде всего России и США (во время встречи на высшем уровне в июне 2000 года), удалось найти общий язык в оценке современного состояния стратегической стабильности и путей ее укрепления. Если от общего языка удастся перейти к совместным действиям, это будет иметь решающее значение для того, чтобы нейтрализовать или свести к минимуму взрывоопасный потенциал проблемы ПРО. А может быть, и выстроить на этой основе новую модель кооперативных взаимоотношений, которая органично вписывалась бы в реалии надвигающегося XXI века.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРО США И ВОЗМОЖНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СО СТОРОНЫ РОССИИ

Григорий Тищенко

По мере возрастания упорства, с которым США пытаются создать национальную противоракетную оборону (НПРО), призванную стать одним из краеугольных камней будущей *крепости Америки*, для России все более актуальной становится выработка ответных мер, которые бы сводили к минимуму возможные отрицательные последствия для нее американских действий и не стоили бы стране слишком дорого.

Президент США Билл Клинтон подписал 23 июля 1999 года резолюцию №4 Палаты представителей Конгресса США, получившую наименование «Закона о национальной противоракетной обороне 1999 года» (National Missile Defense Act of 1999) и установившую в качестве политической цели Соединенных Штатов развертывание системы НПРО, способной защитить территорию страны от ограниченных ракетных ударов (в том числе от случайных, несанкционированных и преднамеренных единичных запусков баллистических ракет (БР)). Законом предусматривалось также продолжение переговоров с российской стороной о сокращении ядерных сил¹.

Согласно официальным американским документам, основанием для начала работ по созданию НПРО служит все расширяющееся распространение БР и оружия массового уничтожения в мире, увеличение вероятности их несанкционированного применения или целенаправленного использования для поражения территории Соединенных Штатов².

Одновременно в политических кругах США есть понимание того, что ракетная угроза со стороны *недружественных режимов* имеет потенциальный характер и является лишь частью того большого комплекса угроз, с которым придется столкнуться стране в будущем. Значительно более опасными американскому военно-политическому руководству видятся угрозы со стороны Китая и России, хотя вероятность агрессивных действий этих стран против США оценивается как незначительная. Растет осознание того, что в отношении России необходимо проводить сбалансированную политику и не превращать

ее в *Веймарскую республику*, так как это привело бы к появлению нового, более широкого спектра угроз национальной безопасности США.

Общая характеристика будущей национальной ПРО

Декларируемая в настоящее время Соединенными Штатами решимость создавать НПРО обусловлена различными причинами. Одной из них, по-видимому, является то, что США и их союзники пытаются постепенно перевести гонку вооружений в мире на *неядерные рельсы*, направить ее в сферу высоких технологий (обычного высокоточного оружия, способного уже сейчас решать некоторые стратегические задачи, информационных технологий и т.д.), где сильный становится еще сильнее, а слабый отстает навсегда. Ядерное оружие должно остаться только у группы стран (США, Великобритании, Франции), хотя и в меньших, чем сейчас объемах, но с более гибкими возможностями по применению. У остальных же государств ядерное оружие должно быть постепенно изъято с помощью развития процессов контроля над вооружениями, нераспространения ядерного оружия, ограничения распространения ракетных технологий и т.д. или нейтрализовано с помощью ПРО.

Движение в направлении ликвидации ядерного, химического и биологического оружия у стран-*парий* и создания Соединенными Штатами НПРО постоянно стимулируется в США соответствующим образом сформированным общественным мнением. Последнее характеризуется сейчас повышено-эмоциональным восприятием угроз (особенно ракетно-ядерных) со стороны *недружественных режимов*, ставшим следствием появления в печати всевозможных докладов, содержащих разведывательные оценки, *подтверждающие* реальность угроз, и т.д.

Влияние одного фактора на актуализацию в США проблематики ПРО не вызывает сомнений. Он определяется наблюдающимся с 1987 года общим резким спадом активности

Научные Записки ПИР-Центра №15

американского военно-промышленного комплекса (ВПК). Так, например, к настоящему времени количество занятых в этой сфере сократилось примерно на 30%³. Руководители крупнейших компаний, постоянно работающих по заказам министерства обороны США (*Lockeed Martin*, *Boeing* и прочие), рассматривают сложившуюся в ВПК ситуацию как критическую⁴.

Принятие в США рано или поздно решения о развертывании НПРО следует считать, по-видимому, predetermined даже после серии неудачно проведенных испытаний. Вне зависимости от того, кто будет президентом страны (за ее создание выступают как демократы, так и республиканцы), противоракетная система будет продолжаться создаваться в США. Американские компании затратили уже десятки миллиардов долларов на проведение соответствующих НИОКР и ждут их возвращения в виде заказов от министерства обороны США.

Создание НПРО планируется осуществлять поэтапно с постепенным наращиванием возможностей системы. В качестве первоочередных мест развертывания НПРО рассматриваются два района: один – на Аляске, второй – в районе авиабазы Гранд-Форкс в штате Северная Дакота.

По мнению американских экспертов, наиболее быстро (к 2005 году) система НПРО могла бы быть развернута на Аляске в составе 20 (с последующим увеличением до 100) ракет-перехватчиков, одной загоризонтной радиолокационной станции (РЛС) с фазированной антенной решеткой, пяти модернизированных РЛС системы раннего предупреждения, космической системы предупреждения DSP, высокоорбитальной группировки космических аппаратов космической системы наблюдения SBIRS, центров связи и управления. Ракеты-перехватчики, снабженные инфракрасными головками самонаведения, должны осуществлять перехват боевых блоков (ББ) на среднем участке траектории полета БР за пределами атмосферы.

К 2010–2015 годам может быть создана система, имеющая уже два района базирования и включающая 100 перехватчиков на Аляске и 100 на авиабазе Гранд-Форкс, девять загоризонтных РЛС с фазированной

антенной решеткой, шесть модернизированных РЛС системы раннего предупреждения, высокоорбитальную и низкоорбитальную группировки космической системы наблюдения SBIRS, центры управления и связи.

Несмотря на то, что в США принят «Закон о национальной ПРО», поставивший ее создание в качестве политической цели Соединенных Штатов, до сих пор сохраняется несоответствие между ставящимися перед ней задачами и тактико-техническими характеристиками разрабатываемых компонентов НПРО. Налицо очевидная несогласованность действий исполнительной и законодательной ветвей власти, а также заинтересованных военных ведомств – ВВС, ВМС, сухопутных войск и Организации по созданию ПРО министерства обороны США (*Ballistic Missile Defense Organization*). Все это заставляет усомниться в том, что в руководстве США существует полная ясность в выборе оптимальных подходов к согласованию различных военно-стратегических, внешне- и внутривнутриполитических, а также экономических факторов, связанных с проблематикой ПРО.

Будущая американская НПРО и национальная безопасность России

Действия официального Вашингтона в сфере стратегических вооружений свидетельствуют о том, что мнение Москвы его уже не слишком волнует. Последний аргумент России – ее ядерные силы – стремительно приходят в упадок. К моменту технической реализации национальной системы ПРО, по оценкам американских экспертов, число и качество российских стратегических носителей, которые могут быть использованы в ответном ударе, будет сопоставимо с возможностями оборонительных систем США. Начиная с 2003–2005 годов темпы вывода устаревающих ракет из боевого состава стратегических ядерных сил (СЯС) резко возрастут, и к 2008–2010 годам количество боеголовок на носителях существенно сократится и станет даже гораздо ниже потолка, установленного договором СНВ-2⁵.

Развертывание системы ПРО в любом из двух предполагаемых районов обеспечивает прикрытие около 70% территории США, в двух – свыше 90%, а при наличии пяти–шести таких районов может быть полностью разрушен существующий между Россией и

Научные Записки ПИР-Центра №15

США ядерный баланс (соотношение сил составит 10:1 или даже 15:1 в зависимости от конфигурации американской НПРО)⁶. Развертывание 100 перехватчиков только в районе Аляски не позволяет прикрыть восточное побережье США от возможных ударов российских БР. Серьезная угроза СЯС России может возникнуть, если США развернут более 100 противоракет в двух районах базирования.

Наличие у американской стороны НПРО в количестве 200 перехватчиков, развернутых в двух районах (Гранд-Форкс и Аляске), незначительно скажется на эффективности первого российского удара (он будет ослаблен на 10–20%), но серьезно повлияет на потенциал ответного удара (может быть уничтожено свыше 90% ББ ответного удара) и, возможно, даже сделает его приемлемым для США.

По американским оценкам, развертывание системы НПРО на Аляске позволяет значительно ослабить возможный ракетный удар российских сил, дислоцирующихся за Уралом, и практически нейтрализовать ракетный удар (даже первый) со стороны Китая по западной части территории США⁷.

Оценивая достоинства и недостатки нынешнего договора по ПРО, необходимо помнить, что до сих пор он являлся надежным препятствием на пути получения какой-либо из стран односторонних преимуществ, служил важнейшим ограничителем гонки вооружений, лишаящим каждую из сторон, даже в теоретическом плане, возможности рассчитывать на победу в любых условиях развязывания ядерного конфликта. Моделирование боевых ситуаций показывает, что в случае глубокого сокращения ядерных арсеналов сторон значение ограничений в области ПРО и их влияние на реальный баланс сил резко возрастают. В этих условиях действительным предназначением НПРО становится отражение ослабленного первым ядерным ударом ответного удара другой стороны.

США, добивающимся пересмотра договора по ПРО от 1972 года, необходимо учитывать то, что изменение его основных положений неотвратимо приведет к ответным мерам со стороны России. Закономерным результатом этого станет уменьшение стратегической стабильности в мире и, как следствие,

снижение уровня безопасности самих США и необходимость дальнейшего совершенствования НПРО. Для обеспечения военно-стратегической стабильности Россия будет вынуждена в ответ на развертывание США НПРО обеспечить в течение пяти–семи лет увеличение потенциала, гарантирующего нанесение противнику в ответном ударе неприемлемого ущерба⁸.

Очевидно, что если Россия даст согласие на изменение договора по ПРО, она в будущем будет считаться, наряду с США, первооткрывателем нового направления гонки вооружений – стратегических систем ПРО, которому она дала *зеленый свет*. Кроме того, возможно возникновение трений между Россией и Китаем (и, по-видимому, с некоторыми другими странами), поскольку НПРО США будет способна нейтрализовать нынешний и будущий китайский ракетно-ядерный потенциал, а также перспективный потенциал других стран.

Согласие на пересмотр договора по ПРО и подписание его в новой редакции (даже учитывающей в той или иной степени интересы России на данном этапе) будет неизбежно расценено в мире как склонение слабого перед сильным и, по-видимому, все же не сможет сдержать хоть как-то развитие работ в США в области НПРО. История с внесением в договор поправок о разделении стратегической и нестратегической ПРО показала, что США способны вынуждать Россию давать согласие на трансформацию договора в нужном для них направлении по мере необходимости: например, в случае возникновения потребности перевода НИОКР на новый этап работ. В случае же отказа России от пересмотра условий договора по ПРО очень вероятно возрастание давления на нее в самых различных областях (политической, военной, экономической, и т.д.), что мы и видим в последнее время.

Вполне возможно согласие США на увязывание переговоров по сокращению стратегических наступательных вооружений, пересмотру договора по ПРО, работ по созданию НПРО и разработке мер доверия с целью убеждения России в том, что США не будут разрабатывать или развертывать варианты систем НПРО, которые бы ограничивали возможности России по нанесению ответного удара. Разговоры о начале таких переговоров с Россией уже идут

Научные Записки ПИР-Центра №15

в Соединенных Штатах на достаточно высоком уровне.

В настоящее время среди американских специалистов нет ясности относительно стратегии дальнейших переговоров с Россией в отношении наступательных вооружений и систем ПРО. По мнению некоторых экспертов, США не могут допустить того, чтобы договор по ПРО ограничивал усилия по укреплению национальной безопасности США и чтобы России разрешалось сохранить за собой более высокий уровень военной мощи, чем это предусматривается условиями существующего договора СНВ-2 или обсуждаемого договора СНВ-3. В то же время в военно-политических кругах США сохраняется неопределенность относительно того, следует ли идти на достижение компромисса с Россией.

Воздействие будущей НПРО на национальную безопасность Китая

Наиболее серьезную угрозу создаваемая США система НПРО будет представлять для СЯС Китая. Развертывание на Аляске противоракет позволит поражать ББ на большинстве траекторий полета китайских БР, запущенных в сторону США. Для сохранения потенциала сдерживания в условиях присутствия на Аляске 100 противоракет Китаю, вероятно, придется увеличить количество ББ на межконтинентальных баллистических ракетах (МБР) до 200, что, безусловно, является для него непростой задачей с технической и экономической точек зрения.

НПРО (во всяком случае, первой очереди) нужна Соединенным Штатам прежде всего для будущих схваток с Китаем в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР)⁹. К настоящему времени во всех официальных американских документах практически перестала упоминаться в качестве противника Россия, но все чаще подразумевается в такой роли Китай. О том, что НПРО направлена прежде всего против Китая говорит то, что в качестве первоначального района базирования выбрана Аляска, наиболее подходящая именно для защиты от китайских МБР. Для перехвата российских ракет более эффективно было бы развернуть систему сначала на авиабазе Гранд-Форкс, а затем уж на Аляске. Развертывание перехватчиков на Гранд-Форксе и стоило бы США дешевле (многое из необходимой инфраструктуры уже есть), и из договора по ПРО еще несколько лет можно было бы не выходить.

В настоящее время в качестве основного источника ракетной угрозы Соединенным Штатам везде упоминается КНДР, но подразумевается, по-видимому, Китай. Поскольку северокорейские ракеты будут лететь в сторону США почти по тем же траекториям, что и китайские, то НПРО, созданная для защиты от первых, будет эффективна и против вторых. Выбор Северной Кореи в качестве противника очень удобен для США, поскольку позволяет делать ПРО против Китая, не осложняя серьезно отношений с последним раньше времени. Достиженные в КНДР российским президентом Владимиром Путиным договоренности о замедлении северокорейских ракетных программ серьезно затрудняют пропагандистское прикрытие американских программ в области НПРО.

Нельзя исключать, что в настоящее время США начинают делать попытку постепенного втягивания Китая в *холодную войну* с государствами региона и самими Соединенными Штатами, которая бы сопровождалась разорительной для китайской стороны гонкой вооружений. Как известно, политика *холодной войны* доказала свою эффективность на примере СССР, приведя к поражению и развалу последнего.

В то же время вполне возможно начало в ближайшем будущем переговоров между США и Китаем в области контроля над стратегическими вооружениями (в пакете *наступательные-оборонительные*). В США уже такое желание есть. Согласно докладу Вашингтонского Центра оборонных и международных исследований, опубликованному весной 2000 года, необходима переоценка угрозы со стороны Китая с целью определения формата будущих переговоров, которые бы ограничили ее возрастание (наращивание СЯС) в ответ на развертывание в США НПРО¹⁰.

Международные аспекты проблемы создания НПРО

Принятие Соединенными Штатами решения о развертывании НПРО не только крайне отрицательно скажется на процессе сокращения стратегических потенциалов США и России, но и спровоцирует модернизацию и укрепление ракетно-ядерных сил КНР, а также, возможно, Франции и Великобритании. С учетом сложившихся реалий в отношениях между ведущими странами Азии вполне вероятно, что усиление

Научные Записки ПИР-Центра №15

ракетно-ядерного потенциала Китая вызовет ответную реакцию Индии, Тайваня и Японии. А мероприятия Индии по укреплению своего военного потенциала неизбежно приведут к *адекватным* контрмерам со стороны Пакистана. Начнется гонка ядерных вооружений и средств их доставки, в том числе и в АТР, который, как предполагается, должен в следующем столетии выйти на первый план в системе национальных интересов США.

Как известно, Франция, равно как и Китай, давно и открыто выступает за сохранение договора по ПРО от 1972 года, против создания и развертывания системы НПРО в США. В случае развертывания США стратегической противоракетной обороны или выхода из договора по ПРО можно прогнозировать дальнейшее нарастание напряженности в уже и без того непростых франко-американских отношениях, осложнение взаимоотношений в рамках НАТО.

Даже ближайшие союзники США по НАТО выражают опасения по поводу планов создания *противоракетного зонтика*, поскольку в результате они могут вновь оказаться под прицелом российских ракет средней дальности, так как не исключено, что Россия, заботясь о своей безопасности, может выйти из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) и вновь принять их на вооружение. По мнению руководства многих стран Западной Европы, в случае отказа от договора по ПРО 1972 года последующая за этим гонка вооружений будет представлять большую угрозу для них, чем для Соединенных Штатов. Об обеспокоенности союзников США свидетельствуют, например, результаты голосования в ООН в конце 1999 года по резолюции по НПРО, когда они не поддержали США.

В настоящее время ни одна из стран (КНДР, Иран, Ирак), наличием угрозы со стороны которых в основном обосновывается проведение работ по НПРО в США, не обладает БР, способными угрожать Соединенным Штатам, и вряд ли будет иметь их в обозримом будущем. Даже если через несколько десятков лет у перечисленных стран появятся единичные экземпляры МБР, трудно себе представить, чтобы они решились применить их против США без каких-либо

достаточно веских причин, и иначе как в ответных действиях.

Создание под эгидой ООН международной космической системы наблюдения, в которой могли бы участвовать на равных правах любые страны, оказало бы, по всей видимости, положительное влияние на поддержание международной стабильности. Несколько лет назад в ООН уже обсуждалась, например, идея создания глобальной международной спутниковой системы наблюдения за военной деятельностью, которая была поддержана абсолютным большинством стран, за исключением США и некоторых их союзников.

Развертывание же национальной системы ПРО или одного из ее компонентов, например, космического эшелона системы раннего предупреждения, высокоразвитыми странами (прежде всего членами НАТО) с привлечением России и без участия ООН (а именно это и подразумевается, как правило, при обсуждении вопросов создания международной ПРО) может лишь привести к снижению стратегической стабильности.

Следует отметить, что планы создания международной ПРО уже рассматривались несколько лет назад, в том числе и в НАТО, и, согласно официальным документам блока, не предполагали участия России в святой святых – управлении системой. Абсолютно нереальными выглядят надежды российского ВПК получить в случае начала работ над подобной системой заказы, дефицит которых испытывают в нынешних условиях американские и западноевропейские фирмы. Опыт осуществления программы «Стратегической оборонной инициативы» (СОИ) показал, что даже союзники США могут рассчитывать только на крохи.

Необходимо также учитывать, что международная система ПРО имела бы явную направленность против стран *третьего мира*, которые увидят в этом попытку *богатого Севера* отгородиться от проблем *бедного Юга* за новой *линией Мажино*. Таким образом, Россия оказалась бы вовлеченной в нарастающее противостояние между *богатым Севером* и *бедным Югом* (в основном мусульманским).

Научные Записки ПИР-Центра №15

Возможные меры противодействия со стороны России

В ближайшие годы усилия российской стороны должны быть сосредоточены, по-видимому, на политических и дипломатических шагах, направленных на сдерживание темпов создания в США системы НПРО первой очереди и противодействие принятию решения о создании системы НПРО второй очереди, развертывание которой может отрицательно сказаться на возможностях России нанести Соединенным Штатам в ответном ударе неприемлемый ущерб, то есть практически лишить Россию потенциала сдерживания США. Если на момент развертывания в США системы НПРО второй очереди (в составе 200 ракет-перехватчиков) российский ракетно-ядерный арсенал будет насчитывать 700–900 ББ, то, по оценкам самих американских специалистов, при нанесении по России первого удара (в ходе которого возможно уничтожение до 80% состава СЯС) система НПРО может сделать приемлемым российский ответный удар (на территорию США упадет не более 10–20 ББ)¹¹.

Следует настойчиво напоминать о том, что Россия располагает возможностью дать асимметричный и дешевый ответ на развертывание Соединенными Штатами НПРО (и это действительно так). Как известно, еще в период существования СССР американская сторона с особой настороженностью и опаской относилась к заявлениям об асимметричном ответе.

Ядерное разоружение и нераспространение. В связи со значительным сокращением СНВ и резким возрастанием в этих условиях роли ПРО большое значение для России приобретают параметры будущего договора СНВ-3, поскольку они могут существенно повлиять на выбор ответных мер со стороны России на развертывание в США НПРО.

По мнению некоторых российских экспертов, разрыв всех международных договоренностей в области контроля над стратегическими вооружениями (включая договоры СНВ-1 и СНВ-2), отказ от подписания договора СНВ-3 развяжет руки США в формировании более мощной группировки СНВ (вплоть до 9000 ББ). Последней российские СЯС не смогут противостоять, что, скорее всего, подтолкнет американцев к оказанию военно-силового давления на Россию. Кроме того, будет прекращено финансирование демонтажа

российских СНВ по программе Совместного уменьшения угрозы. Тогда России придется переориентировать на демонтаж вооружений значительную часть средств, выделяемых сегодня на перевооружение. На указанные аргументы можно возразить, что мы уже жили в условиях многократного преимущества США в ядерных вооружениях и не имеет значения, кто кого сколько раз способен уничтожить. Но самое главное, не видно причин, по которым бы США понадобилось резко увеличивать свой ядерный потенциал.

В ходе переговоров о заключении договора СНВ-3 следует настаивать на сохранении нынешней редакции договора по ПРО, поскольку в противном случае существенные дальнейшие сокращения российских СЯС могут стать опасными. СНВ-3 должен предусматривать снижение потолков СНВ до уровня 1000–1500 ББ; устранение недостатков, присущих договору СНВ-2 (прежде всего решение проблемы возвратного потенциала); возможность оснащения разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН) мобильных МБР *Тополь-М*; ограничение противолодочной деятельности; сокращение крылатых ракет морского базирования (КРМБ) большой дальности (которые, обладая самой высокой точностью и скрытностью, по существу, являются четвертым компонентом СЯС и могут применяться для нарушения системы военного и государственного управления, уничтожения авиационных и морских баз, СНВ и т.д.).

Одной из возможных контрмер России в военно-политической области может стать снижение или даже полная ликвидация достигнутого с Соединенными Штатами уровня транспарентности в области ракетно-ядерных вооружений и расщепляющихся материалов. Необходимо рассмотреть возможность приостановки или даже ликвидации всех имеющихся договоренностей, связанных с российско-американским сотрудничеством в области систем предупреждения о ракетном нападении, а также свертывания всех совместных проектов и планов в области космических систем и нестратегической ПРО.

Следствием развертывания НПРО может стать разрушение достигнутого США с Россией и Китаем взаимодействия в вопросах ограничения распространения ракетных

Научные Записки ПИР-Центра №15

технологий. Нельзя исключать возможности оказания какой-либо из указанных стран помощи кому-либо в осуществлении ракетных программ.

Перспективная группировка СЯС России. Формируя военную политику в условиях развертывания (или угрозы развертывания) НПРО, России необходимо учитывать такой важнейший момент, как появление у противника после развертывания ПРО желания нанести удар первым. Стремление к нанесению первого удара может появиться у страны после создания ПРО, обеспечивающей живучесть МБР или городов по отношению к ответным ударам противника.

В этих условиях целесообразно предпринять меры для повышения живучести российских СЯС. Необходимо рассмотреть возможность увеличения количества районов базирования СЯС и развертывания в районах их дислокации тактических систем ПРО, например, комплексов, продолжающих ряд систем С-300, С-400. Так как тактические системы ПРО районов дислокации СЯС могут быть развернуты гораздо раньше, чем НПРО США, то вполне возможно, что на определенном этапе Россия даже будет обладать стратегическими преимуществами перед Соединенными Штатами. Кроме этого, поскольку американская система НПРО первой очереди, вероятнее всего, будет создана на Аляске и будет поражать в основном МБР, дислоцирующиеся за Уралом, то необходимо оценить потребность усиления европейской группировки СЯС. Например, за счет возвращения МБР на территорию Белоруссии.

В качестве первоочередных со стороны России могут быть реализованы контрмеры, предусматривающие наращивание количества ББ в группировке Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) за счет максимально возможного (до 30 лет) продления срока службы существующих ракетных комплексов SS-19, оснащенных шестью ББ.

Возможно дооснащение головных частей баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ) SS-N-23, имеющих четыре ББ, десятью ББ, тем более что эта ракета проходила первоначальные испытания именно с таким количеством ББ. В октябре 1999 года

Россия уже объявила о возобновлении производства указанных БРПЛ¹².

Одним из наиболее эффективных путей противодействия НПРО может стать повышение живучести и надежности системы боевого управления СЯС. Вероятность доведения приказа до носителей, как известно, прямо пропорциональна числу сохранившихся ББ. Например, если поднять вероятность доведения сигнала на пуск с 0,5 до 0,7, то из 400 сохранившихся ББ в среднем стартуют уже не 200, а 280. Такая прибавка эквивалентна примерно трем–четырем дополнительным ракетным дивизиям с мобильными ракетами *Тополь-М* или четырем–пяти АПЛ с БР¹³.

Возможно увеличение количества подвижных пусковых установок (ПУ) с ракетами *Тополь-М* и размещение на последних по три ББ вместо одного. Желательно на максимально длительный срок сохранить железнодорожные комплексы в группировке СЯС (36 МБР с 10 ББ каждая) и постараться устранить ряд трудностей, связанных с их эксплуатацией. Эти комплексы не выработали основного ресурса, так как, в соответствии с нашими обязательствами, практически все время находились в пунктах постоянной дислокации.

Возможна разработка унифицированной для ракетных подводных крейсеров стратегического назначения (РПК СН) и ракетных комплексов наземного базирования новой МБР с РГЧ ИН, что позволит существенно снизить затраты на программу развития отечественных СЯС. Необходимо оценить возможность ввода до 2007 года двух–трех новых РПК СН с новой унифицированной ракетой.

Хотя расходы на поражение одной типовой цели боевыми блоками БРПЛ в ответном ударе с учетом работы системы боевого управления значительно выше, чем для ракет *Тополь-М*, перспективным может оказаться ввод в группировку новых подводных лодок с БР, поскольку полет БРПЛ проходит по низким (настильным) траекториям, что сильно затрудняет их уничтожение. В случае же запуска ракет вблизи территории США, когда подводные лодки находятся, например, в прибрежной зоне, проблема перехвата БРПЛ еще более усложняется ввиду малого времени полета, которое может составлять считанные минуты.

Научные Записки ПИР-Центра №15

Расширение использования Россией подводного флота может осуществляться в следующих направлениях: увеличение количества БР и крылатых ракет, запускаемых с подводных лодок; размещение АПЛ с БР в районе Северного полюса; развертывание вблизи территории Соединенных Штатов на подводных лодках и других носителях баллистических и крылатых ракет небольшого радиуса действия.

Увеличение количества БРПЛ и крылатых ракет, готовых к нанесению удара по США, очевидно, может быть достигнуто в некоторой степени и без строительства новых подводных лодок, а лишь за счет увеличения коэффициента оперативного использования существующих (времени нахождения на боевом дежурстве). Коэффициент оперативного использования бывших советских подводных лодок составлял, например, 0,15, тогда как американских – около 0,6.

Вложение дополнительных средств в авиационную составляющую СЯС, а также стационарные ПУ (в том числе для тяжелых ракет), в ответ на развертывание НПРО в США нерационально. Из-за большой продолжительности полета велика вероятность уничтожения авиации еще до полета к цели, а также на аэродромах или в коридорах вылета.

Что касается стационарных ПУ, то тяжелые ракеты, в том числе SS-18, усиливают лишь потенциал упреждающего и ответно-встречного ударов, но не могут служить надежным средством сдерживания. Для повышения потенциала ответного удара такие ракеты непригодны. При достигнутой на ракетах США *Trident-II* и *Peacekeeper* (MX) точности и существующей степени защиты шахтных пусковых установок (ШПУ) российские ракеты поражаются одним ББ с вероятностью, близкой к единице. Необходимо учитывать и то, что наиболее совершенные многозарядные МБР SS-18 и SS-24 производились на Украине, и восстановление их производства там сегодня не представляется возможным. Создание же новой многозарядной МБР в России потребует не менее семи–восьми лет напряженной работы при затратах 10–12 млрд руб. в нынешних ценах.

Постепенное, целенаправленное сокращение компонентов СЯС, не влияющих на потенциал ответного удара, дало бы возможность полнее финансировать реальные силы сдерживания. Необходимо увеличить ассигнования на НИОКР, проведение которых требуется для реализации ответных мер, определенных правительством в качестве перспективных, способных обеспечить нейтрализацию американской НПРО. Указанные НИОКР будут относиться, по-видимому, в основном к сфере стратегических и космических программ. При этом, возможно, придется прекратить некоторые из уже выполняемых НИОКР, ради создания более мощного и необходимого в будущем потенциала.

По мнению представителей министерства обороны Соединенных Штатов, в создавшейся военно-политической обстановке развитие одних наступательных сил бесперспективно, поскольку они смогут успешно противодействовать НПРО только на начальном этапе ее развития. В дальнейшем же, когда эффективность обороны станет достаточно высокой (например, свыше 80%) и будут введены новые компоненты (системы ПРО воздушного и космического базирования, обеспечивающие поражение на активном участке полета БР, и т.д.), преимущество, с точки зрения критерия *эффективность–стоимость*, должно перейти к ПРО. Кроме того, курс на создание средств защиты наверняка бы вызвал менее негативную реакцию со стороны общественности, чем линия на наращивание наступательных вооружений.

Использование ракет средней и меньшей дальности. В случае развертывания НПРО США выход России из договора о РСМД может быть полезен не только для демонстрации силы в отношении европейских союзников США, но и для противодействия самой американской системе НПРО. Для нейтрализации системы НПРО, развернутой на Аляске, весьма эффективным, по-видимому, мог бы стать удар ракетами средней дальности (РСД) по местам развертывания противоракет, наземным средствам обнаружения, наведения и управления НПРО.

Что касается НПРО на континентальной части США, то для нее также был бы очень чувствителен удар РСД по наземным средствам обнаружения, наведения и управления, которые должны быть вынесены далеко вперед от

Научные Записки ПИР-Центра №15

районов базирования противоракет и поэтому оказались бы в зоне досягаемости российских РСД (ракет типа SS-20, развернутых, к примеру, на западе, северо-западе, востоке и северо-востоке страны).

Нельзя считать абсурдной и утопической идеей размещения ракет меньшей дальности (РМД) на территории Кубы. При необходимости РМД способно быстро *накрывать* большую часть территории США, что может быть сильнейшим аргументом в российско-американском противостоянии. Возможно использование портов Кубы и близлежащих вод российскими АПЛ с ядерным оружием (БРПЛ, КРМБ). Привлекательной видится идея возобновления патрульных полетов стратегической авиации вдоль восточного побережья США в сторону Кубы. Бесспорно, размещение ядерного оружия на территории Кубы – непростой вопрос, требующий дальнейшего более подробного анализа, решение которого будет сопряжено с массой политических и военно-технических проблем.

Военно-технические меры противодействия. Применение различных военно-технических мер противодействия может на порядок снизить эффективность планируемой в США НПРО. Остановимся лишь на некоторых из возможных технических решений¹⁴.

Подрыв ядерных ББ на конечном участке траектории полета представляется одной из наиболее дешевых и эффективных контрмер, поскольку существенно затруднит работу системы боевого управления и связи ПРО, ее средств обнаружения и поражения.

Использование головных частей с большим количеством ложных целей ведет к перенасыщению средств наблюдения и слежения НПРО. Например, применение двух ложных целей на один ББ может даже на порядок снизить эффективность НПРО. Размещение ББ в надувных шарах из алюминизированного майлара или кожухах из тонких проводов может значительно затруднить идентификацию ББ и ложных целей, а значит, и распознавание целей на среднем участке полета. В состав головных частей могут включаться ложные цели на основе надувных металлизированных шаров в количестве свыше 10 на один ББ. При этом сами ББ могут размещаться в центре облака надувных ложных целей для того, чтобы затруднить определение их точного

положения и, следовательно, поражение. Всего же возможно развертывание от 10 до 100 ложных целей на один ББ.

Охлаждение поверхности ББ небольшим количеством жидкого азота может снизить дальность обнаружения боевого блока ИК-датчиком перехватчика с нескольких сот километров до десятков метров, а также значительно затруднить работу существующих и перспективных космических систем наблюдения, обеспечивающих наведение перехватчиков на цель. Возможно также применение достаточно простых технологий, позволяющих уменьшить эффективную отражающую поверхность ББ, таких, как добавление острого носа, плавное скругление задней части ББ, покрытие поверхности радиопоглощающими материалами.

Развертывание ложных МБР, разработка новых, более *скоростных* головных частей и ББ, позволяющих сократить время полета до цели, создание маневрирующих ББ также могут стать эффективными контрмерами. Разработка планирующих крылатых блоков для ракеты *Тополь-М*: использование планирующих и маневрирующих ББ существенно затруднит работу ПРО, вплоть до того, что станет невозможным их уничтожение с помощью обычных кинетических средств поражения и потребуются размещение ядерных боевых частей на ракетах-перехватчиках.

Кроме этого, возможен запуск головных частей на высокие околоземные орбиты, с которых производится наведение ББ на цели. Поскольку скорости подлета ББ к целям будут чрезвычайно высоки, то и поражение их будущими средствами НПРО достаточно проблематично.

Использование противоспутниковых систем для поражения элементов перспективной НПРО позволит наносить удары, прежде всего по космическим системам обнаружения и распознавания НПРО, чтобы парализовать оборону противника в целом. Применение таких средств облегчается тем, что траектории полета космических объектов, как правило, хорошо известны заранее. Согласно некоторым оценкам, осуществление мер по обеспечению живучести космических аппаратов увеличивает стоимость последних на 30–40%. К противоспутниковым средствам

Научные Записки ПИР-Центра №15

могут быть отнесены ракеты-перехватчики космического базирования, ракеты наземного базирования, авиационные комплексы, спутники, выбрасывающие в космическое пространство жидкость, которая в условиях невесомости распадается на отдельные капли (более эффективными, чем вода, считаются масла с высокой степенью вязкости), *космические мины*.

Космические мины могут нести ядерный или обычный заряд, иметь управляемые или неуправляемые ракеты, быть замаскированными под какие-либо объекты (например, спутники связи), размещаться на орбите заранее и в период развертывания НПРО, сближаться со средствами последней, постоянно находясь в пределах радиуса поражения. Стоимость *космических мин* оценивается во много раз ниже, чем других средств противокосмической обороны.

В качестве ответных мер можно также рассмотреть реализацию ряда перспективных технологических разработок, к числу которых относятся: воздушно-космические летательные аппараты, находящиеся на боевом дежурстве на земле или в космосе; летательные аппараты типа *буст-глайд* (выводятся на заданную высоту ракетой-носителем, а затем планируют на цель, не выходя за пределы атмосферы); ракеты воздушного и космического базирования большого радиуса действия для оснащения, например, воздушно-космических самолетов; БР с изменяемой скоростью и направлением полета; ББ с двигателями малой тяги для сокращения продолжительности среднего и конечного участков полета; ББ с наведением на конечном участке для подавления РЛС НПРО.

Среди других возможных контрмер, направленных на вывод из строя отдельных компонентов систем НПРО, можно назвать создание небольших высокоскоростных ракет, предназначенных для поражения космических объектов на высотах до 2000 км; разбрасывание на орбитах спутников различного назначения пассивных средств поражения (опилок, тяжелой дроби массой, например, до 10 г и т.д.).

Безусловно, каждой из вышеперечисленных военно-технических мер противодействия присущи недостатки, которые здесь не рассматриваются. Задача выбора контрмер

должна решаться в комплексе. Для того чтобы выбор оказался действительно оптимальным он должен осуществляться с учетом всех факторов: политических, военных, технических и особенно экономических. Так, проведение каких-либо специальных технических демонстраций (например, летных испытаний), показывающих возможность прорыва российскими средствами американской НПРО, по-видимому, не имеет смысла (ввиду их очень большой стоимости), если такие демонстрации не являются плановыми, проводящимися в рамках целенаправленно ведущихся НИОКР.

Заключение

Рассматривая современную политику Соединенных Штатов в отношении России и судьбы договора по ПРО, необходимо отметить, что в силу сложившейся внутри США ситуации (давление со стороны ВПК, демонстративная озабоченность возможностью международного терроризма с применением БР, нарастание изоляционистских настроений и т.д.) решение о развертывании НПРО рано или поздно будет принято. В то же время США не заинтересованы в значительном обострении российско-американских отношений, поскольку рассматривают возможность использования России в своих будущих геостратегических играх с Китаем, Западной Европой и т.д., а также в том, чтобы только Америка предстала перед всем миром в роли инициатора разрушения договора, являющегося краеугольным камнем всей системы договоренностей в сфере контроля над вооружениями. Поэтому следует ожидать продолжения попыток *договориться* с Россией.

Задача российской стороны всячески использовать указанные попытки, не идя на уступки в отношении изменения существующего договора по ПРО, для сдерживания в США принятия решения по развертыванию НПРО. В складывающихся условиях, когда в США существуют планы выхода из договора по ПРО уже в ближайшее время или постепенного его изменения по мере необходимости (готовности новых систем и компонентов) даже после возможного достижения компромисса с Россией по поводу начального варианта НПРО с двумя районами базирования, представляется нецелесообразным идти на изменения нынешней редакции договора по

Научные Записки ПИР-Центра №15

ПРО 1972 года. Накануне принятия в США решения по НПРО могло бы иметь, по-видимому, большое значение и широкий международный резонанс выступление России с предостерегающим заявлением (возможно, даже совместно с другими странами, например, Китаем, Индией, Северной Кореей и т.д.). В условиях откладывания в США решения по развертыванию НПРО Россия должна всячески использовать *подаренное* время для мобилизации мирового общественного мнения на противодействие американским планам создания НПРО.

Поскольку отделить проблемы ПРО от проблем ограничения и сокращения СНВ представляется невозможным, то требование российской стороны сохранить в существующем виде договор по ПРО и продолжать переговоры в области стратегических вооружений должно выглядеть в глазах мирового общественного мнения вполне логичным. В значительно более уязвимом положении находятся США, пытающиеся сломать развивающийся процесс сокращения СНВ. Следует осознавать, что в случае, если США выйдут из договора по ПРО или добьются его коренного пересмотра, параметры новых масштабных сокращений российских и американских СЯС (которые будут согласованы при подписании договора СНВ-3) могут оказаться крайне невыгодными для России.

В ходе дальнейших переговоров в области сокращения стратегических наступательных вооружений американская сторона будет, скорее всего, всячески противиться предоставлению России послаблений по сохранению существующих и развертыванию новых МБР с РГЧ ИН, способных эффективно преодолевать систему НПРО. Создание в США НПРО отрицательно скажется на стратегическом балансе сил между Соединенными Штатами и Россией, прежде всего уменьшится в той или иной степени (в зависимости от тактико-технических характеристик будущей НПРО) российские возможности по нанесению ракетно-ядерного удара, особенно ответного.

Для нейтрализации отрицательных последствий развертывания США НПРО на военную безопасность России может быть использован широкий спектр ответных мер политического, военно-технического,

дипломатического, пропагандистского и иного характера.

Следует четко определить, к каким конкретным нарушениям договора по ПРО ведут действия США по созданию НПРО, активнее демонстрировать указанные нарушения мировому сообществу, акцентируя внимание на том, что американцы, на словах постоянно декларирующие свою приверженность миру, собственноручно разрушают краеугольный камень всей системы международных договоров в области контроля над вооружениями, которая создавалась не один десяток лет, в том числе и усилиями большинства стран-членов ООН. Необходимо шире привлекать к противодействию американским планам создания НПРО такие ядерные державы, как Китай, Франция, Индия, союзников и партнеров США, недовольных действиями последних, мировое общественное мнение. России следует перестать быть одной *на передовой*, настало время выводить *из тени на свет* и других.

Результативность контрмер будет зависеть прежде всего от правильного понимания причин и последствий реализации США программы НПРО, выбора адекватных мер, обеспечивающих ограничение ущерба российским национальным интересам, эффективного использования имеющихся ресурсов и технических возможностей.

Анализируя возможные меры противодействия, следует прежде всего рассматривать их экономическую реализуемость. Выбор мер противодействия необходимо производить с особой осторожностью, они действительно должны иметь наивысшее значение показателя *эффективность/стоимость*. Следует отдавать себе отчет в том, что для России в нынешних экономических условиях любые выбранные контрмеры не будут дешевыми. Поэтому, видимо, они не должны предусматривать коренной ломки нынешних наступательных и оборонительных сил, систем командования и управления, что наверняка потребует огромных по российским меркам затрат.

В то же время следует сознавать, что наряду с объективно тяжелым экономическим положением России существуют и факторы субъективного характера, способные оказать негативное воздействие на эффективность

Научные Записки ПИР-Центра №15

вырабатываемых ответных мер. К ним, в частности, относится наблюдаемое в последние годы сопротивление видов Вооруженных сил РФ попыткам реформирования и перераспределения финансирования между ними. Это означает, что окончательный выбор контрмер в немалой степени будет определяться лоббированием со стороны заинтересованных ведомств.

Конкретное решение о выборе ответных шагов со стороны России на проводимые в США работы по созданию НПРО, по-видимому, следует отложить до весны–лета 2001 года, когда в Соединенных Штатах уже будет принят ряд наиболее важных решений и документов, которые определяют на несколько лет вперед военно-стратегические планы и намерения новой американской администрации. Окончательный выбор оптимальных мер противодействия лучше всего проводить с учетом конкретного содержания этих решений и документов.

В настоящее время не следует преувеличивать возможностей НПРО ближней перспективы и быстрого наращивания ее эффективности. Работы идут со значительной задержкой: если ранее начальный вариант НПРО планировалось развернуть к 2003 году, то теперь – к 2005 году (причем и этот срок многие эксперты не считают окончательным¹⁵). Все намеченные до принятия системы НПРО на вооружение испытания планируется провести в условиях, значительно отличающихся от реальных, причем с использованием прототипов, а не серийных образцов ряда ключевых компонентов. Таким образом, эту систему предполагается развернуть без полномасштабных испытаний, в которых она была бы испытана в целом.

Заключая и пересматривая договоры в области контроля над вооружениями, следует иметь в виду, что США, вероятно, не видят в будущем места для договора по ПРО и каких-либо соглашений в области ограничения вооружений в космосе. В феврале 2000 года консорциум компаний *Lockeed Martin–Boeing–TRW* получил первый контракт стоимостью 127 млн долл., предусматривающий отработку компонентов лазерной космической станции. Натурные испытания станции против космических систем предполагается провести в 2012 году. Создание лазерного оружия космического базирования ожидается в районе

2020 года¹⁶. Проведение указанных работ в корне нарушает дух существующего договора по ПРО и имеющиеся договоренности в сфере космоса. Следует отметить, что США упорно продолжают разработки в области перспективных технологий противоракетной обороны с элементами воздушного и космического базирования.

¹Young S.W. Pushing the Limits. The Decision on National Missile Defense. Washington, 2000, p.65

²Annual Report of the Secretary of Defense to the President and the Congress. Washington, 2000, p.20

³Терехов В.Ф. Проблема эффективности аэрокосмической промышленности. *Экспорт Вооружений*, март–апрель, 2000, с.18

⁴Augustine N. R. Unhappy birthday: America's aerospace industry at 100. Excerpted from a speech presented at a joint AIAA/Association of the U.S. Army meeting in Huntsville, Ala., 21 March 1996 (электронная версия: www.aiaa.org/publications/journals/aa-augustine.html).

⁵Wilkening D.A. Ballistic-Missile Defence and Strategic Stability. *The International Institute for Strategic Studies*. Adelphi Paper 334, 2000, p.56

⁶Семейко Л.С. России выгодно сказать *Да*. *Независимое Военное Обозрение*, №10, 24 марта 2000, с.4

⁷Wilkening D.A. Ballistic-Missile Defence and Strategic Stability. *The International Institute for Strategic Studies*. Adelphi Paper 334, 2000, p.56

⁸Михайлов Н. Настало время учредить коллективную ответственность за стратегическую безопасность. *Независимое Военное Обозрение*, 4 февраля 2000, с.4

⁹Стремление США создать противовесы Китаю в Азиатско-Тихоокеанском регионе подтверждает и то, что американская дипломатия способствует урегулированию отношений между Северной и Южной Кореей (в перспективе нельзя исключать их объединения); налаживается сотрудничество Соединенных Штатов с Вьетнамом, способствующее развитию последнего; делаются предложения России по оказанию помощи в строительстве или модернизации мощнейших РЛС, например, в Габале (Азербайджан), которые бы *светили* на Юг, прежде всего в сторону Китая.

¹⁰Cordesman Anthony H. Defending America: Redefining the Conceptual Borders of Homeland Defense. Revised Review Draft: Report on Homeland Defense and National Missile

Научные Записки ПИР-Центра №15

Defenses, Center for Strategic and International Studies. May 2000, p.14

¹¹Wilkening D.A. Ballistic-Missile Defence and Strategic Stability. *The International Institute for Strategic Studies*. Adelphi Paper 334, 2000, pp.29–58

¹²Pikayev A. The Prospects for ABM Treaty Modification. Carnegie Moscow Center. Policy Memo Series No.108. February 2000. p.3

¹³Волков Л.И. Россия найдет ответы на противоракетный вызов. *Независимое Военное Обозрение*, №9, 17 марта 2000, с.1, 4

¹⁴Более подробный анализ возможных технических мер преодоления НПРО дан в

работе: Sessler Andrew M., Cornwall John M., Dietz Bob, Fetter Steve, Frankel Sherman, Garwin Richard L., Gottfried Kurt, Gronlund Lisbeth, Lewis George N., Postol Theodore A., Wright David C. Countermeasures. Union of Concerned Scientists, April 2000.

¹⁵Young S.W. Pushing the Limits. The Decision on National Missile Defense. Washington, 2000, p.5

¹⁶Bender Bryan. USA Takes Small Steps Towards Space Weapon. *Jane's Defence Weekly*, No.12, Vol.33, 22 March 2000, p.10

ПОЗИЦИЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ПО ПРОБЛЕМЕ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ

Дингли Шен

В последние годы проблема противоракетной обороны (ПРО) стала причиной ожесточенных международных дебатов. С одной стороны, США провозгласили своей целью создание ограниченной национальной ПРО (НПРО). С другой, эти планы Вашингтона вызвали серьезную критику со стороны многих государств. Часто говорят о том, что неконтролируемое развитие систем ПРО нарушит баланс сил и, таким образом, повлияет на политическую ситуацию в мире и международную безопасность.

Действительно, существуют обоснованные опасения по поводу распространения баллистических ракет и других средств доставки оружия массового уничтожения (ОМУ), что в сочетании с распространением ОМУ представляет серьезную угрозу международной безопасности и стабильности. Эта опасность проявилась наиболее ярко во время войны в Персидском заливе 1991 года, когда удар ракетами *Scud* по Саудовской Аравии и Израилю оказался очень эффективен с точки зрения психологического воздействия. После этого стали появляться сообщения об испытаниях ракет большей дальности в Южной и Северо-Восточной Азии¹. И хотя у этих стран могло быть достаточно оснований для создания ракет в целях обороны, подобная тенденция к распространению ракетного оружия не слишком позитивно скажется на глобальной и региональной стабильности.

Поэтому распространение баллистических ракет и вызывает опасения многих государств. Существует три возможных варианта нейтрализации этой угрозы. Во-первых, ликвидировать причины и основания, заставляющие некоторые страны создавать ракетные средства доставки. Для этого необходимо создать более безопасную международную среду, чтобы не было стимулов для обладания ракетным оружием.

Во-вторых, не допускать передачи ракетных технологий.

В-третьих, развернуть систему НПРО для предотвращения случайных или несанкционированных запусков или

намеренного удара баллистическими ракетами.

В этих условиях трудно считать совершенно необоснованной идею развития ограниченной НПРО, особенно для такой державы, как США, чье широкое военное присутствие и глобальные интересы способны спровоцировать нападение.

В действительности США никогда не отказывались от попыток создать различные системы ПРО. В 1967 году США начали реализацию программы *Sentinel* для защиты от баллистических ракет, дабы противостоять создаваемым ядерным силам Китая². В течение последних двух десятилетий администрация США постоянно стремилась к созданию ПРО. Президент Рональд Рейган предложил программу «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ), подразумевавшую создание многоуровневой системы ПРО наземного и космического базирования. Этим планам не суждено было сбыться. Администрация Буша трансформировала проекты *звездных войн* в концепцию глобальной системы защиты от ограниченных ударов. При президенте Билле Клинтоне США пошли еще дальше в развитии ПРО, разрабатывая элементы НПРО и ПРО театра военных действий (ТВД).

В данной работе рассматривается отношение Китая к режиму нераспространения ракетных технологий и анализируются китайские опасения по поводу планов НПРО. По нашему мнению, США и КНР должны с пониманием отнестись к опасениям друг друга и найти взаимоприемлемое решение проблем распространения ракетных технологий и НПРО.

Китай и режим нераспространения ракетных технологий

В последнее десятилетие Китай все больше подвергается угрозам, вызванным распространением ракетного оружия и ракетных технологий. Основные соседи Китая уже имеют либо значительный ракетный арсенал, либо обширную ракетную программу, либо быстро развивают свой ракетный

Научные Записки ПИР-Центра №15

потенциал в союзе с ядерной сверхдержавой. Таким образом, распространение ракет и ракетных технологий оказало серьезное влияние на ту международную среду, в которой находится Китай.

Следовательно, КНР пришлось предпринять ряд шагов для решения этой проблемы, в частности, присоединиться к международным усилиям по борьбе с распространением ракет и ракетных технологий. Китай стал более осторожен при передаче ракет, установил строгий и эффективный контроль над экспортом ракет и технологий. Пекин принял на себя обязательства по ракетному нераспространению и добросовестно их выполняет³.

В феврале 1992 года Китай согласился придерживаться принципов и параметров Режимы контроля за ракетной технологией (РКРТ)⁴. Между США и Китаем начался активный диалог по данной проблематике, который завершился подписанием в октябре 1996 года совместного заявления, в котором подтверждалась решимость Китая не экспортировать ракеты класса *земля–земля* с радиусом действия более 300 км и полезной нагрузкой более 500 кг⁵.

Хотя Китай не участвовал в работе по модификации положений РКРТ, он дал понять, что рассмотрит возможность присоединения к режиму. Это стало результатом американо-китайского саммита в Пекине 1998 года и отражало намерение обеих сторон к установлению отношений конструктивного партнерства. Понятно, что Китай обусловил свое участие в РКРТ прекращением поставок американских вооружений на Тайвань, в частности, выступив против развертывания на острове систем ПРО ТВД США.

Оба государства вели диалог по данной проблематике, пока их переговоры по нераспространению, контролю над вооружениями и международной безопасности не были трагически приостановлены бомбовым ударом НАТО по посольству КНР в Белграде в мае 1999 года. Переговоры возобновились в июле 2000 года после проведения сторонами предварительных консультаций в феврале.

НПРО и ее негативное влияние на безопасность России и Китая

17–18 марта 1999 года Конгресс США подавляющим большинством голосов одобрил закон о НПРО, в котором утверждается, что развертывание такой системы является политикой США⁶. Это решение вызвало широкий международный резонанс и отрицательные отклики со стороны всех других ядерных государств и даже союзников США по НАТО⁷.

Согласно планам США по созданию НПРО, Вашингтон должен развернуть 100 перехватчиков на Аляске на первом этапе. Учитывая, что перехват происходит в соотношении один к четырем, США удалось бы в случае реализации этого плана перехватить до 25 ракет, что было бы вполне достаточно для отражения якобы существующей угрозы со стороны *государств-парий*, вроде бы создающих баллистические ракеты большой дальности для нанесения удара по территории США. В ходе последующих этапов США должны развернуть также перехватчики в Северной Дакоте для обеспечения противоракетной обороны страны.

США ясно заявили о том, что планы НПРО не направлены против Китая. Тем не менее КНР смотрит на ситуацию иначе и по-прежнему с подозрением относится к намерениям США развернуть НПРО. С точки зрения Китая, совершенно непонятно, как США могут потратить 60–100 млрд долл. на систему, которая будет служить лишь для защиты от *государств-парий*.

У последних нет пока возможности нанесения по США удара баллистическими ракетами. За исключением пяти ядерных государств, лишь Израиль, Саудовская Аравия, Индия, Пакистан, КНДР и Иран, как считается, обладают ракетами средней дальности, которые могут преодолеть расстояния более 1000 км. Лишь четыре из них: Индия, Пакистан, КНДР и Иран – также реализуют программы создания ракет с дальностью более 3000 км⁸. Маловероятно, что какая-либо из этих стран сумеет создать межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) в течение ближайшего десятилетия. Согласно секретному докладу ЦРУ 1998 года, – «Годовой отчет Конгрессу о развитии ракетных технологий за рубежом» – реальная угроза ракетного удара с применением МБР по

Научные Записки ПИР-Центра №15

территории США со стороны так называемых государств-парий не возникнет ранее 2010 года, за исключением, пожалуй, КНДР⁹.

Только Россия и Китай обладают сегодня возможностями для нанесения ракетно-ядерного удара по США. Но в этом ведь нет ничего нового. И Россия, и США поддерживают свои ядерные арсеналы на уровне нескольких тысяч развернутых боеголовок. Ядерный потенциал этих двух государств приблизительно одинаков с точки зрения качественных и количественных параметров. Договор по ПРО, подписанный в 1972 году, предотвратил новую гонку стратегических вооружений между США и СССР.

Договор по ПРО разрешает США и СССР (в настоящее время России, как законному преемнику Советского Союза) развертывать ограниченные системы ПРО для защиты от случайных и несанкционированных запусков. Это способствовало укреплению стратегической стабильности по двум причинам. *Во-первых*, стороны имеют возможности для перехвата ограниченного ракетного удара в случае случайного или несанкционированного запуска.

Во-вторых, в случае масштабного ракетно-ядерного нападения и ответного удара обе стороны уверены в потенциале взаимного гарантированного уничтожения.

Таким образом, договору по ПРО удалось удержать две ядерные сверхдержавы от ускоренного наращивания их стратегических наступательных вооружений.

Тяжелое социально-экономическое положение России оказало большое влияние и на ее военный потенциал. Что касается стратегических наступательных и оборонительных вооружений, у России есть три серьезные проблемы.

Во-первых, значительная часть российских стратегических ядерных сил (СЯС) устаревает и подлежит выводу из боевого состава. Следовательно, России необходимы глубокие двусторонние сокращения ядерных вооружений совместно с США, но Москва отказывается платить за это модификацией договора по ПРО и не желает изменения баланса сил в пользу США.

Во-вторых, по договору СНВ-2 России придется избавиться от своих наземных МБР с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН). В ситуации, когда США заявляют о возможности выхода из договора по ПРО, РФ предстоит вновь задуматься о том, насколько разумно отказываться от РГЧ ИН.

В-третьих, постепенно приходит в упадок и российская система ПРО, разрешенная договором 1972 года. Спутниковая система раннего предупреждения уже не в состоянии обеспечить полное прикрытие¹⁰.

Мир, таким образом, стоит перед лицом двойной опасности. Россия не может должным образом осуществить ответно-встречный удар, поскольку она не имеет 100% возможностей для получения предупреждения о запуске. Отказ Москвы сокращать свой ядерный арсенал, когда она должна его сократить, также создает трудности для процесса ядерного разоружения. Тем не менее последнее является результатом действий США по наращиванию возможностей ПРО в нарушение договора 1972 года.

Следовательно, развертывание Соединенными Штатами НПРО отрицательно скажется на российско-американских отношениях. Это заставит Россию сомневаться в необходимости продолжения процесса ядерного разоружения и может вынудить Москву усилить свои наступательные возможности. Стремясь к модификации и даже выходу из договора по ПРО, США пытаются достичь собственной полной безопасности, независимо от того, какое негативное влияние это окажет на безопасность других государств.

По мнению Китая, развертывание Соединенными Штатами НПРО еще более ухудшит стратегические отношения между Пекином и Вашингтоном. Хотя Китай и не предоставляет открытой информации о своем ядерном потенциале, по мнению западных экспертов, Пекин располагает примерно 20 МБР CSS-4, имеющих дальность около 13 тыс. км и способных достичь территории США¹¹.

Опасения Китая по поводу создания американской НПРО в нарушение договора по ПРО неоднократно выражались китайской стороной по самым разным каналам¹². Китай особенно беспокоят два вопроса: *во-первых* – развертывание НПРО окажет негативное

Научные Записки ПИР-Центра №15

воздействие на систему международных отношений; и, *во-вторых*, НПРО подорвет китайские возможности стратегического сдерживания, уменьшая, таким образом, веру КНР в свою способность нанести ответный удар.

Ограниченной системы ПРО, разрешенной договором по ПРО, будет вполне достаточно для США, чтобы оградить себя от нападения со стороны любых государств, за исключением признанных членом *ядерного клуба*. Конечно, система ПРО лишь с одним районом развертывания, согласно договору по ПРО, не может уберечь всю территорию США от удара. Это один из факторов, который обеспечил уверенность России (и других ядерных государств) в том, что у них сохраняется надежный потенциал для сдерживания США. Теоретически, часть территории США, таким образом, оказывается под некоторой угрозой ракетного нападения со стороны государств-*парий*. Тем не менее, перспектива этого достаточно отдаленная. К тому же США обладают ядерным и конвенциональным арсеналом для сдерживания потенциальных противников от агрессии.

Также предлагаемая НПРО не может предотвратить российского масштабного ядерного удара, учитывая, что Москва обладает несколькими тысячами боеголовок на стратегических носителях. Следовательно, остается считать, что НПРО была разработана для эффективной нейтрализации потенциала стратегического сдерживания Китая.

Принимая во внимание количество МБР, которыми располагает Китай, можно говорить о том, что планы НПРО, требующие модификации договора по ПРО, в случае их успешной реализации подорвут стратегические возможности Китая по двум направлениям. С географической точки зрения, НПРО будет защищать всю территорию США от китайских сил сдерживания. С количественной точки зрения, даже развертывание перехватчиков в одном из районов будет достаточно для уничтожения всех китайских МБР¹³. Следовательно, под угрозу ставятся национальные интересы Китая.

Китай всегда придерживался концепции ядерного сдерживания США, что заставляло его развивать свой ядерный потенциал в ответ на модернизацию ядерных сил США. Именно

ядерные угрозы со стороны США в ряде случаев заставили Пекин начать реализацию своей ядерной программы¹⁴.

Хотя США обладают огромным ядерным арсеналом и наиболее мощными и современными обычными вооружениями, они по-прежнему оставляют за собой право первого удара в качестве элемента политики сдерживания. Теперь США хотят пересмотреть или даже отменить договор по ПРО, который дает ядерным государствам ощущение взаимной безопасности.

КНР имеет один из самых скромных ядерных арсеналов и наименее современные обычные вооружения по сравнению с другими ядерными государствами, но при этом Пекин продолжает придерживаться политики неприменения ядерного оружия первым и неприменения ядерного оружия против неядерных государств или стран-участниц соглашений о безъядерных зонах.

Таким образом, национальная безопасность Китая строится на положениях договора по ПРО. США могут создать и развернуть систему ПРО против баллистических ракет, как разрешено договором 1972 года, для того, чтобы получить определенное чувство защищенности от случайных и несанкционированных запусков. Необходимо принимать во внимание общие интересы безопасности всех ядерных государств. Когда США занимаются укреплением собственной безопасности в условиях распространения ракетных технологий, они должны думать и о том, чтобы не подорвать национальную безопасность других государств. Существует приемлемый для всех уровень развития ПРО, который могут достичь США, и он четко описан в договоре по ПРО.

Как преодолеть опасения Китая?

Некоторые силы в США спокойно относятся к тем отрицательным последствиям, которые принесет пересмотр договора по ПРО другим государствам. Согласно их теории, США должны прежде всего учитывать опасения российской стороны. Поскольку договор по ПРО является двусторонним, то нет никакой необходимости принимать во внимание озабоченность Китая.

США должны понимать, что договор по ПРО помогает поддерживать баланс сил между Россией и США и одновременно является

Научные Записки ПИР-Центра №15

краеугольным камнем международной безопасности. С этой точки зрения, безопасность Китая зависит от соблюдения договора по ПРО. КНР неоднократно выражала заинтересованность в придании договору многостороннего характера, надеялась увеличить число участников соглашения¹⁵. Это показывает желание Пекина сохранить договор по ПРО, поскольку многостороннее соглашение труднее поддается модификации. Присоединившись к договору по ПРО, Китай оказался бы в лучшем стратегическом положении для укрепления международной стабильности.

Если США настоятельно пытаются нанести ущерб национальным интересам России и других ядерных государств, трудно представить себе, как им удастся получить международную поддержку для своих инициатив в области нераспространения. Ярким примером является судьба договора о запрете производства расщепляющихся материалов (ЗПРМ). Если США нарушат договор по ПРО, то ядерным государствам вряд ли захочется расстаться с правом производить расщепляющиеся материалы для военных целей, особенно когда под угрозой окажется их потенциал сдерживания.

Следует также подчеркнуть, что есть возможности для преодоления НПРО¹⁶: низколетящие ракеты, воздушные шары, ложные цели, дипольные отражатели, РГЧ, противоспутниковые системы и т.д. Само собой разумеется, что если государство способно самостоятельно создать СЯС, то у него найдутся дешевые и эффективные способы для преодоления противоракетной обороны.

Иногда утверждают, что Китай представляет собой все возрастающую угрозу из-за своих планов модернизации ядерных сил. Наблюдая за развитием группировки МБР и морской компоненты сдерживания, вряд ли можно прийти к таким выводам. Наземные силы в составе пары десятков МБР и крайне небольшой по размерам ядерный арсенал, размещенный на подводных лодках, не идет ни в какое сравнение с возможностями США.

Китай намерен придерживаться своей политики неприменения ядерного оружия первым, поскольку это служит интересам КНР по поддержанию умеренной группировки. Тем не менее Китаю необходимо провести

модернизацию своих СЯС, как того требуют интересы обороны, поскольку другие государства занимаются тем же самым. Это особенно актуально в век высокоточного оружия. Наличие у Китая нескольких десятков МБР не может оправдать желания США пересмотреть или выйти из договора по ПРО. Напротив, китайская умеренная группировка СЯС и скромные планы модернизации служат еще одним свидетельством стремления обеспечить адекватную безопасность США, стабилизировать китайско-американские отношения и укрепить международную безопасность.

Итак, США вполне законно озабочены распространением ракетных технологий. Эти опасения разделяются и китайской стороной. Великие державы должны совместно с другими странами мира работать над решением этой международной проблемы и находить такие решения, которые способствовали бы укреплению глобальной стабильности и отвечали их национальным интересам. Если двигаться в направлении, предусмотренном договором по ПРО, то всего этого можно достичь. Все усилия в противоположном направлении будут контрпродуктивны.

¹Например, Индия провела испытания ракет *Агни* и *Притхви*, Пакистан несколько раз испытывал баллистические ракеты *Гхаури* в девяностые годы. КНДР, как полагают, разработала и испытала ракеты средней дальности *Нодон* и *Тэнодон*. Некоторые другие страны также работают над созданием баллистического ракетного оружия.

²Luttwak Edward N. Clinton's Missile Defense Goes Way Off Its Strategic Target. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 14 June 2000, p.2

³China's National Defence. Information Office of the State Council of the People's Republic of China, Beijing, July 1998

⁴РКРТ был создан в апреле 1987 года, а модифицирован в июле 1993 года (режим стал охватывать и ракеты-мишени, способные нести боеголовки с ОМУ).

⁵Joint United States-People's Republic of China Statement on Missile Proliferation. Washington, D.C., 4 October 1994

⁶Палата представителей предложила законопроект из одного предложения, которое и цитируется в тексте.

⁷Fitchett Joseph. Washington's Pursuit of Missile Defense Drives Wedge in NATO. *International Harold Tribune*, 15 February 2000, p.5

Научные Записки ПИР-Центра №15

⁸The Missile Threat: An Intelligence Assessment. Issue Brief (Carnegie Endowment for International Peace), 10 February 2000

⁹Cerniello Craig. CIA Holds to Assessment of Ballistic Missile Threat to US. *Arms Control Today*, October 1998, p.24

¹⁰Hoffman David. Russia's Missile Defense Eroding: Gaps in Early-Warning Satellite Coverage Raise Risk of Launch Error. *Washington Post*, 10 February 1999, p.A1

¹¹ЦРУ говорит о приблизительно 20 ракетах, см.: Cerniello Craig. CIA Holds to Assessment of Ballistic Missile Threat to US. *Arms Control Today*, October 1998, p.24; SIPRI Yearbook 1999: Armament, Disarmament and International Security. Oxford, Oxford University Press, 1999, p.555. По данным Международного института стратегических исследований, число ракет составляет 15–20 единиц, см.: The Military Balance 1999–2000, Oxford, Oxford University Press, 1999, p.186. Совет по защите естественных ресурсов говорит о четырех ракетах по состоянию на 1993 год, см.: Norris Robert S., Burrows Andrew S., Fieldhouse Richard W. Nuclear Weapons Databook Volume 4: Britain, French, and Chinese Nuclear Weapons, Boulder, Westview Press, 1994, p.11

¹²См., например: Zhukang Sha. International Disarmament on A Crossroad. *World Affairs*

(*Beijing*), February 2000, p.17; Gao Junmin, Lü Dehong. A Dangerous Move. *PLA Daily*, 24 January 1999, p.4

¹³Если предположить, что у Китая есть 20 МБР CSS-4, 100 перехватчиков, развернутых в одном районе будет достаточно для поражения их всех при соотношении один к четырем.

¹⁴См.: Shen Dingli. The Current Status of Chinese Nuclear Forces and Nuclear Policies. Princeton University/Centre for Energy and Environmental Studies Report No.247, February 1990; McGeorge Bundy. *Danger and Survival: Choices about the Bomb in the First Fifty Years*. New York, Random House, 1988

¹⁵См.: Luncheon speech of Ambassador Sha Zhukang at Seventh Carnegie International Non-Proliferation Conference: Repairing the Regime, 11-12 January 1999, Washington, D.C.

¹⁶См. описание в: Cirincione Joseph, von Hippel Frank. (Ed.). *The Last 15 Minutes: Ballistic Missile Defense in Perspective*. Washington, D.C, Coalition to Reduce Nuclear Danger, 1996; Countermeasures: A Technical Evaluation of the Operational Effectiveness of the Planned US National Missile Defense System (Union of Concerned Scientists and MIT Security Studies Program), April 2000.

Научные Записки ПИР-Центра №15

ПРО И ПРОЦЕСС КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

Чарльз Фергюсон¹

Джон Пайк

При рассмотрении вопроса о том, что же все-таки предпочтительней для укрепления безопасности – сокращение вооружений или противоракетная оборона, – следует учесть уроки истории, очевидно доказывающие, что сокращение вооружений ведет к большей безопасности, если приняты надлежащие меры по обеспечению управляемости конфликтов. Противоракетная оборона (ПРО), по крайней мере, на уровне национальной системы еще не доказала свою эффективность. И даже если удастся обеспечить с ее помощью защиту от любой угрозы ракетного нападения, существующей сегодня, такую систему все равно будет легко поразить и обойти с помощью развития наступательных вооружений в будущем. Договор по ПРО 1972 года придал этому правилу юридическую форму и содействовал тому, чтобы вопросы ПРО не мешали бы по-настоящему глубоким сокращениям стратегических наступательных вооружений.

За исключением Рональда Рейгана, выступившего со «Стратегической оборонной инициативой» (СОИ), президенты США редко предавались иллюзиям по поводу возможности эффективного обеспечения защиты с помощью ПРО от массированного удара баллистическими ракетами (БР). Лишь немногие из политиков всерьез выступают за СОИ или за оборонные программы наподобие *звездных войн*. Большинство же политиков и экспертов в США поддерживают создание и развертывание ограниченной системы ПРО страны. Они утверждают, что возможные угрозы ракетных ударов со стороны государств-парий, которых теперь называют государствами, вызывающими озабоченность, порождают новые вызовы безопасности, не существовавшие в период *холодной войны*. В частности, у США нет рычагов для сдерживания данных государств, и, что более важно, эти государства могут угрожать США. Вашингтон рассматривает систему национальной ПРО (НПРО) как средство для предотвращения такого развития событий. Двигаясь в направлении создания НПРО, США могут нанести себе еще больший ущерб, нарушив стратегический баланс с Россией и Китаем, что оказало бы негативное

воздействие на режим ядерного нераспространения. После краткого анализа ближайших перспектив мы перейдем к оценке ПРО и ее влиянию на отношения США с Россией и Китаем.

Решение о развертывании НПРО: краткосрочные перспективы

1 сентября 2000 года президент Билл Клинтон заявил о том, что он отложил решение о развертывании системы НПРО до прихода к власти следующей администрации. Администрация Клинтона многократно называла четыре критерия, установленных ей для принятия решения о развертывании НПРО. В одном из своих недавних выступлений Клинтон изложил их следующим образом: «[...] принятие мной решения о развертывании будет зависеть от четырех моментов: *во-первых*, характера угрозы; *во-вторых*, доступности и наличия технологии; *в-третьих*, расходов и, следовательно, соотношения стоимости ПРО и других средств обеспечения национальной безопасности; и *в-четвертых*, от тех последствий, которые такое решение может иметь на нашу национальную безопасность, включая наши отношения с ядерными союзниками, с союзниками в Европе, с Россией и Китаем (учитывая последствия, которые могут иметь ответные действия Китая в Южной Азии), с Индией и Пакистаном и т.д.»².

На наш взгляд, а также по мнению многих других экспертов, анализ вышеназванных критериев не свидетельствует о жесткой необходимости развертывания системы НПРО даже для новой администрации США. В настоящий момент наличие ракетной угрозы далеко не так очевидно. Предлагаемая система НПРО требует большего количества испытаний, причем проведенных в условиях приближенных к реальным, прежде, чем можно будет признать эффективность системы или хотя бы овладение технологией. Пока предполагаемые финансовые затраты значительно меньше тех, что в свое время требовались на СОИ, но смета расходов постоянно движется в сторону увеличения, что вообще характерно для создания сложных систем вооружения. Впрочем, критерий затрат

Научные Записки ПИР-Центра №15

остаётся наименее важным фактором. Наиболее же существенным является воздействие на процесс контроля над вооружениями и на международную безопасность. Планы администрации США создать ограниченную НПРО вызвали негативную реакцию большей части мирового сообщества. Как видно из выступления Билла Клинтона, он четко представляет себе возможность *эффекта бумеранга*: влияние планов в области НПРО на развитие стратегических отношений с Россией, Китаем, Индией, Пакистаном и многими другими странами. Этот вопрос должен быть более тщательно проработан до того, как решение о развертывании будет принято.

При том, что нет достаточных оснований для создания НПРО, а выдвинутые критерии фактически не соответствуют реальному положению вещей, движущей силой в дискуссии по ПРО продолжает оставаться политическая борьба, как это было в течение последних 40 лет в ходе почти каждой избирательной кампании. Как показывают многочисленные опросы общественного мнения, проблемы ПРО почти не волнуют большинство американцев. Несмотря на это, президент Билл Клинтон и вице-президент Альберт Гор, являющийся кандидатом от Демократической партии, по-видимому, верят, что они должны выразить хоть какую-то поддержку НПРО, чтобы их позиция по вопросам обороны не выглядела недостаточно жесткой.

До сентябрьского заявления Билл Клинтон имел несколько вариантов дальнейших действий: *во-первых*, решить, что США готовы к развертыванию предлагаемой системы НПРО, несмотря на провал двух из трех испытаний перехватчиков, и заключить договоры с военно-промышленным комплексом (ВПК) на начало строительных работ весной 2001 года на Аляске; *во-вторых*, решить, что США не готовы к развертыванию НПРО в ближайшее время, но по-прежнему продолжать финансировать испытания и создание НПРО, *заморозив* вопрос о начале строительных работ; *в-третьих*, решить, что США не готовы к развертыванию НПРО в ближайшее время, но, тем не менее, разместить заказы на строительство с расчетом, что к 2005 году создание системы будет завершено. Хотя многие эксперты предсказывали, что Билл Клинтон предпочтет третий вариант, дабы продемонстрировать

свою поддержку планам развертывания НПРО и одновременно признать негативные моменты, возникающие при реализации данных планов (например, отсутствие соглашения с Россией), а также большие трудности с созданием эффективной системы, президент сосредоточился на технических проблемах, возникших в последнее время. Таким образом, Билл Клинтон фактически выбрал второй вариант, подчеркнув, что краткая задержка с решением скажется на темпах создания НПРО не больше, чем имеющиеся технические сложности. Реализация программы создания первой ступени ракеты-перехватчика уже почти на год отстает от установленных сроков, таким образом, задерживая скорейшее начало функционирования системы до 2006–2007 года.

По мнению сторонников НПРО, полагающих, что технические проблемы могут быть преодолены, было бы достаточно средств и желания, главным препятствием для создания национальной системы ПРО является договор по ПРО от 1972 года. Президент Билл Клинтон и другие официальные лица американской администрации неоднократно повторяли, что договор по ПРО является «краеугольным камнем режима контроля над вооружениями» и США намерены сохранить его. Для этого они стремились заполучить согласие России на модификацию соглашения, – а такого согласия пока не предвидится. В то же время лидеры республиканцев, особенно их кандидат в президенты Джордж Буш-младший, не раз заявляли о своей решимости выйти из договора, если Россия не согласится на внесение в него необходимых изменений.

Наиболее острым вопросом, касающимся договора по ПРО, являлась необходимость выяснить, насколько ему соответствует или не соответствует предлагаемое начало строительных работ в Шемия на Аляске весной 2001 года (которое теперь отложено по меньшей мере на год по решению Билла Клинтона). Если эти работы рассматривать как нарушение договора, то США должны были бы уведомить Россию о своем выходе из договора за шесть месяцев (допустим, в ноябре 2000 года), если только Москва не согласилась бы на модификацию соглашения или не примирилась бы с тем, чтобы не трактовать начало строительства как нарушение договора. В начале 2000 года некоторые чиновники администрации

Научные Записки ПИР-Центра №15

Клинтона говорили о том, что даже начальный этап строительства – например, расчистка тундры – уже будет нарушением договора. Тем не менее недавно команда юристов Белого дома решила, что подобные предварительные действия не обязательно должны интерпретироваться, как нарушение соглашения. США, возможно, рассчитывали на большую заинтересованность России в договоре по ПРО для того, чтобы заставить ее согласиться на такую широкую трактовку. Однако с учетом решения Билла Клинтона Россия и США имеют больше времени для обсуждения последствий такой интерпретации. Хотя этот вопрос и не требует немедленного решения из-за отсрочки с развертыванием, обе стороны могут серьезно *застраять* на нем через год, если не придут к компромиссу.

Недавнее заявление Билла Клинтона по НПРО, включая решение о замораживании строительства, стало наилучшим выходом, на который могли бы надеяться противники НПРО в сегодняшней политической обстановке. Слишком уж напряженная дискуссия идет по ПРО, и поэтому полный отказ от планов ее развертывания практически не реален в обозримом будущем. При наиболее оптимистичном сценарии противники ПРО могут прибегнуть к тактике затягивания процесса. В отличие от восьмидесятых годов, когда Конгресс был настроен резко против планов СОИ, в сегодняшнем Конгрессе оппозиция программе либо слаба, либо вообще отсутствует, а потому имеет небольшое влияние даже на гораздо менее масштабные, чем СОИ, планы создания НПРО.

Оба кандидата в президенты не раз выражали свою поддержку НПРО. В то время, как Альберт Гор хочет действовать осторожно и не разрушать договор по ПРО, Джордж Буш-младший выступает за более масштабную программу, заявляя о том, что не позволит России диктовать Америке свои условия относительно планов развертывания НПРО.

Предполагая, что США в конце концов начнут развертывание в какой-либо форме системы НПРО, мы хотели бы оценить воздействие такого решения на процесс контроля над вооружениями и международную безопасность³. Мы не можем предугадать международную реакцию на такого рода

решения, но в состоянии рассмотреть возможный ответ России и Китая.

Контроль над вооружениями и ПРО: вопрос совместимости

Можно ли сочетать процесс контроля над вооружениями с ограниченной системой НПРО? Ответ на этот вопрос зависит от того, кому он задан. Не так давно министр обороны США Уильям Коэн высказал свое мнение, выступая перед Конгрессом, и ответил на такой вопрос утвердительно. Он заявил: «Мы признаем, что наши решения по системе НПРО оказывают потенциальное влияние на другие аспекты международной безопасности: на наши отношения с союзниками, Россией и Китаем, а также на процесс контроля над вооружениями. Мы не хотим, чтобы в процессе предотвращения таких ограниченных, хотя и серьезных угроз со стороны стран, наподобие Северной Кореи или Ирана, создавались новые проблемы с Россией и другими государствами, которых мы могли бы избежать. Мы также уделяем очень большое внимание сохранению и даже ужесточению контроля над вооружениями для укрепления стратегической стабильности и противодействия распространению опасных вооружений и технологий. С этой целью президент Клинтон и его администрация привержены как делу защиты американского народа от ограниченных угроз ракетного нападения, так и сохранению договора по ПРО – краеугольного камня стратегической стабильности и ключевого элемента наших отношений с Россией. Оценка последствий, которые будет иметь наша программа ПРО для вышеназванных более широких интересов национальной безопасности, будет одним из факторов, определяющим мои собственные рекомендации президенту и, конечно, предложения других его советников по национальной безопасности. Нет никаких причин для того, чтобы ставить нас и мир в целом перед выбором между защитой нашего населения от возникающих угроз ограниченного ракетного удара со стороны государств-парий, с одной стороны, и между сохранением контроля над вооружениями, с другой»⁴.

В отличие от Уильяма Коэна, многие критики планов НПРО, включая многочисленных глав государств, заявляли о том, что режим нераспространения и контроля над вооружениями окажется под серьезной угрозой, если США развернут систему ПРО

Научные Записки ПИР-Центра №15

территории страны. Ответ на этот вопрос требует понимания задач контроля над вооружениями и ПРО.

В идеале контроль над вооружениями и ПРО должны стремиться к одному и тому же результату, то есть к большей безопасности. И то, и другое должно способствовать созданию такой международной обстановки в области безопасности, которая приводила бы к управляемости конфликтов. Другими словами, оба режима должны содействовать уменьшению вероятности возникновения войны. Если конфликт все же начинается, то эти механизмы должны привести к минимизации ущерба от военных действий. Развитие контроля над вооружениями и ПРО только ради самих этих процессов, своего рода *искусство ради искусства*, привело бы к распылению политических ресурсов (и финансовых средств, как в случае с ПРО) и лишь еще более ослабило бы систему безопасности.

Урок, полученный в годы *холодной войны*, по-прежнему применим и сегодня. А именно: несовершенные системы обороны могут увеличить вероятность войны, создавая больше стимулов для сторон к нанесению первого удара⁵. В условиях кризиса сторона, не обладающая системой обороны, будет опасаться того, что ее ресурсы сдерживания могут оказаться под угрозой. Ведь противник, обладающий такой системой, мог бы, в зависимости от ее эффективности и масштабов, нанести первый удар, дабы уничтожить как можно больше сил и средств, а затем отразить полностью или частично ответный удар, используя оборонительные возможности. Чтобы обеспечить жизнеспособность своей группировки, сторона, не имеющая ПРО, будет стремиться держать свои силы в постоянной боевой готовности и применить их при получении предупреждения о нападении. А это уже палка о двух концах: обладатель оборонительной системы будет знать о том, что противник постоянно настороже, а его собственная система защиты несовершенна, и поэтому примет такую же линию поведения. Стремясь сохранить свои группировки в ответ на создание оборонительных систем, обе стороны лишь увеличат угрозу возникновения войны.

Аналогичные расчеты принимаются во внимание и если отсутствует совершенная система обороны. Каждая из сторон не может

полагаться на свою систему в качестве абсолютного средства защиты, а потому боится, что противник может попытаться нанести первый удар в условиях кризиса. Следовательно, оба игрока будут держать свои силы в состоянии высокой боевой готовности. Как и в вышеизложенном случае, возникнет настойчивое желание укрепить наступательный арсенал, например, наращивать группировку, использовать меры противодействия для преодоления обороны противника, создавать разделяющиеся головные части (РГЧ), что в итоге приведет к новой гонке наступательных и оборонительных вооружений.

Человеку никогда не удавалось создать идеальную оборону. Тем не менее на протяжении всей истории человечества люди предпринимали попытки создать *непроницаемую* оборону. Рука об руку с этими безрассудными попытками шло развитие эффективных средств преодоления обороны. Например, во время Второй мировой войны немецкая армия просто обошла линию Мажино. Мы считаем, что такое положение сохранится и в дальнейшем, особенно в такой сложной области, как ПРО.

Разумеется, не только система обороны стимулирует угрозу первого удара или случайной войны. Несмотря на окончание *холодной войны*, ядерные силы России и США остаются в состоянии высокой боевой готовности и при отсутствии НПРО. Бюрократическая инертность, анахронизм в ядерном планировании, характеристики вооружений в сочетании с другими факторами способствуют поддержанию арсеналов в состоянии высокой боеготовности.

Сторонники планов развертывания НПРО утверждают, что США переживают новую эру, когда традиционные средства сдерживания неэффективны против *государств, вызывающих опасения* (до последнего времени называвшихся государствами-париями). Хотя подробное обсуждение данных аспектов ПРО находится за пределами данного исследования⁶, мы должны заметить, что проблемы с обеспечением сдерживания возникли не из-за невозможности достичь сдерживания, а из-за слабых попыток его обеспечить. Более того, опасения США касаются не столько невозможности сдерживать вышеназванные государства, сколько вероятных угроз со стороны этих стран, что,

Научные Записки ПИР-Центра №15

таким образом, дает американским военным полную свободу действий.

Договор по ПРО после окончания *холодной войны*

Россия и Китай неоднократно высказывались в поддержку строгого соблюдения договора по ПРО. В совместном заявлении от 18 июля главы двух государств – президент России Владимир Путин и председатель КНР Цзян Цзэминь – подчеркнули, что «Договор об ограничении систем противоракетной обороны 1972 года остается краеугольным камнем глобальной стратегической стабильности и международной безопасности, лежит в основе структуры ключевых международных договоренностей о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений и нераспространения оружия массового уничтожения. Сохранение и строгое соблюдение договора по ПРО имеют крайне важное значение». Ранее обе стороны использовали наиболее авторитетный международный форум и совместно с Белоруссией стали инициаторами резолюции ООН, принятой Первым комитетом ООН по разоружению и безопасности в 1999 году. Резолюция, утвержденная при том, что США проголосовали против, призывает к последовательным усилиям по укреплению договора и сохранению его целостности и действенности в качестве краеугольного камня глобальной стратегической стабильности и международного мира, содействующего дальнейшему сокращению стратегических ядерных вооружений⁸.

Несмотря на окончание *холодной войны*, распад СССР, малую вероятность массированного обмена ядерными ударами с Россией, важность договора по ПРО сохраняется, что отражают цитированные выше заявления. Хотя некоторые сторонники НПРО и говорили⁹ о том, что Россия якобы не является участником договора по ПРО, поскольку Советского Союза больше не существует, а Меморандум о договоренности от 26 сентября 1997 года¹⁰ не был ратифицирован или даже представлен Сенату США, факт остается фактом: Россия унаследовала ядерный арсенал бывшего СССР, и США не могут отрицать, что Россия по-прежнему опирается на сотни баллистических ракет с ядерными боеголовками в качестве средства стратегического сдерживания. Нельзя

отрицать, что Китай не является участником договора по ПРО; но все же его ядерное планирование частично основано и на предсказуемости, которую дает договор.

В 1972 году договор по ПРО вместе с ОСВ-1 положил начало эре переговоров по контролю над вооружениями между двумя сверхдержавами и установил стратегическое равенство сторон. В то время, как геополитическое равенство между Москвой и Вашингтоном исчезло вместе с окончанием *холодной войны*, приблизительное равенство их ядерных арсеналов по-прежнему существует и влияет на отношения между двумя государствами. Снижение напряженности в отношениях между Россией и США после окончания *холодной войны* должно было бы привести к соответствующему смягчению прежних позиций, касающихся жесткой увязки наступательных и оборонительных вооружений и уже упоминавшегося цикла реакций *нападение–оборона*, который контролировался договором по ПРО. Однако договор по ПРО по-прежнему обеспечивает участие США и РФ в процессе контроля над вооружениями и способствует совместным мерам по уменьшению угрозы. Кроме того, договор является одним из ключевых индикаторов статуса России в мире, крайне важного для Москвы.

Развертывание американской системы НПРО коренным образом изменило бы главную посылку договора по ПРО – предотвращение создания национальной системы обороны против стратегических баллистических ракет. Администрация же США пытается представить дело так, что ограниченный характер предлагаемой ей системы ПРО не нарушит стратегического баланса между США и Россией. Она заявляет, что Россия может поразить ограниченную систему НПРО даже с 200 перехватчиков, если РФ сумеет поддерживать в боевой готовности около 1000 боеголовок¹¹.

Начальный этап развертывания НПРО, включающей от 20 до 100 ракет-перехватчиков, потребует, по крайней мере, следующих изменений в тексте договора по ПРО.

Во-первых, отказ от запрета на создание ПРО страны, содержащегося в статье 1.

Научные Записки ПИР-Центра №15

Во-вторых, пересмотр ограничений статьи 3, касающихся разрешенных районов развертывания, чтобы можно было разместить перехватчики на Аляске вместо Северной Дакоты, которая станет вторым районом размещения системы НПРО.

В-третьих, пересмотр статьи 3 для разрешения развертывания крупных радиолокационных станций (РЛС) ПРО с фазированной решеткой на Аляске. Согласно статье 3, такие радары могут быть размещены только вместе с перехватчиками.

В-четвертых, отказ от запрета статьи 9 на развертывание элементов ПРО страны в других государствах. Сегодняшние планы НПРО подразумевают развертывание РЛС ПРО в Туле (Гренландия, территория Дании) и Файлингдейлз (Великобритания). И в Дании, и в Великобритании видные политические деятели высказали озабоченность относительно использования этих станций для целей американской системы НПРО. Эти опасения связаны с тем, что подобные мероприятия укрепят американские *бастии*, но оставят Европу без какой-либо защиты.

В-пятых, отмена запрета статьи 5 на космические системы ПРО или их компоненты, а также связанного с этим запрета статьи 6 на придание нестратегическим системам ПРО возможностей противодействия стратегическим баллистическим ракетам или их компонентам в полете. Эти запреты касаются различных компонентов предлагаемой сети спутников космической системы инфракрасного излучения (SBIRS).

Дальнейшие этапы развертывания НПРО потребовали бы последующих изменений в договоре. Россия озабочена возникновением у США дополнительного потенциала. В частности, Москва опасается, что с появлением первоначальной системы НПРО США могут увеличить количество перехватчиков, и проконтролировать этот процесс будет невозможно.

Хотя были некоторые намеки на то, что Россия рассмотрит возможность изменения договора, РФ пока исключает какую-либо модификацию и не демонстрирует готовности к переговорам с США. Таким же образом заблокированы и переговоры России и США по СНВ-3. Россия хочет снизить уровень

ядерных арсеналов до 1500 боеголовок или менее, в то время, как США придерживаются Хельсинских соглашений 1997 года, установивших потолок в 2000–2500 единиц. В мае 2000 года Объединенный комитет начальников штабов предоставил доклад Конгрессу, согласно которому более глубокие сокращения возможны, но это потребует дополнительного анализа последствий. Учитывая, что срок пребывания у власти президента Билла Клинтона заканчивается, вряд ли можно рассчитывать на то, что будет дано распоряжение о проведении такого анализа. Тем не менее, когда новая администрация придет в Белый дом, ей потребуется подготовить и представить планы в области обороны на четыре года, которые могли бы включить в себя и переоценку принципов нацеливания.

К СНВ-3 трудно будет перейти, пока не решится вопрос с СНВ-2. Хотя Россия и ратифицировала этот договор в апреле 2000 года, Дума связала выполнение договора СНВ-2 с приверженностью договору по ПРО. Поскольку многие лидеры республиканцев в Сенате ставят под сомнение сам по себе договор по ПРО и выступают против поправок 1997 года, касающихся разграничения стратегических ПРО и ПРО театра военных действий (ТВД), а также содержащих список государств-преемников договора, этот пакет изменений не будет ратифицирован, по крайней мере, до тех пор, пока республиканцы контролируют Сенат. Таким образом, процесс реализации СНВ-2 будет затянут, если непримиримая позиция сенаторов приведет к невыполнению условий договора по ПРО. Некоторые аналитики предложили обойти выполнение СНВ-2 и перейти сразу к СНВ-3. В то время, как такой маневр привел бы к более глубоким сокращениям, он вряд ли возможен до тех пор, пока вопрос с поправками к договору по ПРО и с меморандумом не решится.

Более глубокие сокращения американского и российского ядерных арсеналов маловероятны, если США начнут развертывание системы НПРО. Предложения по снижению числа стратегических боеголовок до 1500 и менее единиц вызвало бы тогда жесткое сопротивление. Лица, ответственные за военное планирование в России, несомненно, пришли бы к рассмотрению наихудших сценариев с учетом развертывания американской НПРО. Они бы

Научные Записки ПИР-Центра №15

решили, что при определенном уровне ниже 1500 боеголовок, 250 американских перехватчиков (заключительная третья стадии развертывания системы НПРО) могли бы заметно снизить российские возможности по нанесению ответного удара. Несмотря на то, что планета умиротворена заявлением ядерных государств об их строгой приверженности недвусмысленному обязательству «осуществить полную ликвидацию своих ядерных арсеналов»¹², сделанному в заключительном документе Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия 2000 года, подобные громкие слова о хороших намерениях никогда не станут делами до тех пор, пока существуют такие сложные проблемы безопасности, как ПРО.

Российская реакция на планы НПРО

На первой встрече в верхах президентов Владимира Путина и Билла Клинтона в начале июня 2000 года, по словам американского президента, были достигнуты неоднозначные результаты. Оба лидера согласились, что ракетная угроза существует, но Владимир Путин не согласился с необходимостью модификации договора по ПРО, как этого хотел Билл Клинтон. Спустя несколько недель г-н Клинтон охарактеризовал встречу следующим образом: «Все говорили о том, как нам не удалось достичь соглашения, мне и господину Путину, когда я был в России. И это абсолютно правильно. Но мы получили от этого саммита документ, который, я думаю, очень важен, поскольку русские признали, что на горизонте появились новые и разнообразные угрозы безопасности. А значит, очень вероятно, что через несколько лет страны, не являющиеся участниками режимов по контролю над вооружениями последние 30 лет, смогут создать возможности для разработки и запуска ракет дальнего радиуса действия и производства ОМУ для оснащения боеголовок. И ни одна из них не будет охвачена в значительной мере структурой взаимного сдерживания, которая заложена в договоре по ПРО и других соглашениях, которые принимались после него»¹³.

Вскоре после саммита Владимир Путин начал крупномасштабную дипломатическую кампанию по убеждению европейских лидеров в предпочтительности совместной ПРО малого радиуса действия американским планам. Точная форма этого предложения остается неясной, но, по-видимому, оно может

включать создание системы перехвата ракет на активном участке полета, то есть ликвидацию ракеты до отделения боеголовки, когда перехватчику проще поразить цель. Ответ США был сдержанным. Уильям Коэн заявил, что предложение стоит рассмотреть, когда станут известны подробности, но, по его словам, оно могло бы стать лишь дополнением, а не заменой для планов США по развертыванию НПРО.

Наиболее многообещающим событием, способным свести на нет главные аргументы в пользу ПРО, стала встреча 19 июля 2000 года президентов Владимира Путина и Ким Чен Ира, которые предложили прекратить баллистическую ракетную программу КНДР в обмен на помощь в запуске северокорейских спутников и в осуществлении других проектов в области мирного освоения космоса. Эта инициатива напоминает предложение *ракеты в обмен на мир*, выдвинутое впервые Федерацией американских ученых в начале девяностых годов. Согласно ему, развитие мирного сотрудничества в космосе шло бы в обмен на прекращение ракетных программ¹⁴. На практике этот подход существенно ограничил бы передачу российских ракетных технологий другим странам и мог бы развеять опасения относительно ракетной программы Северной Кореи.

Вдобавок к возможным преимуществам, которые дает сотрудничество в области ПРО с США и помощь космической программе Северной Кореи, российские официальные лица выдвинули и ряд угроз на случай развертывания НПРО. Например, 22 июня 2000 года главком Ракетных войск стратегического назначения Владимир Яковлев заявил, что Россия может выйти из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) от 1987 года, согласно которому Россия и США ликвидировали ракеты средней и меньшей дальности¹⁵. Модифицированные ракеты средней дальности *Пионер* с РГЧ могли бы быть запущены в производство. Эти ракеты могли бы быть нацелены на европейских союзников США, чтобы оказать на Вашингтон косвенное давление. Другая угроза – установить РГЧ на новейшую российскую межконтинентальную баллистическую ракету (МБР) – *Тополь-М* – и использовать технологию устаревающей трехступенчатой ракеты *Тополь* для производства новых двухступенчатых ракет средней дальности с

Научные Записки ПИР-Центра №15

РГЧ¹⁶. 24 июля 2000 года норвежская пресса сообщила о том, что Россия нацелила ядерные ракеты против РЛС в Вардо, которая якобы должна стать частью американской НПРО¹⁷. РЛС находится в 25 км от российской границы. Начальник управления военного сотрудничества министерства обороны РФ Леонид Ивашов предупредил, что Россия может принять и некоторые другие меры¹⁸. Более того, Россия может и дальше продлевать сроки эксплуатации своего устаревающего ядерного арсенала.

Российско-китайский гамбит: ось Москва–Пекин?

Потенциальный союз между Россией и Китаем вызвал тревогу у многих американских экспертов, особенно консервативно настроенных¹⁹. Хотя Москва и Пекин еще, наверное, далеки от создания прочного оборонительного союза, они высказали свое отношение к американским планам НПРО. 18 июля 2000 года главы обоих государств заявили: «Сущность такого плана заключается в стремлении к одностороннему превосходству в военной сфере и вопросах безопасности. Реализация такого плана имела бы самые серьезные негативные последствия для безопасности не только России, Китая, других государств, но и для безопасности самих США, для глобальной стратегической стабильности [...] Поэтому Россия и Китай решительно выступают против такого плана»²⁰. Высокопоставленный китайский чиновник попытался приуменьшить скрытую угрозу в отношении США, охарактеризовав российско-китайское партнерство, как «основывающееся на принципах неприсоединения, неконфронтационное и не угрожающее третьим странам»²¹.

Этот последний раунд встреч Владимира Путина и Цзян Цзэминя следует в русле прежних восьми встреч между председателем КНР и бывшим президентом России Борисом Ельциным, в ходе которых лидеры пытались установить отношения стратегического партнерства при поддержке принципа многополярности. Хотя такого рода партнерство вряд ли может сравниться со стратегическим союзом, в котором оба государства обеспечивали бы оборону друг друга, оно способствовало установлению тесных отношений между двумя государствами, которые не ограничивались лишь критикой американского доминирования в целом и американских планов НПРО в

частности. Например, Россия увеличила поставки вооружений Китаю за последние 10 лет и активно содействует развитию торговли с этой страной. Поставки вооружений могут служить своего рода противовесом американскому военному влиянию в Восточной Азии. Подобная военная помощь могла бы усилить Китай в противостоянии с Тайванем. Тем не менее российское политическое влияние в процессе противодействия возможному увеличению американской военной помощи Тайваню менее сильно, чем бы это хотелось Пекину. Последние события в области торговли, в частности предложение России о продаже двух ядерных реакторов Китаю, может больше сблизить два государства как торговых партнеров, но не может привести к более тесным военным связям. В то же время сотрудничество в области вооружений и безопасности может развиваться, в принципе, и в рамках соглашения о борьбе с этническим сепаратизмом и терроризмом в Центральной Азии²². Китайско-российское стратегическое партнерство могло бы привести к дальнейшему дипломатическому и политическому сотрудничеству для сдерживания США. Например, Китай и Россия могли бы создать альянс для голосования в Совете безопасности ООН против выдвигаемых США резолюций. Они могли бы также использовать этот тип давления и в рамках других организаций по безопасности.

Китай осуждает гегемонию США и планы НПРО

Китай выражает недовольство не только планами НПРО. Этот вопрос является лишь симптомом наличия более серьезных опасений. Хотя политические заявления китайского руководства не такие жесткие, как во времена Мао, отношение современных лидеров Китая к США базируется (с некоторой долей упрощения) на представлении, что Вашингтон стремится к односторонним действиям и вмешательству во внутренние дела других стран. В качестве примера можно привести речь Цзян Цзэминя, осуждающую бомбардировки США китайского посольства в Югославии: «Опираясь на свою экономическую, научную, технологическую и военную мощь, США продолжают исповедовать принцип гегемонии и политики с позиции силы и бесцеремонно вмешиваются во внутренние дела других стран. Это лишь повышает настороженность все большего числа государств и народов»²³. В

Научные Записки ПИР-Центра №15

то же время американское руководство считает, что миру, как никогда, нужно сегодня лидерство США. Опять же с некоторой долей упрощения можно сказать, что американские лидеры воспринимают США как силу, направленную на большее благо для всего мира, нежели как гегемонию.

Возвращаясь к существующим явным опасениям относительно НПРО, следует отметить мнение Китая, который считает, что большинство республиканцев (хотя советник Джорджа Буша по внешней политике Кондолиза Райс занимает более осторожную позицию) стремятся направить планы НПРО против Китая, а план администрации Клинтона прямо создан против китайских стратегических ядерных сил, несмотря на заявления администрации о том, что предложения по НПРО не направлены против Китая.

Американские планы в области НПРО возникли вместе с китайскими военными планами модернизации ядерных сил. Китай, естественно, примет во внимание влияние НПРО на свои ресурсы сдерживания. В настоящее время Китай имеет приблизительно 400 ядерных боеголовок и около 20 МБР, которые могут поразить США²⁴. Китайское руководство провело расчеты и осознало, что система НПРО, если она заработает, как планировалось, сведет на нет минимальные возможности сдерживания, которыми обладает Китай. Администрация Клинтона оказала Владимиру Путину услугу, проведя эти несложные расчеты и изложив их в январе 2000 года российской делегации. В этом документе говорилось: «Первая фаза развертывания будет ограничена 100 перехватчиками. Наконец, когда появится второй район развертывания, число перехватчиков достигнет около 200. Этого будет достаточно, чтобы сбить несколько десятков боеголовок, оборудованных современными средствами для прорыва обороны, но не хватит для противодействия более масштабному ответному удару российской стороны»²⁵. Опасаясь такого развития событий, китайское руководство, возможно, более склонно игнорировать недавние заявления администрации Клинтона о том, что НПРО не предназначена против Китая.

Китай мог бы ответить на планы НПРО комбинацией из военных и дипломатических

инициатив. Хотя китайские лидеры еще не определились с четким ответом, они практически не оставили сомнений в том, что сделают все необходимое для обеспечения безопасности страны. По словам генерального директора департамента контроля над вооружениями и разоружения китайского МИДа Ша Зуканга, ПРО «вместо того, чтобы укреплять Вашу безопасность, лишь еще больше усложнит Вашу политику в области безопасности. США будут играть роль пожарного, перебегающего от одного места к другому для тушения пожара [...] Еще рано говорить о том, что мы сделаем. Все, что я могу сказать, это то, что Китай сделает все возможное для обеспечения своей безопасности, и меры, которые он предпримет, будут соизмеримы с успехами национальной ПРО»²⁶.

Пекину еще предстоит сформулировать свой военный ответ на развертывание НПРО, хотя Китай, разумеется, способен увеличить свой арсенал. Планы модернизации ядерного арсенала КНР не так давно привлекли внимание Вашингтона. По данным доклада, подготовленного американским разведывательным сообществом, часть которого была представлена в августе 2000 года, США предвидит, что Китай может решить развернуть до 200 боеголовок на МБР к 2015 году²⁷. В мае 1999 года в докладе Кокса говорилось о том, что китайский шпионаж в США приведет к созданию более технологичного и крупного арсенала. В последнее время сторонники НПРО и некоторые высокопоставленные чиновники администрации попытались приуменьшить влияние НПРО на планы ядерной модернизации КНР. Они утверждают, что Китай продолжит модернизацию ядерных сил, независимо от вопроса НПРО. Тем не менее они намеренно не различают исторически медленные темпы модернизации, которая продолжается уже более 30 лет и ускоренные темпы, которые могут стать реакцией на НПРО. Они также игнорируют варианты модернизации, которые может выбрать Китай. КНР находится в процессе замены своих устаревающих ракет на жидком топливе, развернутых в шахтных пусковых установках, которым нужно несколько часов для приведения в боевую готовность, на новые твердотопливные мобильные ракеты, которым не понадобится столько времени для подготовки к запуску. Поскольку новые ракетные силы кажутся более грозными, это

Научные Записки ПИР-Центра №15

может значительно повысить живучесть китайской компоненты сдерживания, обеспечив управляемость конфликта.

В ответ на НПРО Китай может решить увеличить число развернутых боеголовок либо через производство большего количества моноблочных ракет, либо через создание и развертывание РГЧ и других средств для проникновения сквозь систему ПРО. Хотя КНР, являющаяся развивающимся государством, вероятно, не захочет тратить большие средства на укрепление своего ядерного арсенала, при необходимости она может это сделать. Как отметил Ша Зуканг, «для поражения вашей обороны нам придется потратить много денег, и нам этого не хочется делать. Но в противном случае США будут чувствовать, что они могут напасть на кого угодно и в любое время, что неприемлемо [...] Мы надеемся, что США отбросит эту идею. Если нет, мы будем наготове»²⁸. Создание 200 МБР обойдется примерно в два миллиарда долларов, займет несколько лет и на это уйдет не более двух процентов имеющихся валютных резервов Китая²⁹.

Помимо возможного наращивания ядерного арсенала, Китай увязал ПРО с другими вопросами контроля над вооружениями и нераспространения. На Конференции по разоружению ООН Китай уже заблокировал переговоры по запрещению производства расщепляющихся материалов (ЗПРМ). Вместо этого Китай хочет, чтобы конференция сосредоточилась на предотвращении гонки вооружений в открытом космосе. Это стремление Китая идет дальше простых планов по предотвращению развертывания ПРО в космосе. Являясь новым участником рынка космических разработок, Китай хочет защитить свои экономические интересы в этой области. Возможно, Китай проявит большее желание пойти на компромисс по ограниченной НПРО в обмен на поддержку США его планов по ограничению гонки вооружений в космосе.

Наконец, вопрос, в котором Китай не идет пока на уступки – это статус Тайваня, который КНР рассматривает в качестве своей отколовшейся провинции. Китай недавно уговорил Россию сделать заявление, осуждающее американскую помощь и поставки современных систем ПРО ТВД на Тайвань. Китай озабочен современными системами ПРО ТВД, которые могут нанести

ущерб ракетным комплексам КНР, вооруженным обычными боеголовками и направленным против Тайваня. Однако главным предметом озабоченности Пекина является тот факт, что эта помощь может способствовать укреплению военных связей между США и Тайванем, препятствуя китайским усилиям по воссоединению с *мятежным* островом.

Заключение

Хотя российский и китайский ответ на американские планы развертывания системы НПРО пока еще до конца не ясен, эти государства четко дали понять, что они выступают против таких планов. Если НПРО будет действительно ограниченной, Россия может согласиться на некоторые поправки к договору по ПРО или будет трактовать его более гибко в обмен на более низкие уровни ядерного арсенала в рамках СНВ-3 в связке с другой возможной американской помощью. Если НПРО станет масштабной оборонительной системой, то Россия сделает все возможное, чтобы поддерживать большой ядерный арсенал. Независимо от масштабов НПРО, США, скорее всего, втянутся в небольшую (в сравнении с их ядерным арсеналом), но напряженную гонку вооружений с Китаем, которая послужит тревожным сигналом для тех в Конгрессе, кто считает КНР стратегическим соперником. Кроме того, что на США будет направлено большее количество китайских ракет, озабоченность должно вызвать и общее ухудшение китайско-американских отношений. Уже сейчас некоторые конгрессмены требуют санкций против Китая в ответ на якобы угрозы ракетного и ядерного распространения. Китай, который не является членом Режимы контроля за ракетной технологией (РКРТ), – режима, направленного на предотвращение распространения наступательных ракетных комплексов, – обещал не передавать готовые ракетные комплексы и рассматривает вопрос о полноправном членстве в режиме. Если будет развернута НПРО, США будет еще сложнее заставить Китай присоединиться к РКРТ. Кроме того, развертывание НПРО может привести к укреплению связей между Россией и Китаем и возможному союзу между двумя государствами. Однако Китай, как развивающаяся страна, и Россия, как страна с переходной экономикой, скорее всего, вряд ли захотят намеренно изолироваться от США и пострадать, таким образом, экономически.

Научные Записки ПИР-Центра №15

Россия и Китай должны продолжать дискуссию с США по данному вопросу. Они должны стремиться к принятию дипломатических и других совместных мер для предотвращения возникновения угрозы ракетного нападения со стороны государств-партий. Кроме того, они должны воздерживаться от усугубления ситуации, не предпринимая шагов, которые могут содействовать распространению оружия массового уничтожения.

¹Чарльз Д. Фергюсон в настоящее время является сотрудником отдела нераспространения в Госдепартаменте США. Однако он закончил свою часть работы над этой статьей до прихода на государственную службу, поэтому его взгляды, изложенные здесь, ни в коей мере не являются отражением официальной американской позиции, а лишь выражают его мнение и мнение Джона Пайка.

²Excerpt from President Bill Clinton's press conference. 28 June 2000, www.fas.org/spp/starwars/program/news00/000628-nmd-wh1.htm

³В других публикациях мы говорили о разных аспектах, включая четыре критерия развертывания НПРО. Например, см.: Pike John. Ballistic Missile Defense: Is the U.S. Rushing to Failure? *Arms Control Today*, April 1998, pp.9–13; Pike John E. National Missile Defense: Rushing to Failure. *F.A.S. Public Interest Report*, November/December 1999, pp.3–10; Ferguson Charles D. Bait and Switch – Is Anti-North Korean Missile Defense Designed for China? *F.A.S. Public Interest Report*, November/December 1999, pp.10–12; Ferguson Charles D., Pike John E. National Missile Defence: Developing Disaster. *Disarmament Diplomacy*, March 2000, pp.3–5; Ferguson Charles. Sparking a Buildup: U.S. Missile Defense and China's Nuclear Arsenal. *Arms Control Today*, March 2000, pp.13–18; Pike John E. The *Rogue States*: No Clear and Present Danger. *F.A.S. Public Interest Report*, July/August 2000, pp.3–12. Все эти статьи доступны и ссылки на них могут быть найдены на сайте www.fas.org

⁴Secretary of Defense William S. Cohen. Excerpt from Testimony on National Missile Defense before Senate Armed Services Committee. 25 July 2000, www.senate.gov/~armed_services/statemnt/2000/000725wc.pdf

⁵Более детальное рассмотрение этого принципа и других принципов можно найти, например: Schelling Thomas C., Halperin Morton H. *Strategy and Arms Control*. Pergamon-Brassey's Classic, 1985

⁶См.: Pike John E. The *Rogue States*: No Clear and Present Danger. *F.A.S. Public Interest Report*, July/August 2000, pp.3–12; Pike John E. National Missile Defense: Rushing to Failure. *F.A.S. Public Interest Report*, November/December 1999, pp.3–10

⁷From the Joint Statement on Anti-Missile Defense signed by Russian President Vladimir V. Putin and Chinese President Jiang Zemin. 18 July 2000, www.fmprc.gov.cn/english/dhtml/

⁸United Nations General Assembly Resolution 54/54 A, «Preservation of and compliance with the Anti-Ballistic Missile Treaty». Резолюция была принята Генеральной ассамблеей 1 декабря 1999 года (80 голосов – за, 4 – против и 68 – воздержались). Полный текст см.: www.un.org

⁹См., например: Rivkin David B. Jr., Casey Lee A. Six Reasons Why Arms Control Advocates are Wrong: The ABM Treaty is Not in Force. Heritage Foundation Backgrounder, No.1375, 7 June 2000

¹⁰В этом документе названы государства-преемники договора по ПРО, а именно: США, Белоруссия, Казахстан, Россия и Украина, которые становятся сторонами договора после вступления в силу меморандума. Полный текст можно найти: www.fas.org/nuke/control/abmt/text/ad-mou.htm. Администрация Клинтона не представила Сенату данные документы, так как сенатор Джесси Хелмс, являющийся председателем комитета по международным отношениям Сената, где и начинается процесс ратификации международных соглашений, предупредил, что он предпримет все усилия против принятия меморандума. Исполнительная власть США вынуждена ждать более подходящего момента для представления меморандума в Сенате.

¹¹ABM Treaty *Talking Points*. www.thebulletin.org/issues/2000/mj00/treaty_doc.html

¹²Полный текст см.: www.basicint.org/nuk_00revcon_indx.htm

¹³Excerpt from President Bill Clinton's press conference. 28 June 2000, www.fas.org/spp/starwars/program/news00/000628-nmd-wh1.htm

¹⁴*F.A.S. Public Interest Report*, May/June 1992, www.fas.org/faspir/pir0592.htm

¹⁵Saradzhyan Simon. U.S. NMD Effort Fueling Russia's New Missile Plan. *Defense News*, 10 July 2000, p.1

¹⁶Ibid.

¹⁷Valasek Tomas. Russia Threatens Norway Over Radar Base; Says Base Targeted with Nuclear Missiles. 24 July 2000, www.newsmax.com; Russia Threatens Nuclear Attack on Radar. *Jane's Defence Weekly*, 26 July 2000, p.6

Научные Записки ПИР-Центра №15

¹⁸Ibid.

¹⁹См., например: Testimony of Professor Stephen J. Blank of the Strategic Studies Institute of the U.S. Army War College. Full Committee Hearing on Military Capabilities of the People's Republic of China. House of Representatives, 19 July 2000, www.house.gov/hasc/testimony/106thcongress/00-07-19blank.html

²⁰From the Joint Statement on Anti-Missile Defense signed by Russian President Vladimir V. Putin and Chinese President Jiang Zemin. 18 July 2000, www.fmprc.gov.cn/english/dhtml/

²¹Whittell Giles. China's Pact with Russia *No Threat*. *London Times*, 18 July 2000

²²Smith Craig S. Putin Visits China in Hope of Strengthening a Strategic Axis. *The New York Times*, 18 July 2000

²³Text of Jiang Zemin 13 May Speech. FBIS-CHI-1999-0513, 13 May 1999

²⁴Norris Robert S., Arkin William M. NRDC Nuclear Notebook. Chinese Nuclear Forces, 1999. *The Bulletin of the Atomic Scientists*, May/June 1999, также см.: www.thebulletin.org

²⁵ABM Treaty *Talking Points*. 20 January 2000, www.thebulletin.org/issues/2000/mj00/treaty_doc.html

²⁶Pomfret John. China Threatens Arms Control Collapse; Top Negotiator Says Missile Defense Puts Treaties at Risk. *The Washington Post*, 14 July 2000, p.A1

²⁷Myers Steven Lee. U.S. Missile Plan Could Reportedly Provoke China. *The New York Times*, 10 August 2000, p.1

²⁸Eckholm Erik. China Says U.S. Missile Shield Could Force an Arms Buildup. *The New York Times*, 11 May 2000, p.A1

²⁹Shen Dingli, talk given at the Carnegie Endowment for International Peace's Non-Proliferation Conference on March 17, 2000

Научные Записки ПИР-Центра №15

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРО США И ПЕРСПЕКТИВЫ ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ В КОСМОСЕ

Брахма Челлани

Научные Записки ПИР-Центра №15

Недавнее решение президента Билла Клинтона отложить вопрос о развертывании системы национальной противоракетной обороны (НПРО) вряд ли поможет преодолеть патовую ситуацию, сложившуюся на Конференции по разоружению в Женеве. Работа конференции протаивает уже четыре года, и последние события, когда не удалось одобрить программу работы на следующий год, показывают, что подобное положение вещей сохранится и в 2001 году.

Страсти, разгоревшиеся вокруг развертывания НПРО, имеют значение не столько для процесса разоружения, сколько для будущего конференции. Процесс разоружения затормозился еще в 1995 году, когда бессрочное продление Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) лишило ядерные государства каких-либо стимулов двигаться дальше в этом направлении. Сегодня в США идет дискуссия не о том, стоит ли вообще и в какие сроки развернуть НПРО, а о том, какие параметры должна иметь будущая система. Решение Билла Клинтона просто перекладывает ответственность за развертывание НПРО на следующую администрацию, но никак не влияет на ведущиеся НИОКР.

США являются единственной страной, которая серьезно занимается исследованиями и проводит НИОКР в области космических вооружений, таких, как противоспутниковые лазеры, системы инфракрасного излучения и лазеры с рентгеновскими лучами. Программа НПРО сама по себе является очередным шагом в направлении развития космического оружия. Новые виды оружия массового уничтожения (ОМУ), которые появятся в будущем, так или иначе будут использовать космическое пространство. Современные американские разработки в области космических вооружений не идут вразрез с международным правом, однако отказ США от создания международного правового режима, запрещающего милитаризацию открытого космоса, связан с желанием иметь гарантированные возможности развертывания в будущем новых космических вооружений.

Китай практически в одиночку заблокировал работу Конференции по разоружению, используя в качестве предлога американские планы создания НПРО. Это привело к свертыванию переговоров по договору о запрещении производства расщепляющихся материалов (ЗПРМ), который должен был стать

естественным продолжением Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Логика Китая, как показывают кулуарные беседы, заключается в том, что в случае развертывания США НПРО, КНР придется производить больше расщепляющихся материалов для увеличения своего ядерного арсенала. Переговоры по ЗПРМ должны были начаться еще пять лет назад, когда был согласован мандат на их проведение.

В течение четырех лет после заключения ДВЗЯИ Конференция по разоружению занималась в основном процедурными вопросами. И даже ее детище – ДВЗЯИ – по-прежнему находится в подвешенном состоянии, когда непонятно, можно ли сохранить запрет на ядерные испытания в его теперешнем виде или не стоит даже пытаться это делать. Другим итогом работы конференции в девяностые годы стала Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении. Ее фактически свели на нет действия США, которые выставили около 20 различных условий ратификации документа. По словам заместителя директора департамента по вопросам разоружения секретариата ООН Евгения Горьковского, отсутствие прогресса на Конференции по разоружению является «глобальной мерой разрушения доверия»¹.

Возникает вопрос, как долго еще будет бездействовать конференция, учитывая характер ее работы в последние годы. Будущее конференции неясно. Постепенное расширение числа ее участников с 40 до 66 в 1999 году лишь увеличило количество проблем, поскольку, согласно регламента, эта организация может работать и принимать решения лишь на основе консенсуса. Принцип консенсуса относится не только к решениям по существу, но и к процедурным и организационным вопросам. Китай с помощью процедурных уловок заблокировал начало переговоров по ЗПРМ, увязав их с требованием создать правовой режим для предотвращения гонки вооружений в открытом космосе.

В прошлом работа ООН бывала часто парализована из-за вето, которым пользовались постоянные члены Совета безопасности. На Конференции по разоружению таким правом вето обладают все 66 ее членов. Применение принципа консенсуса в работе конференции стало результатом настойчивых усилий пяти ядерных государств, которым пришлось в свое

Научные Записки ПИР-Центра №15

время не по нраву создание ООН такого органа для переговоров по разоружению, и они хотели иметь возможность заблокировать любое решение.

Заглядывая в будущее, можно сказать, что конференция, по-видимому, останется заложницей современных споров вокруг милитаризации космического пространства. Дискуссия о создании режима предотвращения гонки вооружений в открытом космосе развернулась между двумя группами государств. Одни из них уже сыграли ключевую роль в милитаризации и развитии ядерного оружия на Земле и стремятся сохранить возможность развертывания своих вооружений в космосе. Другие тоже участвовали в милитаризации планеты и готовы примириться с этим и в дальнейшем, но считают недопустимой гонку вооружений в космосе.

Милитаризация открытого космоса

Предотвращение гонки вооружений в открытом космосе стало предметом напряженной дискуссии благодаря планам США по развертыванию ПРО театра военных действий (ТВД) и НПРО. Споры вокруг милитаризации космоса являются отражением проблем, которые возникли в XX веке и не нашли своего решения. *Во-первых*, это создание ОМУ и развитие ракетных технологий для ведения войны.

Во-вторых, это исключительные масштабы военных действий, жертв и разрушений, которые сделали уходящий век самым кровавым за всю историю человечества.

Эти два фактора будут серьезно препятствовать усилиям по укреплению мира и безопасности в XXI веке. Будет нелегко сделать мир более стабильным: ведь после окончания *холодной войны* число конфликтов в мире лишь увеличилось, а не уменьшилось. Мы также наблюдаем сегодня ухудшение отношений между тремя ведущими государствами мира, чья политика оказывает большое влияние на международную безопасность. Америко-китайские и американо-российские отношения осложнились из-за некоторых разногласий и конфликта интересов. Развертывание НПРО лишь усугубит напряженность в отношениях между этими странами, что, в свою очередь, будет воздействовать на международную стратегическую обстановку.

И вот теперь, когда международная безопасность и так находится под угрозой, быстрое развитие технологии открывает новые разрушительные возможности для государств мира. Техническая революция приводит к появлению новых смертоносных обычных вооружений, однако ОМУ и ракетные средства их доставки будут по-прежнему занимать центральное место в военной стратегии государств в обозримом будущем.

Никто не мог предсказать тех коренных изменений, которые произошли в мире за последние 10 лет. В следующем десятилетии события будут развиваться с неменьшим накалом. И поэтому лишь очень большой оптимист может предположить, что значение ОМУ и ракетного оружия будет уменьшаться. Кстати, уже запущен маховик, которые позволит ОМУ и ракетному оружию сохранить свою важную роль и в грядущем столетии. Ни одному из ядерных государств не удастся выйти из *игры*, именуемой *сдерживание*.

Учитывая, что в мире ведутся исследования по созданию лазеров и космических вооружений, не удивительно, если новый вид ОМУ появится уже в ближайшие 25 лет. Мы, как минимум, столкнемся с возникновением нового противоспутникового лазерного оружия.

Милитаризация космоса уже началась. Чтобы понять это, стоит лишь бросить беглый взгляд на опубликованные материалы Командования космическими силами США, штаб-квартира которого находится в Колорадо-Спрингс. Например, на обложке доклада этого ведомства, который называется «Взгляд на 2020 год», изображено лазерное оружие, чей луч направлен из космоса против цели на Земле. Документ начинается словами «Командование космическими силами США – обеспечение господства в космическом пространстве при ведении боевых операций для защиты интересов и инвестиций США. Использование космических сил в конфликтах в полной мере наравне с другими видами вооруженных сил».

На смену традиционному желанию контролировать морские просторы приходит стремление осуществлять сдерживание через контроль над космическим пространством. Упор уже сейчас делается на господство в космосе, а через него и на Земле. Например, в упоминавшемся выше докладе усилия США

Научные Записки ПИР-Центра №15

по контролю над космосом сравниваются со стремлением государств несколько веков назад построить флот, чтобы отстаивать свои деловые интересы, контролируя морские просторы².

Пока же США продолжают исследования в области оружия будущего (рентгеновских лазеров космического базирования) предлагаемая системами НПРО будет строиться на перехватчиках наземного базирования и космической системы наблюдения. НПРО также создает возможности для развития космического оружия. Космические платформы и другие вооружения, например, противоспутниковые лазеры, могут подорвать стратегическую стабильность и безопасность в мире, хотя при этом они обеспечили бы сохранение в будущем военного превосходства США.

В то же время нельзя игнорировать необходимость сдерживания агрессивного поведения государств-парий. Хотя в последнее время Государственный департамент США отказался от термина государства-парии и теперь предпочитает употреблять выражение *государства, вызывающие озабоченность*, суть опасной политики этих стран не изменилась: трудно предположить, что режимы, терроризирующие невинное население, смогут вдруг кардинальным образом изменить свое поведение. Экспорт экстремизма и терроризма для укрепления своего влияния стал для многих таких режимов незаменимым элементом государственной власти. Кроме того, некоторые страны продолжают экспортировать ракеты и ракетные технологии в нарушение своих международных обязательств.

Сторонникам НПРО следует позаботиться о том, чтобы создаваемые системы не привели к ослаблению международной стабильности. Будущие историки наверняка будут трактовать расширение НАТО на восток как один из решающих факторов, приведших к тому, что Запад *потерял* Россию. Развертывание НПРО без учета опасений Москвы будет способствовать пробуждению *российского медведя*.

Нет сомнений в том, что НПРО и ПРО ТВД могут стать удобным оправданием для некоторых государств, стремящихся увеличить свой ядерный и ракетный арсенал. Не будь проблемы ПРО, разве Китай прекратил бы реализацию своих амбициозных планов наращивания ядерных и ракетных

вооружений? Или НПРО и ПРО ТВД просто помогли Пекину оправдать то, что он уже давно делает и будет продолжать делать, независимо от развития событий в США?

Китай – страна, которая наиболее рьяно выступает против милитаризации космоса и развертывания НПРО, – имеет для этого менее всего политических и юридических оснований. В то время, как Россия может справедливо указать на нарушение российско-американского договора по ПРО, запрещающего развертывание таких систем Соединенными Штатами, у Пекина нет даже такого *фигового листочка* в виде двустороннего соглашения (не говоря уже о какой-либо международной конвенции), чтобы поддержать свои требования.

Поразительно, что государство, наглым образом экспортирующее баллистические ракеты и ракетные технологии, пытается запретить другим создать даже ПРО ТВД для отражения тех самых угроз, которые появляются из-за распространения им ракетных технологий. Еще парадоксальнее, что Китай заявляет о своем неотъемлемом праве наращивать большими темпами ядерный потенциал и создавать угрозу другим государствам распространением ракет, но при этом утверждает, что данное *право* нарушено из-за намерений одной из стран создать *щит* в форме НПРО против межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и в форме ПРО ТВД против ракет малого радиуса действия.

Тем не менее важно, чтобы космос не стал зоной военных действий. Конференция по разоружению должна выработать международный договор о запрещении милитаризации космоса. Хотя бы потому, что Земля уже достаточно милитаризована и *нуклеаризирована*, и нет нужды переносить гонку вооружений еще и в космос.

Существующее космическое право

Существует ряд международных соглашений, призванных регулировать или запретить определенную деятельность в открытом космосе. Наиболее важные из них приводятся ниже.

Московский Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах (1963). Согласно статье 1 (пп.1 и 2), ядерные взрывы в космосе запрещены.

Научные Записки ПИР-Центра №15

Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967). Договор создает обширную правовую базу для деятельности по освоению и использованию космического пространства, включая мирное использование открытого космоса и ограничения в области вооружений. Хотя документ не предусматривает лишь мирное использование космического пространства, он запрещает ОМУ в космосе.

Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство (1975). Документ требует соответствующей национальной регистрации любого космического объекта, запущенного на околоземную орбиту или в открытый космос.

Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (1977). В договоре говорится о том, что государства-участники не должны использовать военные или другие враждебные для окружающей среды технологии, способные повлиять на динамику, состав и структуру Земли и космического пространства. Поэтому конвенция запрещает осуществление ядерных испытаний и применение других опасных для природы военных технологий при определенных обстоятельствах.

Существующие международные соглашения не в состоянии предотвратить гонку вооружений в открытом космосе. Текст их содержит двусмысленности, многочисленные оговорки и юридические лазейки. В результате разговоры о предотвращении гонки вооружений в открытом космосе ведутся на Конференции по разоружению с 1985 года, когда был создан соответствующий комитет *ad hoc*, не имеющий, однако, мандата на переговоры.

Помимо международных соглашений, имеется еще и важный двусторонний документ – договор по ПРО, подписанный Москвой и Вашингтоном. В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 54/54А за 1999 год подчеркивается важность этого договора. Документ под названием «Сохранение и соблюдение Договора по ПРО» был предложен Россией и принят 80 голосами за при четырех голосах *против* и 68 воздержавшихся. В нем содержался призыв к сторонам договора по ПРО «ограничить развертывание систем противоракетной обороны

и воздерживаться от развертывания системы противоракетной обороны территории всей страны и не создавать основу для такой обороны и не передавать другим государствам и не размещать вне своей национальной территории системы противоракетной обороны или компоненты, ограниченные данным договором».

До принятия этой резолюции на Третьей конференции ООН по освоению и мирному использованию космического пространства в июле 1999 года группа 77 и Китай утверждали, что «открытый космос является общечеловеческим наследием, и все государства, особенно обладающие развитыми космическими технологиями, не должны использовать космическое пространство для гонки вооружений или какой-либо иной военной деятельности [...] Даже теперь военные расходы на космос составляют существенную часть общих расходов на оборону. По понятным причинам военная деятельность оказала негативное влияние на развитие международного сотрудничества в области освоения и использования космического пространства. Таким образом, существует необходимость демилитаризации космического пространства и сокращения военной деятельности, как на это ясно указывает резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 53/76».

В соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 45/55В, принятой в декабре 1990 года, группа правительственных экспертов представила доклад об использовании мер укрепления доверия применительно к космическому пространству. В документе говорится о том, что быстрое развитие космических технологий ведет к необходимости обновления и дополнения существующей международно-правовой базы, регулирующей деятельность в открытом космосе. Группа призвала к укреплению правового режима с учетом появлений новых космических технологий.

Застой в переговорах по предотвращению гонки вооружений в открытом космосе, проходивших на Конференции по разоружению, продолжается. Переговорный мандат для комитета *ad hoc* так и не был выработан. Кстати, с 1994 года из-за отсутствия консенсуса конференция не в состоянии возобновить работу такого комитета. Ее участникам не удалось даже назначить специального координатора по этой проблеме.

Научные Записки ПИР-Центра №15

Серьезная озабоченность проблемой милитаризации космоса заставила Генеральную Ассамблею ООН 1 декабря 1999 года принять резолюцию 54/53 о предотвращении гонки вооружений в космосе. Резолюция, подготовленная Шри-Ланкой, была принята 162 голосами *за* при отсутствии голосов *против* и двух воздержавшихся. В ней говорится о том, что «правовой режим в отношении космического пространства сам по себе еще не гарантирует предотвращения гонки вооружений в открытом космосе, [...] и необходимо консолидировать и укреплять этот режим и повышать его эффективность».

Страсти, разгоревшиеся вокруг дискуссии о предотвращении гонки вооружений в космосе, сделали трудным достижение какого-либо международного консенсуса, если такой вообще был возможен. Частично дебаты вокруг мирного использования космического пространства напоминают прежние горячие споры по поводу мирного использования ядерной энергии. Трудно поверить, что государства, милитаризовавшие Землю, в том числе и через развертывание ОМУ, согласятся отказаться от милитаризации космического пространства.

Споры вокруг гонки вооружений в космосе отражают также и противоречия между технологически развитыми государствами и остальным миром. Современные НИОКР по созданию противоспутникового оружия указывают направление будущего движения технологической мысли. Существующие международные соглашения не запрещают разработку или развертывание противоспутниковых вооружений космического базирования.

Можно предположить, что совершенные ракеты перехватчики, особенно те, которые способны действовать за пределами земной атмосферы, могут быть использованы в качестве оружия против низкоорбитальных спутников. Кроме того, если США перейдут к системе перехвата на активном участке полета, то грань между ПРО ТВД и НПРО будет окончательно стерта.

Противоракетная оборона

Поскольку процесс разоружения зашел в тупик, появление ПРО всячески оправдывается и поощряется. В отдаленной перспективе НПРО могла бы сделать стратегическую обстановку еще более

напряженной, поскольку разработки в области ПРО способствуют и совершенствованию технологий в области космических наступательных вооружений.

Тем не менее ПРО должна рассматриваться в контексте растущей угрозы распространения и использования ракетного оружия, имеющей серьезные международные последствия. *Во-первых*, ракеты символизируют силу и принуждение в международных отношениях. Они могут применяться не только для реализации военных целей, но и для достижения политических результатов через запугивание и давление.

Во-вторых, в отличие от ядерного оружия, не существует какого-либо международно-правового режима для контроля в этой области или каких-то ограничений и запретов. В то время, как ядерное оружие не использовалось уже в течение 55 лет, ракеты используют все чаще.

В-третьих, только государства, не имеющие возможностей для ответного удара, оказываются жертвами ракетных ударов. Кроме того, такие страны становятся полигонами для испытания новых ракетных комплексов.

В 1996 году *испытания* баллистических ракет были использованы одним из постоянных членов Совета безопасности ООН для запугивания и шантажа другого суверенного государства. Эти маневры были первым в истории примером, когда баллистические ракеты были применены в целях политической борьбы и шантажа в мирное время. В течение 1998–1999 годов другой постоянный член Совета безопасности ООН нанес удары крылатыми ракетами по целям в Судане, Афганистане, Ираке и Югославии. Низколетящие крылатые ракеты, обладающие меньшей скоростью по сравнению с баллистическими ракетами, имеют гораздо большую степень точности. Но никто почему-то не говорит о защите от крылатых ракет.

Очевидно, что сегодня существует лишь один надежный способ сдержать такой *баллистический* шантаж – иметь ракетный потенциал для нанесения соразмерного ответного ущерба. Не имея возможности нанести ответный ракетный удар, любое государство останется уязвимым для шантажа,

Научные Записки ПИР-Центра №15

пример которого мы наблюдали в отношении Тайваня в 1996 году.

Но такой потенциал сдерживания фактически строится на взаимных наступательных возможностях сторон. Сегодня же мы наблюдаем переход от наступления к обороне, выражающийся в программах США по созданию ПРО ТВД против баллистических ракет малого радиуса действия и НПРО, состоящей из космических датчиков для обнаружения МБР, из наземных перехватчиков и радиолокационных станций (РЛС).

Что лучше: оборонительные или наступательные вооружения? Насколько хороша современная система сдерживания? Должны ли мы сохранить баланс ядерных угроз, укреплению которого способствует договор по ПРО? Или, может быть, договор по ПРО является излишним наследием *холодной войны* и больше не имеет никакого значения в формирующейся геостратегической обстановке? Все это политические вопросы, ответы на которые будут предвзяты и будут отражать лишь точку зрения опрашиваемых.

Тем не менее все знают, что развертывание ПРО ТВД и НПРО будет иметь глобальные последствия. И в наибольшей степени это проявится в Азии. НПРО приведет к возникновению новой гонки вооружений в Азии, центральными участниками которой станут Китай и Россия. Ответом Китая на НПРО, похоже, станет резкое ускорение и без того амбициозной программы модернизации ракетно-ядерных сил. Это окажет прямое воздействие на безопасность Индии.

Таким образом, следует опасаться более широких последствий американского решения о развертывании НПРО. Изменение первоначального плана «3+3» на «3+5» (три года на НИОКР до 2000 года и последующее развертывание наземной системы в течение пяти лет вместо трех) не ослабило озабоченность международного сообщества. Нельзя обвинять США за желание найти способ отразить угрозы ракетного нападения в будущем. Осторожный политик всегда должен смотреть на несколько шагов вперед и предвидеть угрозы. Однако американские политические деятели и законодатели должны тщательно взвесить стратегические преимущества и издержки, которые даст развертывание системы НПРО против гипотетических угроз. Тесное переплетение

всех этих вопросов сделало проблему развертывания НПРО одним из элементов политической жизни США.

Потенциальные преимущества, которые дает НПРО, могут содействовать укреплению структур безопасности, созданных под эгидой США. Если НПРО будет развернута и станет эффективной, США смогли бы развернуть *зонтик*, наподобие *ядерного*, и над своими союзниками. По оценкам американской Организации по созданию ПРО министерства обороны США (*Ballistic Missile Defense Organization*), такая система ПРО, которая охватит весь мир, могла бы содействовать сохранению однополярности, заставляя другие государства согласовывать свою военную деятельность с США и стремиться попасть под *зонтик* ПРО³.

Психологические преимущества ПРО также не следует недооценивать. Хотя война 1991 года в Персидском заливе показала, что даже против несовершенных ракет малой дальности довольно сложно защититься (ракеты *Patriot* нанесли большой ущерб гражданскому населению, чем ракетам *Scud*, когда пытались перехватить последние), она также доказала возможность ПРО способствовать укреплению боевого духа. НПРО дает серьезные психологические преимущества перед любой другой державой, которая попытается *поиграть ядерными мускулами* и навязать свою волю любому континенту. Утверждение о том, что НПРО окажет дестабилизирующее воздействие на Азию должно рассматриваться в сравнении с уже существующим дисбалансом в сфере безопасности в этом регионе.

Тем не менее у НПРО имеется много серьезных недостатков. Помимо высокой стоимости системы (более 60 млрд долл.), США еще предстоит решить ряд технических проблем для создания надежной системы защиты даже против самых несовершенных баллистических ракет. Даже если удастся создать и развернуть НПРО, противник сможет вывести ее из строя с помощью множества разных способов: осуществив массированный ракетный удар вместо пуска одной или двух ракет; замаскировав ядерную боеголовку внутри воздушного шара из майлара или окружив ее десятком ложных целей; охладив поверхность боеголовки с помощью жидкого азота, чтобы сбить с толку тепловые сенсоры НПРО. Защита от ракет средней и большой дальности является

Научные Записки ПИР-Центра №15

еще более трудной задачей из-за их высокой скорости полета.

Заключение

Развертывание НПРО заставит государства, уже имеющие ракетный потенциал, создавать еще более совершенные ракеты для преодоления обороны. Эти страны будут стремиться к уничтожению или введению в заблуждение компонентов НПРО.

Но непосредственным результатом развертывания НПРО станет появление у США возможности нанести ядерный удар и закрыться противоракетным *щитом* от ответного удара. Таким образом, после принятия США решения о развертывании НПРО, можно будет ожидать, что и без того остановившийся процесс контроля над вооружениями и разоружения будет полностью ликвидирован. Впрочем, это не такая уж и большая потеря, поскольку этот процесс и так замер еще пять лет назад после того, как был бессрочно продлен ДНЯО. Последнее лишило ядерные государства любых стимулов для продолжения усилий по разоружению.

Новая гонка вооружений может начаться в Азии. Развертывание ПРО ТВД и НПРО будет иметь более серьезные последствия для Китая, чем для России. Потенциал сдерживания России, обладающей значительным стратегическим ядерным арсеналом, практически не пострадает в отличие от китайского, строящегося всего лишь на двух десятках МБР, достигающих территории США. Остальная часть китайского ядерного арсенала состоит из вооружений, которые могут представлять опасность только для его соседей, например, Индии и России. Любая программа, способная сдерживать растущее влияние и амбиции Китая, позитивно скажется на безопасности в Азии. Многие в этом регионе с удовлетворением восприняли бы сдерживающее воздействие НПРО на КНР. Проблема только в том, что коммунистический режим Китая, процветающий благодаря растущему профициту в торговле с Вашингтоном, воспользуется развертыванием ПРО ТВД и НПРО для оправдания своих планов по наращиванию ракетно-ядерного потенциала.

Быстрый рост китайского ядерного арсенала, в свою очередь, подорвет скромные возможности сдерживания, которыми располагает Индия. Асимметрия ракетного баланса с Китаем заставит Дели выделять значительную часть

своих небольших ресурсов на осуществление новых ракетно-ядерных проектов. В этих условиях Индия неизбежно начнет реализацию программы создания МБР.

Кроме того, наращивание китайского ядерного арсенала приведет к тому, что Пекин будет передавать уже не нужные ему технологии Пакистану. Украденные китайскими шпионами новейшие американские разработки в области ядерного и ракетного оружия создали предпосылки для передачи значительной части *устаревших* технологий Исламабаду. По мере того, как Китай будет развивать новые системы вооружений для преодоления НПРО, у него будет появляться все больше материальных стимулов для покрытия части затрат через передачу технологий. Рост потенциала индийских соседей поставит Индию в более трудное стратегическое положение.

Поскольку наступательные и оборонительные вооружения являются двумя сторонами одной медали, НПРО создаст возможности для развития космического оружия. Космические платформы и другие вооружения, например, противоспутниковые лазеры, могут подорвать стратегическую стабильность и мир во всем мире, хотя при этом они обеспечили бы сохранение в будущем военного превосходства США.

¹Gorkovskiy Evgeniy. Opening address to «Disarmament and the United Nations in the 21st Century: Strategy and Action». United Nations Conference on Disarmament Issues, Akita (Japan), 22 August 2000

²US Space Command, Vision For 2020, Colorado Springs, Space Command, 1999

³Space-Based Laser Programme, www.fas.org/spp/starwars/program/sbl.htm

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРО США И ПРОБЛЕМЫ СДЕРЖИВАНИЯ

Евгений Сиротинин
Юрий Подгорных
Сергей Бачевский

Администрация США считает, что разработка и развертывание Соединенными Штатами и их союзниками эффективной системы защиты от баллистических ракет (БР) любой дальности будет выступать фактом сдерживания стран, стремящихся приобрести ракетное вооружение или нарастить уже имеющийся ракетный потенциал. С этой целью США проводят ряд программ разработки противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД), а также программу создания ограниченной национальной противоракетной обороны (НПРО). Предполагается, что развертывание США ограниченной стратегической ПРО и неограниченной нестратегической ПРО станет фактором сдерживания распространения и применения ракетно-ядерных вооружений (РЯВ)¹.

Такая логика, на первый взгляд, может показаться весьма обнадеживающей, но лишь на первый взгляд. Если бы речь шла о защите от БР любой страны мира, в том числе и от БР США, это было бы действительно всеобщее сдерживание от распространения и применения РЯВ. Если же речь идет о защите только США, то это сдерживание Соединенными Штатами любой другой страны и не более. Кто, в таком случае, будет сдерживать США? Только ли их политический строй и демократические структуры будут гарантией, исключающей применение БР различных типов самими США? Учитывая недавние события (Ирак, Югославия и т.д.), с таким положением вряд ли могут смириться даже союзники США.

В мире существуют страны, готовые в силу ряда причин согласиться с тем, что сдерживание осуществляют только США. В то же время правомочно полагать, что найдутся страны, которые будут сдерживать США от применения БР и тем самым обеспечивать свою безопасность и суверенитет. Это предположение подтверждается прошлым, да и современным опытом развития отношений между ведущими странами мира и их вооруженными силами. Так, основным

мотивом развития Вооруженных сил СССР практически всегда было желание ликвидировать преимущество, которое постоянно стремился достичь потенциальный противник – США.

Особенности сдерживания от применения ядерного оружия

В настоящее время ядерным оружием, способным решать большой круг задач, кроме США и России, обладают Великобритания, Франция, Китай. Есть ядерное оружие в Индии, Пакистане, Израиле и, по всей видимости, в КНДР. В некоторых странах оно может быть создано в весьма короткие сроки (ЮАР, Иран, Бразилия и прочие). Однако качество ядерного оружия и его количество у разных стран не одинаково и поэтому существуют разнообразные модели сдерживания. Сдерживание от применения ядерного оружия, развязывания войны может быть односторонним и многосторонним (частный случай – двусторонним).

Анализ американского закона о ПРО от 1995 года показывает, что США по-прежнему стремятся осуществлять одностороннее сдерживание, в то время как в мире существуют страны (прежде всего Россия), которые стремятся к двустороннему сдерживанию, а судя по деятельности ООН, большинство стран хотело бы иметь стройную систему международной безопасности (в том числе и глобальную ПРО). Как одностороннее, так и двустороннее сдерживание базируется на угрозе возможного поражения (уничтожения) одной стороны или взаимного уничтожения обеих вступивших в вооруженный конфликт сторон. Это является наиболее слабым местом указанных видов сдерживания.

Военная безопасность России может быть обеспечена сдерживанием любых государств от развязывания военных действий. Важнейшим фактором сдерживания являются стратегические ядерные силы (СЯС) России. Надежность такого сдерживания определяется, главным образом, стратегической устойчивостью СЯС России, то есть

Научные Записки ПИР-Центра №15

возможностью сохранения ядерного потенциала возмездия (ЯПВ) и доставки его к объектам нападающего при любых вариантах агрессии.

В современных условиях, по нашему мнению, можно выделить три основные группы государств, которые при определенном обострении противоречий могут представлять потенциальную угрозу России.

К первой группе стран следует отнести США и их союзников. Характерной особенностью этой группы является наличие оружия (в первую очередь ракетно-ядерного), способного осуществлять эффективное поражение СЯС. Наличие практически глобальной системы контроля надводных и подводных пространств, мощных сил противолодочной обороны (ПЛО) позволяют этой группе стран вести эффективную борьбу с морскими СЯС любой из стран мира. Силы общего назначения (СОН) этой группы обладают потенциалом, способным обеспечить достижение поставленных целей в большинстве регионов мира.

Вторая группа стран, наиболее мощным представителем которой является Китай, обладает ракетно-ядерным оружием (РЯО), неспособным решать задачи уничтожения СЯС России или США. Характеристики устойчивости СЯС второй группы стран таковы, что СЯС как США, так и России способны осуществить их уничтожение, обеспечив в ответных действиях приемлемый для себя ущерб, то есть ядерные силы второй группы стран не обладают стратегической устойчивостью. Следовательно, в случае крайнего обострения военно-политических отношений между первой и второй группами стран может возникнуть ситуация, стимулирующая стороны к применению РЯО первыми: первую группу стран с целью уничтожения СЯС второй группы; вторую группу – с целью использования своего ракетно-ядерного потенциала до его уничтожения. СОН второй группы стран оснащены менее эффективным оружием, чем стран первой группы, но обладают огромными людскими ресурсами. Для этой группы стран несколько изменяется роль политических, экономических и других методов обеспечения сдерживания по сравнению с первой группой.

Такую ситуацию можно охарактеризовать как двустороннее нестабильное сдерживание.

Однако при наращивании морского компонента СЯС и повышении качественных характеристик РЯО второй группы стран модель сдерживания может измениться.

Третья группа стран включает государства, которые, как правило, не входят в постоянные союзы (блоки) со странами первой группы и не обладают ядерным оружием. Сдерживание этих стран может осуществляться как ядерным, так и обычным оружием. При этом, исходя из международных норм, сдерживание целесообразнее осуществлять СОН. Методы и способы сдерживания наиболее агрессивных стран третьей группы развиты слабо.

Таким образом, для различных групп стран существуют различные виды сдерживания от развязывания военных действий. Россия должна самостоятельно решать проблему сдерживания применительно ко всем трем группам стран. При этом наиболее сложным является сдерживание стран первой группы.

Анализ взглядов военно-политического руководства государств, обладающих ядерным оружием, показывает, что они по-прежнему исключают возможность достижения целей во всеобщей войне (или в войне между ними) без обязательного первоочередного решения задачи ядерного разоружения противной стороны. Это возможно либо за счет значительного превосходства в РЯО (что практически не реально в условиях договорных ограничений), либо за счет создания эффективной стратегической обороны.

В том случае, если задачу нейтрализации СЯС противника решить нельзя, то есть при любых действиях нападающего обороняющийся в своих ответных действиях сможет нанести ему неприемлемый ущерб, обеспечивается сдерживание от развязывания ядерной войны, обусловленное возможностью (угрозой) взаимного гарантированного уничтожения. Таким образом, ядерное оружие не будет применяться только в том случае, когда существуют условия сдерживания. Нарушение условий сдерживания повышает вероятность применения ядерного оружия.

Силы и средства завоевания ядерного превосходства

Страны первой группы имеют на вооружении средства поражения, способные уничтожать СЯС. К ним относятся БР наземного и

Научные Записки ПИР-Центра №15

морского базирования, стратегические крылатые ракеты (СКР), стратегическая и тактическая авиация (СА, ТА), ПЛО.

В течение многих лет основными направлениями совершенствования межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ) являлись повышение точности доставки, надежности и технической готовности к применению. В настоящее время можно сказать, что достигнута вероятность поражения БР в шахтных пусковых установках (ШПУ) одним боевым блоком (ББ) МБР менее 0,995, а БРПЛ – 0,95. Сведения о том, что для уничтожения БР в ШПУ необходимо назначать два ББ, вряд ли достоверны.

СКР, оснащенные ядерными зарядами, имеют точность доставки к объекту со среднеквадратической ошибкой 5–10 м. Высокие качественные характеристики СКР позволяют сделать вывод о том, что их боевая мощь (контрсилового мегатоннаж) примерно в четыре раза больше боевой мощи самых совершенных ББ МБР. При отсутствии или слабой ПВО СКР становятся весьма опасным средством поражения СЯС. В связи с этим в настоящее время в США в соответствии с Законом о противоракетной обороне от 1995 года ведутся интенсивные работы, направленные на повышение эффективности средств ПВО при поражении СКР.

Включение в состав авиационных групп СА и ТА самолетов-заправщиков, разведчиков и самолетов дальнего радиолокационного обнаружения (ДРЛО) позволяет значительно увеличить их боевые возможности и создать сложные условия для действий СЯС в доступных для авиации регионах.

Средства ПЛО, в том числе космического базирования, позволяют осуществлять контроль за выходом ракетных подводных катеров стратегического назначения (РПК СН) в районы боевого патрулирования и их действиями в этих районах, а также вести борьбу с ними практически в любой части мирового океана.

Также в настоящее время активно разрабатываются принципиально новые средства поражения, действующие на высотах 40–100 км и получившие обобщенное название гиперзвуковых летательных

аппаратов (ГЗЛА), ударных космических аппаратов (КА) и т.д. Они могут стать эффективными средствами борьбы с СЯС.

Перечисленные средства, способные обеспечить завоевание ядерного превосходства, их качественные характеристики и способы боевого применения определяют и возможные способы обеспечения стратегической устойчивости СЯС, то есть возможность сохранения потенциала возмездия.

Способы обеспечения стратегической устойчивости СЯС и предпосылки создания НПРО

К основным способам обеспечения стратегической устойчивости СЯС можно отнести скрытие, маневр, инженерную защиту, своевременный вывод из-под удара.

Учитывая структуру российских СЯС, их размещение на территории страны, акваториях морей и океанов, следует ожидать, что наиболее вероятными и опасными средствами нападения, используемыми для уничтожения мобильной составляющей СЯС, будут средства воздушного базирования и средства ПЛО. Уничтожение стационарных объектов СЯС возможно силами МБР, БРПЛ, СКР.

Если мобильная составляющая СЯС может быть выведена из-под удара маневром, то стационарные БР выводятся из-под удара только запуском до их поражения агрессором. Следовательно, для обеспечения стратегической устойчивости СЯС необходимо иметь эффективные системы предупреждения о воздушном и ракетном нападении (СПВН и СПРН). Необходимость СПРН обусловлена, главным образом, невозможностью создания гарантированной ПРО СЯС, а СПВН – неспособностью системы ПВО обеспечить защиту СЯС в условиях массированного удара авиации, когда единственным выходом остается немедленный запуск СЯС.

СПВН и СПРН должны решать три взаимосвязанных задачи:

- своевременно определить (вскрыть) факт нападения;
- установить страну (страны), осуществившую нападение;
- определить масштаб нападения.

Научные Записки ПИР-Центра №15

Решение этих задач с высокой достоверностью позволит организовать и осуществить ответно-встречный удар (ОВУ) требуемого масштаба. Возможность реализации этой формы военных действий является важнейшим необходимым условием сдерживания, так как она не зависит от *разоружающих* свойств ядерного оружия и состава удара нападающего. Организация ОВУ весьма сложна и зависит, главным образом, от качества решения задач предупреждения о ракетном и воздушном нападении. Требуется очень высокая достоверность установления как факта нападения, так и страны-агрессора. Цена пропуска воздушного нападения или удара ракет, равно как и выдачи ложной тревоги, чрезвычайно велика. Особенно достоверной должна быть информация о факте нападения и стране-агрессоре, когда в ОВУ применяются МБР и БРПЛ, так как их действие необратимо.

Очень важным свойством системы предупреждения является способность определять государственную принадлежность ракет, запускаемых с морских и воздушных носителей. Решение этой задачи тем важнее, чем большее число государств будет иметь такие средства нападения, которые могут действовать из нейтральных вод или даже из воздушного пространства над чужими территориями.

В этом случае, если с помощью БРПЛ, СКР и авиационных средств нападения можно решить задачу *разоружения* или значительно уменьшить масштабы ответных действий, а задача определения их государственной принадлежности не решается, подрывается сама основа сдерживания, так как неопределенным становится, по какой стране (группе стран) необходимо организовать ОВУ. Более того, в этой обстановке возможны провокационные действия со стороны третьей страны, приводящие к вооруженному столкновению двух дружек.

Определение масштаба удара агрессора необходимо для того, чтобы принять правильное решение на организацию ОВУ и его адекватность.

Таким образом, решение задачи предупреждения о воздушном и ракетном нападении является важнейшим необходимым условием обеспечения сдерживания в случае, когда ядерное оружие имеют несколько стран. Значимость этого условия возрастает, если в

составе СЯС стран имеются морские и воздушные составляющие, способные решать задачи ядерного *разоружения*. Из этого можно сделать весьма важный вывод: распространение БРПЛ и СКР морского и воздушного базирования приведет к подрыву сдерживания, базирующегося на принципе о взаимном гарантированном уничтожении.

Если это распространение предотвратить не удастся, остается один путь укрепления сдерживания – создание ПРО.

При этом, если создается ПРО и ПВО объектов СЯС, то принцип сдерживания остается прежним: взаимное уничтожение. Ситуация кардинально меняется, если создается ПРО и ПВО территории страны, которые защищают как объекты экономики и население, так и военные объекты. Наличие эффективной системы ПРО и ПВО может значительно снизить эффективность как упреждающего, так и ответного ударов, снять ряд проблем, связанных с распространением ядерного оружия, а также с ограниченными возможностями СПРН и СПВН по достоверному установлению факта нападения и государственной принадлежности средств нападения. Вместе с тем развертывание систем ПРО и ПВО создает военно-техническую основу для проведения агрессивной политики, предоставляя широкие возможности для применения силы (как СОН, так и ядерного оружия) при разрешении противоречий без опасений за возможные последствия.

Еще раз подчеркнем, что только совместное создание систем ПРО и ПВО может обеспечить устойчивую защиту территории страны от средств, способных поражать объекты СЯС, экономики и население. Иначе открывается *окно уязвимости* либо для ракетных средств, либо для воздушных и обесценивается тем самым другая, существующая система.

НПРО и ПРО ТВД как единая система

США планируют развернуть систему НПРО в несколько этапов, при этом ее возможности будут нарастать с каждым этапом. *Предварительная* архитектура, распространенная Организацией по созданию ПРО министерства обороны США (*Ballistic Missile Defense Organization*) в марте 1999 года, описывает систему ПРО как развертываемую в три фазы².

Научные Записки ПИР-Центра №15

Для повышения вероятности успешного перехвата система НПРО будет, скорее всего, использовать обстрел одной цели несколькими перехватчиками. Если позволит *баланс времени*, система НПРО использует тактику *поражение–оценка–поражение*, когда следующий перехватчик стартует только при условии, что предыдущая попытка была неудачной. Однако эта тактика возможна только когда траектории атакующих ракет проходят вблизи точки стояния противоракетного комплекса. В противном случае полетное время перехватчика будет столь велико, что на повторный обстрел не хватит времени. В этом случае система ПРО будет использовать менее эффективную тактику стрельбы одновременно или за короткий промежуток времени несколькими перехватчиками.

НПРО США декларирована военно-политическим руководством государства как ограниченная и *адресная*, то есть направленная против некоторых стран, отнесенных выше преимущественно к третьей группе, для которых другие варианты сдерживания представляются администрации США неэффективными. Технические недостатки НПРО в том виде, в каком она предлагается для принятия решения на ее развертывание, давно выявлены экспертами и широко обсуждаются в средствах массовой информации. К ним относятся:

- сравнительно малое число противоракет;
- неопределенно низкая эффективность в случае применения атакующей стороной простейших мер противодействия;
- неоправданно высокая нижняя граница перехвата (130 км), не позволяющая поражать БР малой дальности, а также перспективные планирующие головные части.

На первый взгляд существование этих недостатков подтверждает *ограниченность* и *адресность* НПРО. В том виде, который так обоснованно и широко критикуется, система НПРО США неспособна надежно защитить американские СЯС от средств России и, следовательно, не окажет существенного влияния на состояние двустороннего сдерживания Россия–США. Несколько слабее позиции Китая и других стран второй группы, но в целом можно сказать, что одностороннее сдерживание США в отношении этих стран станет лишь устойчивее.

Следует, однако, отметить настойчивое и несколько искусственное исключение из рассмотрения всех средств и систем, разрабатываемых в США в интересах нестратегической ПРО. Этот подход к дискуссии навязывался администрацией США и был закреплен в соглашениях 1997 года (подписанных и ратифицированных Россией) о разграничении стратегических и нестратегических систем ПРО: система ПРО считается нестратегической, если она не испытывалась по ракете-мишени с дальностью полета свыше 3500 км, а скорость полета перехватчика при испытаниях не превышала пяти километров в секунду. На основании этих разграничений в разряд стратегической (национальной) ПРО США не попадают, а значит и исключаются из дискуссии по НПРО, следующие системы:

- комплекс перехвата в верхней атмосфере ТНААД;
- комплекс ПВО *Patriot* в модификации ПАК-3, оснащенный противоракетой атмосферного перехвата;
- комплекс ПРО морского базирования *Aegis*, оснащаемый противоракетами как атмосферного, так и заатмосферного перехвата на базе зенитной управляемой ракеты *Стандарт СМ-2*;
- комплекс ПРО воздушного базирования для поражения противоракетами БР на активном участке их траектории;
- лазерные комплексы ПРО воздушного и морского базирования для тех же целей.

Предполагается, очевидно, что упомянутые ограничения на испытания перечисленных систем исключают возможность использования их в интересах стратегического сдерживания в составе НПРО. Проведем анализ этой посылки.

Для комплексов ТНААД и *Patriot* ограничения на скорость полета перехватчика излишни. Поскольку участок перехвата у них находится в атмосфере, при скорости полета противоракеты свыше 3,4 км/с возникают значительные технические трудности по защите головок самонаведения противоракеты от перегрева и от затекания в поле зрения спутного плазменного следа, затрудняющего наблюдение за целью. В ходе испытаний разработчики комплекса вынуждены были снизить скорость противоракеты ТНААД относительно первоначально планируемой 4,5–5 км/с.

Научные Записки ПИР-Центра №15

Ограничение на дальность полета мишени не является препятствием для проверки стратегических возможностей этих комплексов, так как на самом деле критичным для них является не дальность полета цели, а ее скорость при входе в зону поражения; скорость мишени можно обеспечить путем применения на нисходящем участке полета разгонных блоков, позволяющих имитировать приближение ББ МБР.

Приведенные аргументы остаются в силе и для комплекса морского базирования *Aegis*. Их можно усилить, пытаясь ответить на вопрос: для чего ВМФ США нижний эшелон ПРО с радиусом зоны обороны менее 100 км? Не располагая данными о возможности применения БР по надводным целям, авторы смеют предположить, что такой комплекс в рамках ограничений на дальность полета мишени может быть испытан для поражения БРПЛ на активном участке траектории. Представляются вероятными подобные испытания и для противоракет воздушного базирования, в том числе и по МБР.

Ограничения соглашений 1997 года со всей очевидностью не сдерживают также применения лазеров воздушного и морского базирования для поражения первой и второй ступеней МБР. Более того, в случае успешной разработки таких лазеров не имеется принципиальных технических препятствий для размещения их в космосе и придания такой системе глобальных стратегических свойств.

Таким образом, предположение о том, что средства нестратегической ПРО не будут обладать возможностями по поражению МБР, по крайней мере, несколько не убедительнее, чем его антитеза. Любопытно, что при совместном рассмотрении средств и систем национальной и нестратегической ПРО недостатки первой исчезают на глазах. Двухэшелонный атмосферный перехват позволяет организовать защиту объектов СЯС, избегнув упреков в малой канальности, неприемлемо высокой нижней границе перехвата и низкой достоверности селекции. Широкий спектр средств по поражению БР на активном участке позволит бороться с выводом СЯС противника из-под удара путем запуска и является необходимым дополнением к применению ударных средств ядерного *разоружения*, о которых говорилось выше. Наконец, наличие мощных лазерных

установок в космосе позволит вести речь об энергетическом воздействии на элементы баллистической цели в полете. Такое воздействие, возможно, даст новое решение задачи селекции ББ на фоне ложных целей, так как позволит оценить массу элемента по его инерционности или же попросту разрушить ложные цели.

В свою очередь, только мощная информационная система НПРО, включающая средства обнаружения стартов, сопровождения БР в полете, анализа состава ракетного удара и прогнозирования точек падения ББ и головной части, позволит системам нестратегической ПРО успешно функционировать. Этот факт является, на наш взгляд, еще одним доказательством искусственности разделения этих систем и необходимости анализировать их совместное влияние на процессы сдерживания.

Нельзя также не отметить, что при глобальном высокоточном информационном поле и высоте перехвата до 800 км система НПРО США будет обладать немалым потенциалом по поражению низкоорбитальных искусственных спутников земли (ИСЗ), в частности разведывательных, что также не может не повлиять при определенных условиях на уровень стратегической стабильности.

Наконец, после развертывания ограниченной системы НПРО ее недостатки превратятся в весомый аргумент в пользу дальнейшего совершенствования и модификации системы, тем более, что для этого есть и экономические, и технические, и политические возможности.

Проведенный краткий анализ позволяет сделать вывод, что стратегическая национальная (ограниченная по заявлениям представителей США) система ПРО и нестратегическая ПРО (ПРО на ТВД) составляют единое целое как по оперативно-стратегическому замыслу, так и по программам технической реализации.

Сравнительный анализ возможностей разрабатываемой ПРО и ПРО, которую предполагалось разработать в рамках программы «Стратегической оборонной инициативы» (СОИ), позволяет авторам сделать еще один, на наш взгляд, очень важный вывод: разрабатываемая в настоящее время Соединенными Штатами система НПРО

Научные Записки ПИР-Центра №15

во многом превосходит ПРО, предусматривавшуюся программой СОИ, так как она решает задачу защиты не только национальной территории, но и территорий союзных стран, а также задачи защиты экспедиционных сил США и их союзников практически во всех регионах мира от МБР, БРПЛ, нестратегических ракет на активном, пассивном и атмосферном участках траектории их полета.

Предполагается разработка и создание в достаточно жесткие сроки более глобальной системы по решаемым задачам и структуре, чем любая другая, ранее создаваемая США и их союзниками. По сути дела, США вновь предпринимают очередную попытку выйти из состояния *ядерного пата* путем создания широкомасштабной системы ПРО. Американская администрация, ощущая возрастающую поддержку планов создания системы ПРО со стороны Конгресса и обеих партий, очевидно считает, что новая попытка может быть более удачной.

Выше рассматривались только планы США по созданию ПРО, оставляя без внимания ПВО. Вместе с тем, если США хотят обеспечивать сдерживание стран, которые наряду с БР имеют также крылатые ракеты и авиацию, способную наносить удары, то они должны совершенствовать не только ПРО, но и ПВО территории (в первую очередь от СКР). Как уже указывалось, ликвидация *окна уязвимости* по ракетному оружию (за счет создания ПРО), оставляя нерешенной задачу по воздушному противнику, делает ее практически ненужной, так как завоевание ядерного превосходства, или *контрценностный* удар может быть осуществлен воздушными средствами нападения. И наоборот, неэффективная ПРО может сделать малоценными группировки ПВО, обеспечивающие защиту СЯС и городов, поскольку стратегическое превосходство в этом случае может быть достигнуто применением разнородных ракетно-ядерных сил.

Связь между ПРО и ПВО определяется, главным образом, типажом средств нападения, которые способны поражать объекты СЯС и города. Так, если создается только ПРО, то сдерживание направлено против стран, которые имеют только БР. Если создается ПРО и ПВО, то сдерживание осуществляется в отношении стран, имеющих не только БР, но и крылатые ракеты.

Так, модернизация комплекса *Patriot* осуществляется не только в интересах ПРО, но и в интересах ПВО по крылатым ракетам. Разрабатываются радиолокационные станции (РЛС), которые для работы по целям на малых высотах поднимаются на аэростатах для увеличения дальности обнаружения. Такие же задачи ставятся перед комплексами морского базирования. Из этого можно сделать вывод, что одновременно с созданием ПРО предусматривается совершенствование ПВО, а это означает, что *сдерживание*, создаваемое США на новых принципах, направлено не только против стран-*парий*, но и против России. США в первую очередь отслеживают развитие именно российских мер преодоления ПРО, для чего планируется использовать РЛС в Вардо (Норвегии) и на острове Шемия (США). Сдерживание таких стран, как КНДР, можно осуществить более простыми и дешевыми средствами, развернув у ее берегов или на территории союзных стран только противоракеты воздушного и морского базирования. Для этого нет необходимости создавать ни весьма дорогостоящую глобальную разведку (в первую очередь низкоорбитальный SBIRS), ни противоракетные комплексы на территории США. Другим странам-*париям* для ударов по США необходимо иметь БР с дальностью до 13 тыс. км, создание которых можно ожидать только в отдаленном будущем. Такие угрозы вряд ли могут являться основанием для необходимости нарушать договор по ПРО в ближайшее время.

Проведенный анализ позволяет также сделать вывод о том, что поиск средств и способов преодоления должен вестись не только для ПРО, но и для ПВО, а также для средств борьбы с подводными лодками.

ПРО и безопасность России

Системный анализ военно-стратегических и инженерно-технических параметров планов США по созданию системы НПРО и ее влияние на национальную безопасность России, обеспечение устойчивого сдерживания всех видов позволяет сделать следующие выводы.

Создание НПРО США полностью подрывает сдерживание, основывающееся на *взаимном гарантированном уничтожении* и создает условия, когда применение РЯО против США становится весьма проблематичным, а по другим странам – возможным. В конечном

Научные Записки ПИР-Центра №15

счете этим создаются военно-технические предпосылки для того, чтобы решать любые разногласия или противоречия с любым государством мира с позиции силы или просто силой.

По мере развития системы НПРО и роста ее эффективности будет изменяться качество и содержание сдерживания. Так, при развертывании системы НПРО, которая сможет поражать до 50 ББ МБР³, двустороннее сдерживание США–Россия будет осуществляться прежними мерами, но уже необходимо будет при организации ответных действий учитывать эффективность ПРО, то есть необходимо будет сохранять большее количество БР и большее их количество планировать в ОВУ, чтобы компенсировать потерю 50 ББ.

При отсутствии возможности сохранения большего числа БР после нанесения упреждающего РЯУ качество сдерживания будет снижаться, оно будет становиться менее стабильным, повысится угроза применения силы для решения спорных вопросов. Так будет на каждом этапе развертывания НПРО США до тех пор, пока не будет достигнуто стабильное двустороннее или одностороннее сдерживание. В условиях сложного экономического положения России, постоянного достаточно жесткого контроля со стороны США за развитием средств доставки ядерного оружия и преодоления системы ПРО, совершенствованием СЯС и СОН достижение стабильного двустороннего сдерживания вряд ли возможно.

Таким образом, с развертыванием Соединенными Штатами системы НПРО возрастает угроза возникновения нестабильного двустороннего сдерживания. Этот период может стать весьма продолжительным и привести к состоянию длительного нарушения устойчивости военно-стратегического равновесия и международной безопасности. Длительное существование периода нестабильного сдерживания увеличивает опасность того, что в руководящих кругах США усилятся настроения в пользу активного использования военной силы в качестве главного инструмента внешней политики, в том числе путем развязывания разного рода локальных войн и вооруженных конфликтов, и даже *стимулирования* России на проведение удара БР первыми из опасения потерять свои СЯС.

По мере развертывания системы НПРО и увеличения ее эффективности возможно снижение эффективности ОВУ России и возрастание угрозы применения ядерного оружия. Несмотря на то, что на сегодняшний день основной формой его применения является массированный удар, по мере снижения мощности ядерных зарядов и повышения точности доставки могут получить распространение *дозированные* удары, ограниченные по количеству применяемого РЯО, но позволяющие изменять военно-стратегическую обстановку в свою пользу. Однако такое развитие СЯС потребует значительных экономических затрат, которые могут оказаться непосильными для России. В условиях экономических трудностей для повышения эффективности планируемого ОВУ Россия может быть вынуждена пойти по пути увеличения мощности зарядов ББ, оснащения их биологическим и химическим оружием, в результате чего система ПРО станет неэффективна, и в целом переориентировать свои СЯС с *контрсилового* варианта удара на *контрценностный*, менее *цивилизованный* и более агрессивный в глазах западного общества. Сочетание *дозированной* превентивной формы РЯУ, с *одной стороны*, и *массированной контрценностной* формы, с *другой*, будет провоцировать США на *разоружающий* удар. В этих условиях по мере роста эффективности системы НПРО США на каждом этапе ее развития все меньшее количество ББ сможет быть доставлено к объектам удара, и чем меньше это количество будет, тем больше мотивация для обеих сторон на применение РЯО первой.

Если предположить, что система НПРО развертывается США действительно против ракет стран *третьего мира* (а именно это утверждают американские официальные источники), то можно ожидать, что ее развертывание спровоцирует эти страны на активную разработку средств преодоления ПРО, совершенствование своего вооружения. В противном случае наличие в этих странах ядерного оружия и средств его доставки к объектам США становится просто бессмысленным. Подобная тенденция может иметь и другую направленность – нарушение баланса сил между Россией и странами второй и третьей группы за счет наращивания военного потенциала этих стран.

Развертывание ПРО на Европейском ТВД может привести к возрастанию безъядерной

Научные Записки ПИР-Центра №15

угрозы России со стороны стран НАТО и активизации территориальных претензий новых и будущих членов этого союза к России.

Таким образом, с развертыванием НПРО к неустойчивости ядерного военно-стратегического баланса может добавиться нарушение военно-стратегического равновесия, в основе которого находится паритет обычных вооружений.

Развертывание США новой НПРО невозможно без выхода их из договора 1972 года. Если этот выход все-таки последует в одностороннем, явочном порядке, то США подорвут веру не только в договорную систему между ними и другими странами, но и в целом в международную договорную систему, так как всему миру станет окончательно ясно, что сильный может нарушить любое международное соглашение, если это ему выгодно. В сегодняшней ситуации, к сожалению, сделать что-либо радикальное по предотвращению выхода США из договора 1972 года Россия вряд ли сможет, тем более, что договор (как и другие международные соглашения) не предусматривает каких-либо санкций за его нарушение.

Таким образом, показывая огромную опасность, которая будет угрожать устойчивости военно-стратегического равновесия, международной безопасности и национальной безопасности России в связи с развертыванием НПРО в США, Россия должна настойчиво бороться за изменение международного права таким образом, чтобы четко определились карательные санкции за его нарушение. Должны быть международные карательные санкции за распространение ядерного и других видов оружия массового уничтожения, средств его доставки, за применение этого оружия в любых масштабах, за терроризм, сепаратизм, распространение наркотиков и т.п. Такой подход отвечает требованиям повышения устойчивости сдерживания, снижения вероятности развязывания любых войн. Обеспечение безопасности любой страны должно быть первой обязанностью ООН.

В случае, если Россия все-таки будет вынуждена отвечать на вызов США, то предпринимаемые меры, в первую очередь, меры по преодолению ПРО, должны быть

максимально дешевыми, а их нейтрализация требовать максимальных затрат. Надо полагать, что тот научно-технический потенциал, который Россия смогла еще сохранить, позволит решить эту задачу в довольно короткий срок.

Для сдерживания третьих стран России необходимо сохранить *контрсилловые* возможности СЯС и в первую очередь РПК СН, стратегическая устойчивость которых может обеспечить сдерживание от применения ядерного оружия. Необходимо также сохранить некоторые типы тактического ядерного оружия.

Заключение

Проблема потенциального воздействия широкомасштабной системы ПРО на политическую обстановку в мире, военно-стратегический баланс, проблему устойчивости стратегического равновесия детально рассматривалась в связи с программой СОИ в начале девяностых годов⁴. Общий вывод был однозначен: стремление США к созданию широкомасштабной системы ПРО можно расценивать только как стремление использовать свой научно-технический потенциал для достижения военного превосходства со всеми вытекающими отсюда последствиями. Несмотря на то, что в те годы США противостоял СССР, обладавший огромным научно-техническим потенциалом, историческим опытом поддержания военно-стратегического равновесия, США, очевидно, все-таки питали определенные надежды на приобретение сколько-нибудь значительных преимуществ в политическом и в военно-стратегическом отношении. Но этим надеждам в тот период не суждено было сбыться.

В последнее десятилетие XX века геополитическая и геостратегическая обстановка в мире резко изменилась. Распад СССР и последовавший за ним экономический кризис, резкое ослабление военно-промышленного комплекса и Вооруженных сил РФ позволили США высвободить огромные средства (превышающие в несколько раз весь бюджет нашей страны) на совершенствование вооружений и военной техники и, в первую очередь, на реализацию планов по созданию НПРО, давней мечты военно-политической элиты США. Для того чтобы заручиться эффективной поддержкой американской и международной

Научные Записки ПИР-Центра №15

общественности, программу разделили на две составляющие (НПРО и ПРО ТВД) и вновь прикрывают их оборонительной упаковкой.

В заключение необходимо подчеркнуть следующее. Наиболее важными последствиями развертывания НПРО США является безусловное ослабление международной безопасности и безопасности отдельных стран, которое приведет к подчинению интересов этих стран интересам США, а следовательно, к снижению значимости ООН.

Создание НПРО несколькими странами первой группы может исключить возможность военного противостояния между ними, но позволит каждой из этих стран более свободно использовать ядерное оружие по другим государствам (странам второй и третьей группы) в случае возникновения острых противоречий. В этих условиях может возрасти роль ООН, то есть откроется еще одна область для гонки вооружений.

Наиболее целесообразным является создание системы коллективной защиты от любых БР (глобальной ПРО) при главенствующей роли ООН, которая должна обеспечивать защиту всех заинтересованных государств от ракетного нападения.

В условиях значительного сокращения СЯС, когда их роль в обеспечении безопасности остается одной из ведущих, возрастает

значимость мер по обеспечению выживаемости потенциала СЯС. Это означает, что совершенствование ракетно-ядерных сил страны должно сопровождаться развитием сил и средств, обеспечивающих их стратегическую устойчивость (СПВН, СПРН, ПВО позиционных районов и т.д.).

При продолжении процесса сокращения РЯВ необходимо учитывать не только эффективность СЯС, но и эффективность ПРО (если она будет создана), то есть общая эффективность сдерживания за счет СЯС и ПРО должна соответствовать эффективности сдерживания за счет только одних СЯС, если у одной из сторон нет ПРО: ведь чем выше эффективность ПРО, тем меньше оказывается эффективность СЯС противостоящей стороны.

¹Сергеев И. США нарушают стратегическую стабильность. *Независимое Военное Обозрение*, №22, апрель 2000

²Описание системы см., например: Sessler A., Detz B., Fetter S., Frankel Sh., Garwin R. and s.o. Countermeasures. Massachusetts Institute of Technology, 2000

³Шевцов А. Договор об ограничении систем ПРО: основа стратегической стабильности или яблоко раздора. *Ядерный Контроль*, №3, том 6, май–июнь 2000, с.45–53

⁴См., например: Велихов Е., Сагдеев Р., Кокошин А. (ред.). Космическое оружие: дилемма безопасности. М., Мир, 1986

Научные Записки ПИР-Центра №15

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основой компромисса между Россией и США по проблеме противоракетной обороны (ПРО) должно быть сохранение прежней логики стратегической стабильности, поддержание ядерного баланса и продолжение ядерного разоружения. Таким образом, основной целью компромисса становится создание условий, когда в ядерном равновесии России и США ничего не меняется.

Тем самым снимается главная проблема, приведшая к тупику в ядерном разоружении. Традиционно к ситуации подходят следующим образом: создание ПРО – выход из договора по ПРО – подрыв логики ядерного разоружения. Наш же подход таков: создание ограниченной ПРО – модификация договора по ПРО – сохранение прежней логики ядерного разоружения.

Позиция США состоит в том, что планы по созданию ограниченной национальной системы ПРО (НПРО) не подрывают российского потенциала сдерживания. Эта система не направлена, по официальным заявлениям американской администрации, против России. В России на официальном уровне с такой позицией не соглашаются. Однако неофициально многие военные эксперты признают, что часть планов США в области ПРО не подрывает российский потенциал сдерживания.

Суть предлагаемого нами компромисса состоит в том, что стороны должны согласиться зафиксировать параметры ограниченной НПРО, которая может быть развернута каждой из сторон по ее желанию и которая не подрывает потенциал их взаимного сдерживания.

Для этого необходима модификация договора по ПРО. Однако такая модификация представляется проблематичной. Договор 1972 года запрещает ПРО территории всей страны, но позволяет развернуть в двух (по протоколу 1974 года – в одном) районе ограниченную систему ПРО. Это система ПРО для борьбы со стратегическими наступательными вооружениями (СНВ). Тем самым стороны как бы еще в 1972 году отказались от принципа беззащитности перед СНВ противника как стратегии поддержания стабильности в

ядерный век. Косвенно уже в договоре по ПРО стороны признали право на стратегическую оборону. Однако тогда не было дано никаких дефиниций. Что такое ПРО территории всей страны? Что такое ограниченная ПРО?

ПРО может быть ограниченной как территориально, так и функционально. Что именно противоречит духу договора по ПРО, а что нет, выяснить будет совсем не просто. Значит, модификация договора по ПРО превратится в сложный переговорный процесс по согласованию различных формулировок и определений. Прежде чем модифицировать договор по ПРО? придется сначала согласовать его общее понимание, что будет в свою очередь не просто, так как трактовки духа и даже буквы договора у сторон во многом различные. В то же время стороны могут гораздо проще договориться о том, какие параметры противоракетной обороны не подрывают потенциал сдерживания.

Желание США обезопасить себя от новых угроз в мире не всегда понятно специалистам в России, поскольку те угрозы в ядерной сфере, которые США считают основанием для создания ограниченной ПРО территории страны, по мнению российских экспертов могут проявиться только через 10–15 лет. Однако представления США об их безопасности – это их представления, и они имеют *полное право* на их формулирование и защиту. Но здесь есть одно важное условие – необходимо взаимное уважение представлений друг друга о национальной обороне. И если США хотят, чтобы их озабоченности были приняты во внимание и учтены российской стороной, то то же самое должны сделать и сами США.

Создание ограниченной ПРО территории страны не подрывает потенциал сдерживания России в нынешних условиях. Однако делает невозможным выполнение в полном объеме договора СНВ-2. России необходимы не только обязательства США, что их система ПРО не направлена против России, но и соответствующие технические гарантии. Одну их часть составляют фиксация масштабов ПРО и обязательства по отказу от планов ее масштабизации на срок действия договора по ПРО. Вторая часть гарантий состоит в ограничении СНВ таким образом, чтобы у

Научные Записки ПИР-Центра №15

России оставались средства преодоления американской ПРО.

Главной составляющей этой части технических гарантий является наличие у России разделяющихся головных частей индивидуального наведения (РГЧ ИН) на межконтинентальных баллистических ракетах (МБР). В этой части положения СНВ-2 следует пересмотреть. В то же время России нет необходимости сохранять тяжелые ракеты. Одновременно количественные потолки нового договора по СНВ должны быть снижены. Возможно до 1000–1500 развернутых боеголовок. Целесообразно отказаться от подпотолков для различных частей триады. В договоре должны быть зафиксированы общие количественные ограничения для всей ядерной группировки, решать сколько из этого количества будет находиться на каких носителях должна каждая из сторон самостоятельно.

Необходимо понимать, что в настоящее время нельзя достичь существенного прогресса в деле ядерного разоружения. Помимо проблемы ПРО, есть и более глобальный фактор. Процесс ядерного разоружения не может бесконечно долго продолжаться в формате двусторонних российско-американских договоренностей, когда на параметры их соглашений влияют прежде всего интересы и силовые возможности, а также силовой потенциал этих двух стран.

Мир за последние 10–15 лет настолько изменился, что ни Россия, ни США, обсуждая вопросы сокращения своих ядерных группировок, не могут теперь *оглядываться* исключительно друг на друга. Целый ряд стран и негосударственных образований, стремясь повысить свою значимость в международных отношениях, уже накопили и продолжают накапливать силовые возможности, становясь потенциальными источниками угроз как для России, так и для США. Причем зачастую они стараются проецировать свою силу не только в регионах, где сосредоточены интересы кого-то из *гигантов*, но и непосредственно на их территории.

В этой связи Россия и США вынуждены пересматривать свое отношение к отдельным аспектам (параметрам) ядерного равновесия. США мечтают о стратегической обороне. В России говорят о повышении роли тактического ядерного оружия или о сдерживании угроз на региональном, и даже локальном, уровне с помощью СНВ. Разновекторность российских и американских подходов к ядерному равновесию рождает противоречия и разногласия на переговорах.

Однако определить роль ядерного оружия в новом мире, его значимость для каждой из сторон (не исключено и даже вероятно, что она будет различной) еще предстоит. В этих условиях выходить на какие-то принципиально новые договоренности, вырабатывать новую логику ядерного разоружения крайне сложно.

Пока необходимо решить более локальную задачу. Исключить сценарий, когда в ходе выработки новых подходов к роли ядерного оружия и дальнейшего *размежевания* позиций стороны полностью заблокировали процесс ядерного разоружения, вышли из уже достигнутых договоренностей, стали бы действовать в одностороннем порядке.

Таким образом, сейчас нужны промежуточные договоренности, которые бы, не ущемляя интересы ни одной из сторон, позволили им выйти из *ядерного тупика*: сохранить основные договоры, переговорные механизмы и выиграть время, чтобы в дальнейшем использовать их для достижения новых соглашений.

Только в рамках такой логики возможна (но не обязательна) модификация договора по ПРО таким образом, чтобы были зафиксированы параметры ограниченной системы ПРО, не подрывающей российский потенциал сдерживания. Эти договоренности должны фиксироваться на 20–30 лет. За Россией же должно быть оставлено право на обладание средствами гарантированного преодоления американской системы ПРО – РГЧ ИН.

Иван Сафранчук
Евгений Маслин

Научные Записки ПИР-Центра №15

Об авторах

Барановский Владимир Георгиевич родился в 1950 году. В 1973 году окончил МГИМО, в 1975 году – аспирантуру Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). В 1976 году получил степень кандидата исторических наук и в 1986 году – доктора исторических наук. С 1976 года работает в ИМЭМО, возглавлял сектор международной безопасности в отделе проблем разоружения, отдел западноевропейских исследований. В 1992–1997 годах являлся руководителем проекта в Стокгольмском международном институте исследования проблем мира (СИПРИ). В настоящее время – заместитель директора ИМЭМО. Область научных интересов – современные международные отношения, советская и российская внешняя политика, европейская интеграция, международная безопасность, контроль над вооружениями. Автор свыше 130 научных публикаций.

Бачевский Сергей Викторович родился в 1961 году в городе Балхаш Казахской ССР. В 1983 году окончил Житомирское военное училище радиоэлектроники, в 1992 году – военную инженерную радиотехническую академию им. Л.А. Говорова, в 1997 году – военную академию ПВО им Г.К. Жукова. Служил в войсках Ракетно-космической обороны. С 1992 года – преподаватель военной академии ПВО. С 1998 года является докторантом военного университета ПВО, кандидат технических наук, доцент. Автор более 100 научных работ.

Маслин Евгений Петрович, генерал-полковник (в отставке), действительный член Академии естественных наук РФ. Родился в 1937 году в селе Ново-Томниково Тамбовской области. В 1959 году окончил Военную Краснознаменную инженерную академию связи им. С.М. Буденного (Ленинград), в 1992 году – Академию Генерального штаба. Служил в ядерно-технических войсках на различных инженерных и командных должностях: прошел путь от инженера бригады до начальника 12-го ГУМО РФ (1992–1997 годы). За время службы в вооруженных силах награжден четырьмя орденами и многими медалями. Лауреат премии правительства РФ. Принимал участие во многих событиях, вошедших в историю развития российского ядерного арсенала. Автор многих статей и редактор монографий, посвященных развитию российских ядерных вооружений, выходящих на русском и иностранных языках. С января 1999 года – старший советник ПИР-Центра, член редакционной коллегии журналов *Ядерный Контроль* и *Научные Записки ПИР-Центра*.

Пайк Джон Е. (John E. Pike) – политический аналитик в Федерации американских ученых, автор и дизайнер интернет-представительства этой организации, названного недавно журналом *Foreign Affairs* лучшим сайтом по проблемам обороны и глобальной безопасности. Директор проекта по космической политике, начатого в 1983 году в ответ на программу «Стратегическая оборонная инициатива». Отвечает за проекты в области разведки, военного анализа и т.п. Бывший политический консультант и ученый. Член редколлегии журнала *Bulletin of the Atomic Scientists*, член Совета по международным отношениям. Был активным участником национальной кампании по сохранению договора по ПРО и работал в Исполнительном комитете этого движения. Является автором более 200 исследований и статей по космической тематике и проблемам национальной безопасности.

Подгорных Юрий Дмитриевич – полковник (в отставке). Родился в 1939 году в городе Боровичи Новгородской области. В 1968 году окончил военную инженерную академию им. Ф.Э. Дзержинского. Служил в Ракетных войсках стратегического назначения и войсках Ракетно-космической обороны. Доктор военных наук, член-корреспондент академии российской космонавтики им. К.Э. Циолковского. С 1994 года – профессор военного университета ПВО. Автор более 150 научных работ.

Сафранчук Иван Алексеевич родился в 1974 году в Москве. Выпускник Московского государственного института международных отношений. С 1997 года – научный сотрудник ПИР-Центра. С июля 1999 года – директор проекта ПИР-Центра «Контроль над ядерными вооружениями». Автор ряда научных статей и докладов по вопросам ядерной политики, ядерного разоружения, нераспространения ОМУ и российской внешней политики. Среди последних публикаций: *Ядерная политика России: проблемы и перспективы* (ред.), *Научные Записки ПИР-Центра*, №14; *Программа совместного уменьшения угрозы: оценка эффективности и перспективы развития* (ред.), *Научные Записки ПИР-Центра*, №13; *Тактическое ядерное оружие в новом мире и*

Научные Записки ПИР-Центра №15

нестратегические ядерные силы России, *Доклад ПИР-Центра*, №16, март 2000; The Pros and Cons of De-Alerting. *Disarmament Diplomacy*, September/October 1999; The Russian Public Speaks (with Vladimir Orlov). *The Bulletin of Atomic Scientists*, January/February 2000.

Сиротинин Евгений Сергеевич – генерал-майор (в отставке). Родился в 1925 году в Белоруссии. В 1955 году окончил Артиллерийскую радиотехническую академию им. Л.А. Говорова. С 1956 по 1989 год служил в научно-исследовательских учреждениях министерства обороны РФ в должностях старшего научного сотрудника, начальника отдела, начальника управления. Доктор технических наук, профессор, лауреат государственной премии СССР, академик Академии военных наук и Российской академии космонавтики им. К.Э. Циолковского. С 1989 года – профессор, научный сотрудник военного университета ПВО. Автор более 220 научных работ.

Тертрэ Бруно (Bruno Tertrais) родился в 1962 году в Париже. В 1984 году окончил Парижский институт политических исследований (ПИПИ). В 1985 году получил степень магистра права (Парижский университет) и в 1994 году – степень доктора политических наук (ПИПИ). В 1990–1992 годах занимал должность директора комитета по гражданским делам Ассамблеи НАТО в Брюсселе. В 1993–1995 годах – аналитик по европейским проблемам политического отдела министерства обороны Франции. В 1995–1996 годах работал в корпорации *Рэнд* в Санта-Монике в качестве приглашенного научного сотрудника. В 1996–1997 годах возглавлял сектор оборонных и стратегических проблем политического отдела министерства обороны Франции. В настоящее время является помощником директора по стратегическим вопросам министерства обороны Франции и читает лекции по мировой политике в ПИПИ. Область научных интересов включает вопросы военной стратегии, ядерной политики, проблемы безопасности в Европе и Азии, межатлантических отношений. Автор книг *L'arme nucléaire après la guerre froide: l'Alliance atlantique, l'Europe et l'avenir de la dissuasion*. Paris, 1994 и *Nuclear Policies in Europe, Adelphi Paper*, No.327, New York, 1999.

Тищенко Григорий Григорьевич родился в 1952 году. В 1975 году окончил Московское высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана. В 1982 году получил степень кандидата технических наук. В настоящее время является старшим научным сотрудником Российского института стратегических исследований (РИСИ). Сфера научных интересов – контроль над вооружениями, проблемы военного строительства. Автор статей, посвященных вопросам военного строительства в бывших советских республиках, в сборниках, выпускаемых на протяжении последних лет РИСИ в рамках проекта «Становление новых и независимых государств – участников Содружества Независимых Государств».

Фергюсон Чарльз Д. (Charles D. Ferguson) в 1987 году с отличием окончил Военно-морскую академию США в Аннаполисе и после этого проходил службу в качестве офицера на атомной подводной лодке с баллистическими ракетами. В 1996 году получил ученую степень в области физики в Бостонском университете. В последние годы работал аналитиком по вопросам безопасности и контроля над ядерными вооружениями в Федерации американских ученых в Вашингтоне, являясь директором проекта по ядерной политике. С августа 2000 года – сотрудник отдела нераспространения Госдепартамента США. Автор более двух десятков статей по государственной политике и нескольких статей по физике.

Челлани Брахма (Brahma Chellaney) – профессор, имеет ученую степень по проблематике контроля над вооружениями. Работал в Брукингском институте, Гарвардском университете, Австралийском национальном университете и Университете Джона Хопкинса. До последнего времени был членом Индийского национального консультативного совета по вопросам безопасности и членом Группы по внешней безопасности этого совета. В настоящее время занимается исследованиями в области безопасности в Центре политических исследований, расположенном в Дели, а также является редактором-консультантом крупнейшей в Дели англоязычной газеты *Hindustan Times*. Автор трех книг, постоянный автор *International Herald Tribune*.

Шен Дингли (Dingli Shen) – профессор, заместитель директора Центра американских исследований Фуданского университета (Шанхай) и заместитель директора Университетского комитета по исследованиям и развитию. Стал одним из основателей и руководителем первой в КНР университетской программы по контролю над вооружениями и региональной безопасности.

Научные Записки ПИР-Центра №15

SUMMARY

The future of the ABM Treaty has, quite understandably, become a focal point of current nuclear disarmament talks. The ABM Treaty ensured the continuation of the logic of nuclear rivalry between the two states as the basis for their nuclear relationship. The lack of shield made each party vulnerable to attack and promoted negotiations on nuclear arms reduction. If this logic is to be revised, its derivatives should be also reviewed. This is the essence of the problem, which has led disarmament to its current state of deadlock.

This paper, prepared within the framework of the «*Nuclear Arms Control: Russia and Other Nuclear-Weapon States*» project, contains articles by Russian and foreign experts analyzing key problems that have resulted from US NMD plans.

Bruno Tertrais, Assistant to the Director of Strategic Affairs (French Ministry of Defense), in his article «*Assessing the Impact of NMD on International Security*», analyzes the impact of US NMD on the strategic stability and balance of power between Russia and the USA, as well as on European defense and foreign policy. He pays special attention to assessing the arguments of both opponents and advocates of NMD plans. Bruno Tertrais concludes that NMD matters more for political reasons than for strategic ones. He contends that the United States should seriously consider the way NMD might affect its long-term political and security interests. A true *net assessment* approach is needed which will take into account the strategic aspects as well as the global political ramifications of the issue. The United States has yet to convince Europe, Russia, and others that it has not given up deterrence and nonproliferation, and is not moving away from multilateralism and nonproliferation and increasingly towards unilateralism and counter-proliferation. In conclusion, Tertrais reasons that the deployment of NMD would be better perceived by the world community if there was a parallel far-reaching US effort to reinforce nonproliferation and arms control regimes, notably in the fields of missile technologies and space.

Vladimir Baranovsky, Deputy Director of the Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, in the article «*US NMD Plans: International Political Implications*», considers the impact of US NMD on the international system. The author deems that news about the delayed NMD decision made Russia breathe a sigh of relief and encouraged many comments justifying the rigid and uncompromising approach to the problem. There are reasons for such assessments but they should not result in any euphoria or political mistakes. The discussion on missile defense is still under way and it may soon reemerge in the focus of global attention. It is important to minimize its possible international political implications, which could be graver than the military ones. Recently, Russia and the USA (during the June 2000 summit) have managed to find some common language in assessing the current situation with strategic stability and selecting ways to strengthen it. If the parties succeed in drifting from common language to joint actions, this will be crucial for the neutralization of the negative character of NMD issues. Besides, the two states may try to use this basis for the construction of a new model of cooperative relationship suitable for life in the 21st century.

Grigory Tishchenko, a senior research associate at the Russian Institute of Strategic Studies, authored the article «*US NMD and Possible Russian Countermeasures*», in which the Russian official position on NMD is analyzed. Grigory Tishchenko also considers the different options of countermeasures Russia could implement in response to the deployment of NMD in the USA. The author concludes that, due to the current domestic situation in the USA, a decision on NMD deployment will be made sooner or later. At the same time, the USA is not interested in exacerbating US-Russian relations. Therefore, one may expect further attempts to seek compromise with Russia. Russia should make the best use of all these attempts, without giving its consent to modify the ABM Treaty. Russia should also take advantage of the *time-out*, which has emerged following the US decision to postpone deployment, to mobilize world public opinion against US NMD plans. To eliminate the possible negative consequences of US NMD deployment for Russia's military security, Moscow should use a variety of political, military-technical, diplomatic, propagandistic, and other countermeasures. At present, one should not overestimate the NMD immediate capabilities and expect quick enhancement of its efficiency. Any specific decision concerning countermeasures should be put off until spring-summer 2001, when the USA makes a number of the most important decisions and approves significant documents that will determine US strategic and military plans

Научные Записки ПИР-Центра №15

for the next several years. Russia's response should be selected after taking into account the nature and contents of these documents and decisions.

Dingli Shen, Deputy Director of Fudan University's Centre for American Studies (Shanghai, China), in his article «*China's Concern over National Missile Defense*», assesses the Chinese position on NMD issues. The author points out that some in the USA have been indifferent to the negative security impact the revision of the ABM Treaty would inflict upon other states. According to this theory, the USA should, at least, care to some extent about Russia's concerns. As the ABM Treaty involves business between USA and Russia, currently there seems to be need to address China's concern. The USA should understand that the ABM Treaty both creates a balance of power between USA and Russia, and, more fundamentally, a cornerstone of global security. In the latter context, China's security is affected by the state of the ABM Treaty. However, the United States is legitimately concerned about missile proliferation. This concern is shared by the Chinese side. Major powers of the world, along with other countries, should work together to address such international problems, and to find solutions which serve both international stability and their respective national interests. Moving along the lines provided for by the ABM Treaty provides such a way forward. On the contrary, going ahead with disturbing the ABM Treaty and other countries' interests can only be counterproductive.

Charles Ferguson and John Pike, experts of the Federation of American Scientists (in August 2000 Charles Ferguson assumed the position of a Foreign Affairs Officer in the Bureau of Nonproliferation at the United States Department of State), in the article «*Missile Defense and Arms Control*» analyze the implications of NMD plans for the future of the arms control regime and the nonproliferation of nuclear weapons and missiles. The authors believe that while Russia's and China's ultimate responses to an American NMD deployment are uncertain, these states have clearly made their opposition known and have launched initiatives on many fronts. If NMD stays truly limited, Russia may be willing to accept some modifications to or flexibility in interpreting the ABM Treaty in exchange for possible lower levels in a future START III and possible additional American assistance. If NMD grows into a large defense system, Russia will likely do everything in its power to maintain a large nuclear arsenal. Regardless of the size of a NMD system, the USA will most likely find itself in a small, with respect to the size of the US arsenal, but heated, arms race with China that would be cause for alarm among those in Congress who view China as a strategic rival. Aside from additional Chinese missiles being targeted at the US, the more serious concern is the possibility of Sino-American relations worsening. Russia and China should continue to engage the USA on this issue. They should also seek to promote diplomatic and cooperative measures to prevent the development of a long-range missile threat from *states of concern*. Further, they should refrain from exacerbating the problem by abstaining from activities that contribute to proliferation.

Brahma Chellaney, Professor of Security Studies at the Centre for Policy Research in New Delhi, in his article «*NMD and Arms Race in Outer Space*», considers the possibility of militarizing outer space as a result of US NMD deployment, as well as the possibility of a nuclear arms race in the South Asia. The author stresses that NMD will compel states already armed with a range of different missiles to build even more sophisticated missiles that can foil defenses of any kind. The bare fact is that NMD will allow Washington to both deliver a nuclear punch and shield itself from counterattack. TMD and NMD will challenge the deterrent posture of China. China will use TMD and NMD to justify an accelerated nuclear and missile build-up. The ensuing rapid Chinese build-up, in turn, will undercut India's modest deterrent capabilities. The asymmetry with China will increase the extent to which New Delhi will be compelled to divert more of its scarce resources to new nuclear missile projects. Also, a stepped-up Chinese build-up will mean increased transfers of no-longer-needed technologies to Pakistan by Beijing. Consequently, as the capabilities of its *hand-in-glove* neighbors grow, India will come under greater strategic pressure. With defense being the other side of offense, NMD is also a route to the development of space-related weapons. Space-based platforms and other emerging weapons, such as anti-satellite lasers, could undermine strategic stability and global peace, even though they would ensure continued American military pre-eminence.

Yevgeny Sirotnin, Yury Podgornykh, and Sergei Bachevsky, from the Air Defense Military University (Tver), in their article «*NMD and Nuclear Deterrence*», analyze the balance between offensive and defensive arms, as well as the problems of deterrence in the context of US NMD deployment. The authors conclude that in the last decade of the 20th century, the geopolitical and geo-strategic situation in the world has dramatically changed. The collapse of the USSR, the ensuing economic crisis, a weakening military-

Научные Записки ПИР-Центра №15

industrial complex, and the shrinking of the armed forces – all this has enabled the USA to release enormous funding (which exceeds several times the Russian budget) to improve its arms and military equipment, above all to implement NMD plans – a long-standing dream of the US military-political elite. To get efficient support from the US and international public, the program was divided into two projects (NMD and TMD) and disguised in defensive *clothing*. The most important consequences of US NMD deployment will be the diminishment of international security and the security of individual states, which will ensure indisputable US domination and a decreasing role for the UN. The most reasonable step would be to develop a system of collective protection against ballistic missiles (global missile defense) with the leading role played by the UN. Such a system would ensure protection against missile attack for all states concerned.

In *Conclusion* by Ivan Safranchuk («Nuclear Arms Control» Project Director at the PIR Center) and Yevgeny Maslin (Col.-Gen., ret., Senior Advisor at the PIR Center), the authors try to find ways out of the *nuclear stalemate*, in which Russia and the USA are currently trapped.

The basis for US-Russian compromise on NMD issues should be the maintenance of the previously held logic of strategic stability. The US desire to secure itself against new threats is not always understood in Russia, where most experts believe that those threats adduced by the US as justifications for NMD deployment will not emerge within the next 10–15 years. The deployment of a limited missile defense system does not undermine Russia's deterrence potential in the current circumstances but does hamper the full implementation of START II.

At present any breakthrough in the area of nuclear disarmament is hardly possible. Beside the NMD issue, there is also a global factor. A number of state and non-state actors are striving to raise their status in the international system and to enhance their power capabilities, which would make them potential threats to Russia and the USA. Along these lines, Russia and the USA have to reconsider their attitudes to some parameters of the nuclear balance. The USA dreams of strategic defense. Russia tends to heighten the role of tactical nuclear weapons and to hope to deter regional and local threats with the help of strategic nuclear forces. Difference in US and Russian approaches towards nuclear balance results in differences and contradictions during negotiations.

So far it is necessary to solve a smaller problem: how to prevent a scenario in which, in the course of formulating new approaches towards nuclear weapons, parties may block nuclear disarmament, withdraw from existing treaties, and act unilaterally. In this context, it is extremely important to come make a compromise concerning NMD matters, which would demonstrate US-Russian willingness to continue dialogue on strategic arms and cooperative threat reduction.

Научные Записки ПИР-Центра №15

ПИР-ЦЕНТР

ПРЕДЛАГАЕТ ВАМ СТАТЬ
ЧЛЕНОМ

КЛУБА ПИР-ЦЕНТРА

Клуб ПИР-Центра основан в феврале 2000 года. Клуб объединяет частные лица и организации, оказывающие существенную поддержку деятельности ПИР-Центра, с которыми уже давно сложились дружеские и партнерские отношения. Это и *банковские структуры*, и *крупные компании*, и *дипломатические представительства* ряда стран. Задача Клуба обеспечить членам доступ к эксклюзивной информации по проблемам международной политики и безопасности.

Взнос включает в себя:

- 1) **Подписку** на полный комплект изданий ПИР-Центра с доставкой по Москве с курьером или заказной почтой за пределы Москвы, в частности, на:
 - журнал *Ядерный Контроль* (на русском языке);
 - дайджест журнала *Ядерный Контроль* (на английском языке);
 - *Научные Записки ПИР-Центра* (на русском языке);
 - бюллетень *Вопросы Безопасности* (на русском или английском языке);
 - информационные электронные письма *Arms Control Letters* (на английском языке);
 - на все выходящие брошюры серии *Библиотека ПИР-Центра* (на русском языке);
 - на все выходящие *Доклады ПИР-Центра* (на русском и английском языках).
- 2) Члены Клуба получают **доступ** к базе данных *Ядерная Россия*, к библиотеке и архивам ПИР-Центра.
- 3) Члены Клуба также имеют право на **льготы** (до 50%) при оказании информационных и консультационных услуг.
- 4) В рамках Клуба планируется проведение регулярных **заседаний**, на которых члены Клуба могут обмениваться мнениями по интересующим их вопросам, в неформальной обстановке устанавливать полезные контакты и т.п.

Членом клуба можно стать, оплатив клубный **взнос** для *индивидуальных* или *корпоративных* членов

В рамках *корпоративного* членства по услугам и льготам, предоставляемым согласно пп. 2–4, действует **схема «1+1»**, когда, помимо Вас, ими может пользоваться еще один сотрудник Вашей организации.

Все финансовые средства, получаемые от взносов (финансовой помощи) членов Клуба направляются на развитие образовательного проекта ПИР-Центра для молодых специалистов в области ядерного нераспространения.

По всем вопросам обращаться к заместителю директора ПИР-Центра Дмитрию **Поликанову**:

117454, Россия, Москва, а/я 17
Тел.: 335-1955, 330-6129
Факс: 234-9558
E-mail: polikanov@pircenter.org

В серии
«Библиотека ПИР-Центра»

вышла книга

ГРУППА ЯДЕРНЫХ
ПОСТАВЩИКОВ:
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ
(1974-1978)

Сегодня вопросы контроля над экспортным, критическим с точки зрения нераспространения оружия массового уничтожения, являются одними из наиболее острых в международной повестке дня. С одной стороны, ставятся вопросы о степени эффективности международных режимов экспортного контроля, в частности, в ядерной сфере. С другой – звучат требования большей прозрачности таких режимов, высказываются предположения об их дискриминационности. Но говорить о перспективах международных режимов экспортного контроля невозможно без представления о том, в каких условиях и исходя из каких предпосылок проходило формирование и становление этих режимов.

Восполнить существующий недостаток исследовательской литературы по данной проблематике взялся Роланд **Тимербаев**, крупнейший отечественный специалист в области ядерного нераспространения, принимавший непосредственное участие в переговорах, которые привели в последствии к созданию Группы ядерных поставщиков (ГЯП) и выработке Руководящих принципов для ядерного экспорта.

В предлагаемой вниманию читателей книге автор сосредоточился на истории создания ГЯП, а также на ее ключевых документах, прежде всего Руководящих принципах для ядерного экспорта, и на вопросе о принципе полноохватных гарантий. Особое место в работе занимает оценка нормативной базы Советского Союза после принятия Руководящих принципов. Многие факты, изложенные в работе, публикуются впервые. Значителен объем никогда ранее не публиковавшейся информации, почерпнутой автором из архивных источников, воспоминаний, а также из бесед с коллегами.

Книга издана одновременно на русском и английском языках.

По вопросам приобретения обращаться к заместителю директора ПИР-Центра Дмитрию **Поликанову**.

Тел.: +7 (095) 335–1955

Факс: +7 (503) 234–9558

E-mail: polikanov@pircenter.org